

СТОЛЫЦА

АЛЕКСИЙ II:

№ 36 (94) 1992 г.
Цена 5 руб.

«В чести и бесчестии,
при порицании
и похвалах...»

иллюстрированный еженедельник

Единственный банк России,
где сохранность средств вкладчиков
обеспечивается достоянием государства

Сберегательный банк Российской Федерации

ПОВЫСИЛ

ПРОЦЕНТНЫЕ СТАВКИ ПО ВСЕМ ВИДАМ ВКЛАДОВ

- По вкладу до востребования выплачивается **20% ГОДОВЫХ**
- Доход по срочному вкладу исчисляется в зависимости от фактического срока хранения сбережений:
 - от 1 года до 3 лет – **30% ГОДОВЫХ**
 - от 3 лет до 5 лет – **40% ГОДОВЫХ**
 - свыше 5 лет – **50% ГОДОВЫХ**
- **60% ГОДОВЫХ ВАМ ПРИНЕСЕТ ЦЕЛЕВОЙ ВКЛАД НА ДЕТЕЙ**

Новые процентные ставки
действуют с 1 августа 1992 г.
Доходы по вкладам
в учреждениях Сбербанка
Российской Федерации
НЕ ОБЛАГАЮТСЯ НАЛОГОМ

Михаил
ПОЗДНЯЕВ

ЕГО ПАРТИЯ

— Ваш новый правящий архiereй из какой партии будет — из «пименовцев» или из «никодимовцев»?

— Не из тех и не из других, а, наоборот, из третьих.

— Это как же понимать?

— А так — что он из партии владыки Алексия!

Фрагмент беседы двух священников, имевшей место в середине 80-х годов нашего столетия

Кто хоть мало-мальски знаком с советским периодом истории Русской Православной Церкви — улыбнется вынесенной в эпиграф байке с пониманием; для кого все это звук пустой — тому объясню.

В течение целого десятилетия, назовем его «хрущевско-брежневским», на излете правления престарелого патриарха Алексия I, борьба за преемство власти велась с переменным успехом между двумя митрополитами — Пименом и Никодимом и стоявшими за их спинами сплоченными станами. Не нам судить, что истинно отличало претендентов на престол; всякое деление, вроде «славянофил» и «западник», «традиционалист» и «модернист», «консерватор» и «либерал», — в данном случае будет весьма и весьма условным, поелику оба-двое — плоть и стать нашей эпохи.

Они различались меж собой, как партийные функционеры сталинского и хрущевского призывов, — да, собственно, таковыми и являлись.

Пишу не апокриф и не богословский трактат — но политический памфлет.

Фото А. Натрускина

Оттого, испросив прощенья у всех, кому любезнее в любой дворцовой интриге видеть Промысел Божий, отмечу два обстоятельства, две пружины, явную и скрытую, кои, по существу, и взметнули на Патриаршее Горнее место владыку Пимена. Обстоятельство первое: время выборов преемника Алексия I — рубеж 60-х и 70-х годов — было временем резких политических заморозков. А митрополит Никодим (Ротов) — типичный «церковный шестидесятник», легко входящий в одну обойму с Евтушенко, Глазуновым и Михалковыми... «Свой среди чужих, чужой среди своих»... Пимен после Алексия I был столь же надежен, управляем и предсказуем, как Андропов после Брежнева. И когда в высоких сферах вентилировалось — кто из двоих чем хорош и чем плох, букету никодимовских талантов противопоставлен был один скромный — зато и какой: «А Пимена верующие любят за то, как он службу ведет». И — перевесило! Это — в департаменте, вообразите, по борьбе с опиумом для народа! А еще — второе. Гадая, кого из двух митрополитов посадить в Патриархи, кремлевские волхвы все же призвали для совета человека авторитетнее и осведомленной некуда — Управделами Патриархии, причем уже многолетнего. Архиепископа Алексия (Ридигера). Его слово и оказалось в дискуссии последним: по сути кураторы спрашивали не о том, кто из двоих все-таки в большей мере соответствует троекратному возгласу «Аксиос» — «Достоин!», а с кем его Высокопреосвященству будет удобнее, безопаснее работать. И он — проработал с избранным им лично Патриархом еще полтора десятка лет!

Вплоть до начала «горбостройки».

Тогда-то, в декабре 1985-го, было написано владыкою Алексием письмо к Горбачеву, о чем церковная и нецерковная общественность узнала, впрочем, лишь теперь, благодаря публикации в «Известиях», с интригующим подзаголовком: «Оно хранилось в архиве ЦК КПСС под грифом «Совершенно секретно».

Публикатор и комментатор — небезызвестный, а даже и широко известный диакон Андрей Кураев, пресс-атташе Патриарха Алексия II, автор и редактор многочисленных статей, речей и интервью Святейшего, и сам довольно бойкий сочинитель. В его текстах, где бы они ни появлялись, от «Московских новостей» до «Дня», есть общее место: они всегда — кстати. Всегда — вовремя. В то время, когда от Патриарха, от Патриархии ждут заявления по вопросу, обретающему опасную остроту (а мало ли таких?).

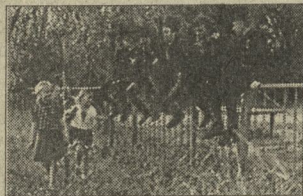
Как раз в начале марта выступал диакон Андрей Кураев на конференции в редакции «Столицы», посвященной 65-летию позорной Декларации митрополита Сергия и донныне не изжитому ее наследию. Воистину по-отечески журил о. Андрей других участников конференции, кажется, излишне распекавших Алексия II: Патриарха надо пожалеть, надо сплотиться вокруг него в этот трудный час — ибо, может статься, никому из его предшественников не было столь тяжело, как ему, здесь и теперь. По словам о. Андрея, вышло, что ножом острым в спину Патриарха оказались публикации демократичес-

Продолжение на с. 3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

А.Мешков:

...Не отнимайте у казака землю — они и бунтовать не будут.

8

А.Тарасов:

Я хочу совершенно официально сообщить товарищам Павлову и Горбачеву, что я совсем не против, если они мне пришлют номера зарубежных счетов, на которых держат деньги КПСС. Я готов заняться финансовым менеджментом этих средств, причем с пользой и для них, и для себя, и для России. Пожалуйста.

15

2 ЭКОНОМИКА

В.Косенко, экономист:

Взаимный зачет неплатежей предприятий — один из верных способов преодоления платежного кризиса предприятий и оздоровления их финансового состояния.

20

М.Масарский,
бизнесмен, политик, философ:

У нас в России состоится класс предпринимателей в одном-единственном случае — если мы не будем создавать клубы миллионеров, покупать бриллианты и т.д. А будем суровы, как старообрядцы, будем ограничивать себя и строить, строить, инвестировать, инвестировать...

Мое бессмертие — это мое дело, которое останется после меня.

22

3 ЖИЗНЬ

В.Воронов:

Вот «скупые» «детали некоторых архитектурных проектов: «План 1-го этажа: Кухня. Столовая. Веранда. Отопительная печь. Лестница из дерева на 2-й этаж. План 2-го этажа: Спальня. Спальня. Спальня. Спальня». Или еще одна скромная фазенда: «1. Кухня. 2. Столовая. 3. Туалет. 4. Санузел. 5. Спальня. 6. Веранда. 7. Холл. 8. Лоджия. 9. Гараж. 10. Хозблок. 11. Лестница. 12. Солярий».

33

Б.Глебов:

По Воронежской, Липецкой, Саратовской, Волгоградской областям России прокатилась «волна» отравлений грибами. Число пострадавших составило уже свыше двух сотен человек (не считая такого же, если не более, количества отравлений в Луганской и Донецкой областях Украины). Симптомы отравления: слабость, рвота, боли в области желудка...

36

4 КУЛЬТУРА

А.Митрофанов:

Володя Саков — один из монстров-патриархов современного русского комикса. Он — основатель студии комиксов «Тема» (не путать с одноименной газетой), всего за год своего существования подготовившей два десятка книг. Среди них — «Следствие ведут колобки».

50

А.Абдулов:

— Я очень верю в удачу. Даже когда даю автографы, всем желаю удачи. Приезжая в любую страну, иду в казино. Я — игрок.

53

Тэффи:

Васеньку надо послать в Париж, послать скорее, пока не поздно. Нужны деньги на железную дорогу, — он их достанет, потому что это именно и есть его специальность — занимать деньги на шменде-фер. Это его любимая игра. Он только раздует ноздри, и миллиард будет нашим.

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации СССР № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Григорий Вайсман

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов

Отдел экономики и науки: Елена Колесникова
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни: Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 378
1211 Geneva 11 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 04.09.1992 г.
Тираж 156.300 (1—100.000)

Над номером работали: В.Цыбульский, А.Пружинина, Л.Коновалова

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 3056

Продолжение. Начало на 1 стр.

кой прессы — начиная с фрагментов «Частного определения» комиссии Пономарева и Якунина — о связях епископата нашей Церкви с КГБ. Патриарх-де был и обескуражен, и ошеломлен, и в отчаянье приведен сией беспардонной выходкой журналистов. И на кого ему тогда опираться? На «Наш современник», что ли?

Почему бы и нет. «Наш современник» на прошлую Пасху получил от Алексия II эксклюзивное поздравление читателей. Помню, как расхваливал о. Андрей Кураев своего патрона вскоре после того, на одном из брифингов: вот какой Святейший молодец, ни разу в этом тексте не упомянул слов «Россия» и «русское!» Потом — еще где-то и в печати похвалу повторил... Это так странно было слышать: приветствие к Пасхе писалось председателем Русской Православной Церкви по заказу «Журнала писателей России» — и нате вам, обошлись без называния имен... а вот другое дело — как ловко избежал Патриарх хотя бы осторожной оценки позиции журнала, автором коего стал, — позиции, конечно же, никак не православной и не христианской, ибо и в уме, и на языке редакторов и авторов — прежде и более всего дележка людей на русских, иудеев, эллинов и проч.

Но и еще что смущало в скорбных песнопениях диакона Андрея в марте, в редакции «Столицы»: это — что ни о какой растерянности Патриарха в связи с публикацией избранных мест из переписки обитателей Лубянки с друзьями из Чистого переулка не шло и речи! Алексей II, политик высокого ранга и экстра-класса, сориентировался быстро и точно: съездил к спикеру Хасбулатову и получил от него заверение в том, что работа Комиссии Пономарева и Якунина вскорости будет свернута; заявил публично и впоследствии заявлял не раз, что опубликованные тексты — сомнительны и что доверия заслуживают не какие-то выписки и копии, а лишь подлинники, свидетельствующие о вреде, причиненном конкретным лицом конкретному лицу; на Архиерейском Соборе — это уже 31 марта! — назвал все, напечатанное и высказанное по данному поводу, клеветой и очернительством; День Св.Троицы праздновал в обществе Президента и в окружении архиереев-агентов; а во вторую годовщину своей интронизации в «Независимой газете» без тени смущенья сообщил *utbi et orbi*, что «подобные утверждения могут бросить тень на людей, в том числе и самых уважаемых. Ведь придумали же в КГБ кличку Андрею Дмитриевичу Сахарову!»

Спору нет: политика — дело грязное и беспринципное. Хочешь — ставь с ног на голову, не хочешь — величай черное белым. И публикация о. Андрея Кураева в «Известиях» — лишнее тому свидетельст-

во. В противовес «архивным изысканьям» о. Глеба Якунина — о. Андрей Кураев предлагал общественности свои, архивные же.

Справедливости ради: о послании Патриарха к Горбачеву диакон-референт писал еще в июне прошлого года, в специальном выпуске газеты «Россия», приуроченном к годовщине Патриаршества Алексия II и дивно напоминавшем обилием фотоснимков, цитат и неумеренностью славословий спецномера советских газет и журналов к очередным юбилеям «нашего Никиты Сергеевича» и «лично товарища Леонида Ильича». Но — будто бы о двух разных письмах говорил о. Андрей тогда и теперь! В июне 91-го текст под грифом «Совершенно секретно» именовался «толчком, с которого началась перестройка в отношениях государства и Церкви». В марте 92-го — тот же текст преподносится как факт личного мужества Патриарха (в 1985-м митрополита) Алексия, выражение его прямого несогласия с «указаниями ЦК по этим вопросам», в результате чего он был смещен «с ключевого поста в Церкви... при больном и престарелом Патриархе Пимене» (читай: лишен прямого наследования Престола) и отправлен в почетную ссылку в город на Неве... Диакон благодарит Бога за то, что будущего Патриарха тогда «не объявили сумасшедшим, экстремистом или врагом народа» — «реакция была гораздо менее жесткая, чем можно было ожидать еще за год до этого». Тут — хочется поставить запятую и дописать: «и гораздо менее мягкая, чем можно было ожидать год спустя»... Но только уж тогда — при чем тут Бог?

И еще — хочется задать несколько вопросов. Не диакону — скорее будущему церковному историку.

Первое. Возможно ли было в принципе такое послание — кого и кому! — без предварительного «прощупыванья почвы», без высочайшего на то соблаговоления?

Второе. Письмо — как сообщает о. диакон — было направлено Горбачеву 17 декабря 1985 года, рассмотрено на заседании Секретариата ЦК КПСС 13 марта 1986-го. Что такое эти четыре месяца? Обычная ли волокита или период напряженных переговоров и консультаций?

Третье. Важность вопроса — с него начато заседание ЦК! — подсказывает: им в большей мере интересовались на Старой площади, чем в Чистом переулке. Послание было прочитано по кругу — так было заведено — всеми секретарями ЦК. Какая коса и на какой камень нашла, вследствие чего вопрос о предложении Церкви «отдаться коммунистическому государству в идеологическое служение» не был разрешен положительно? Не сыграл ли Горбачев свою привычную игру, ставив — это лишь моя рабочая гипотеза — Егора Кузьмича с Александром Николаевичем и взирая на их потасовку, как сфинкс из кустов?

Четвертое. Послание к генсеку подписано не Патриархом Пименом, но его Управделами. Почему? Не связана ли вся

эта история со слухами о желании Пимена в последние годы принять схиму, удалиться на покой, и — с другой стороны — со сведениями о неудавшейся попытке «дворцового заговора» в Патриархии в середине 80-х? И не явилась ли почетная ссылка владыки Алексия в Ленинград следствием конфликта партийных фракций на Старой площади, отстаивающих интересы партийных фракций в Чистом переулке?

Пятое. Публикация о. Андрея Кураева в «Известиях» содержит цитаты не только из письма владыки Алексия генсеку Горбачеву, но и из постановления Секретариата ЦК, также снабженного грифом «Совершенно секретно». Откуда у референта Патриарха эти документы (надо думать, подлинники, а не копии)? Не передать ли из рук в руки, втихую, тайком, и не только со Старой площади, но и с Лубянки, еще многое и многое, уже сейчас представляющее интерес для историков и общественности? Все ли переданное цело?..

Чистая правда: в КГБ придумали кличку и для Сахарова. Однако ж нет в архивах КГБ рапорта о подготовке приказа о награждении объекта «Аскета» (эту кличку носил в гебешных документах академик) почетной грамотой. А рапорт начальника «церковного отдела» полковника В.И. Тимошевецкого о награждении таковой грамотой агента «Дроздова» — имеется.

«Поздравляем, товарищ Дроздов!» — «Служу Советскому Союзу!»

В миру агента «Дроздова» зовут Алексей Михайлович Ридигер...

Второго апреля 1992 года, ближе к вечеру, крупнейшие информационные агентства мира сообщили как новость чрезвычайной важности полученное из Свято-Данилова монастыря отречение митрополита Киевского Филарета.

«У нас посреди Великого поста поют Пасху!» — позвонил мне из Данилова милейший сотрудник Патриархии, работавший во дни Архиерейского Собора без выходных, обедов и отдыха.

Свершилось! Будто и впрямь тяжкий камень гробовой отвалился — и на Яузе, как и на Днепре, запахло такой уже скорой «Пасхой новой, святой, Пасхой таинственной!»

Но что, простите, свершилось?

Уединились в обеденный перерыв Патриарх с митрополитами Филаретом и Кириллом, совещались... и на следующем заседании предстоятель Украинской Автокефальной Церкви заявил, что принял решение уступить советам и просьбам собратьев и сослужителей — и отказаться от несения столь тяжкого креста.

В легкость и искренность такого решения невозможно было поверить! И это — Филарет? Тот, что исхитрился стать местоблюстителем Патриаршего престола после кончины Святейшего Пимена, форсировал события, дабы стать и Патриар-

Окончание на с.6

ТБИЛИСИ — ВТОРАЯ КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА?

Сторонники жесткой линии: Мать-Грузия превыше отцов нации

По мнению наблюдателей при Грузинском постпредстве в Москве, в Тбилиси все чаще говорят о новой кавказской войне и защите Матери-Грузии. О спасении Родины говорят с большой буквы, без уточнения, за кого они, собственно: за Шеварднадзе либо Гамсахурдиа... Впрочем, в Тбилиси все меньше вспоминают президента Гамсахурдиа и всю историю его свержения. Сегодня надо спасать Грузию от внешнего врага (в лице Конфедерации горских народов Кавказа, поддержавших руководство ВС Абхазии).

Часть грузинских политиков и интеллигенции страшится неминуемого ожесточения грузинской нации, пытается хоть как-то уладить кризис, но, похоже, момент упущен, и конфликт, начинавшийся как столкновение лично Гамсахурдиа и Шеварднадзе, перерастает в средневековую войну между христианской Грузией и мусульманскими народами Северного Кавказа.

Собственно, отдельные «горячие головы» в Тбилиси уже сейчас объявляют: «Пусть Конфедерация горских народов выставит 200 тысяч штыков — Грузия снарядит миллионную армию (при численности грузинского населения около пяти с половиной миллионов человек собрать подобную армию вполне реально).

Политические конфликты будут отодвинуты в сторону, поскольку и многочисленные

радикально настроенные грузинские вооруженные группировки, еще совсем недавно поддерживающие Гамсахурдиа, смогут, «не теряя лица», перейти на сторону не Госсовета или лично Шеварднадзе, а Матери-Грузии!..

По мнению многих грузин, «если взорвется Кавказ, то в войну неминуемо втянется и Россия, особенно когда конфликт между грузинами и абхазами перерастет в религиозную резню». Чем больше жителей Грузии разделяет данную точку зрения, тем выше рейтинг Эдуарда Шеварднадзе как единственно возможного лидера, который смог бы сохранить государство.

Единение нации может осуществляться не только на основе демократической президентской власти, но и под угрозой внешнего мусульманского вторжения. Самым читаемым сегодня в Тбилиси вновь, как и в годы второй мировой войны, стал «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели.

Борис ГЛЕБОВ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

(близкая к
официальной)

**НУГЗАР
МГЛОБЛИШВИЛИ,**
депутат Верховного
Совета Абхазской автономной
республики:

Первопричина конфликта в том, что в Абхазии ни во что была поставлена Конституция. В ней прямо записано, что все акты, законы, касающиеся правового статуса автономной республики, принимаются двумя третями голосов — фактически же все решалось простым большинством. А что это значит в условиях, когда наш парламент был избран по дискриминационным национальным квотам, когда абхазцы, составляющие меньшинство населения, имеют в ВС 60 процентов голосов? Впрочем, наши противоречия с сепаратистами могли быть решены мирно.

Как же случилось, что пролилась кровь? Во-первых, неправильно говорить о том, что был «ввод войск» в Абхазию: ведь эти войска не вхо-

дили в другое государство, Абхазия — неотъемлемая часть Грузии. Далее: была договоренность между Ардзинбой и Шеварднадзе о том, что смешанные силы — абхазская гвардия (кстати, незаконная) и гвардия Грузии совместно смогут обеспечить беспрепятственное передвижение поездов по территории Абхазии. Эти силы не предназначались для ведения действий против местных сепаратистов. Далее: вернулся находившийся в Самачабло с миротворческой миссией Сухумский батальон, он был в пути обстрелян. Обстреливался из военных объектов — санаториев МВО и ПВО, верхние этажи которых заняли боевики с целью втянуть Россию в конфликт. В каждом из санаториев находилось примерно по 500 военнослужащих, и, к сожалению, четверо погибли. Сегодня появились наемники с Северного Кавказа...

— Это не просто добровольцы, а именно наемники?

— Безусловно. У пленных и некоторых убитых оказались большие суммы денег в карманах — на добровольцев это уже непохоже. Кроме того, был разграблен весь город Сухуми, были захвачены тысячи автомобилей, которые выдаются как раз этим людям, прибывшим с Севера. К концу войны им всем обещано по машине, а 50 000 рублей выдают сразу.

— А грузинская гвардия в грабежах не замечена?

— Дело в том, что грабить стало нечего после того, как ушли эти... Впрочем, такие вещи были замечены и два человека были расстреляны за мародерство.

— Скажите, а разве нельзя было предвидеть, спрогнозировать, что в условиях массового насилия масштабы преступности только возрастут?

— Я с вами не соглашусь по той причине, что, если бы не пролилась кровь, не было военного сопротивления, эти войска в городе вообще не появились бы — они должны были сопровождать вагоны, передвигаться по железным дорогам. Конечно, были некоторые опасения, но решение было принято после достижения определенных до-

Сочи, август 1992 г.

говоренностей с Ардзинбой. Он их, к сожалению, не выполнил — напротив, был открыт огонь.

— Не был ли причиной военной акции значительный процент «звиадистов» среди населения Абхазии?

— Да, в Абхазии довольно много «звиадистов», но они все очень четко для себя определили — что такое территориальная целостность государства, и посягательства на целостность Грузии не допускают. В этом вопросе сторонники Госсвета и «звиадисты» едины — за редкими исключениями.

— Как вы считаете: есть ли перспектива — как в Южной Осетии — вмешательства каких-то межгосударственных миротворческих сил или конфликт удастся потушить своими силами?

— Мы находимся сегодня в Москве; здесь же находятся депутаты от блока «Союз». Мы сегодня заявили о том, что готовы вместе с ними провести пресс-конференцию. Там могла бы вырисоваться более объективная картина, более объективная информация, если, конечно, нам удастся их посадить за стол — хотя бы на пресс-конференции.

Наш корр.

АБХАЗИЯ — СТРАНА, В КОТОРОЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПЕРЕСТРОЙКА

Кажется, на всем пространстве бывшего СССР нет ни одного политика при власти, который не был бы «демократом». Сначала грузины «на ура» выбрали «демократа» Гамсахурдия. Теперь Госсвет Грузии возглавляет «демократ» Шеварднадзе. Нечего и сравнивать первого со вторым: диссидент, психопат, нарцисс — и солидный политик с большим опытом ведения «внутренних» и «внешних» дел, с колоссальными связями и авторитетом, с неоспоримыми заслугами перед демократией. Особенно последнее: твердая поддержка Горбачева, «новое

Сухуми, август 1992 г.

мышление», прекращение конфронтации с Западом, предупреждения о «правой» опасности. Наконец, почетный знак демократа — ругань со стороны Проханова, Анпилова и К°. Однако я позволил себе поставить «демократа» Шеварднадзе в кавычки. Эти кавычки относятся ко всей так называемой «перестройке», идеологом и двигателем которой был (наряду с другими) Эдуард Амвросиевич.

Прошу вспомнить: речь шла о «демократизации» и «гласности», а не о демократии и свободе слова. Кажется, мы уже успели об этом забыть. Как и о том, какие отношения складывались у демократа без кавычек — А.Сахарова с Горбачевым и его окружением. Такая забывчивость в какой-то мере прощательна. Но непростительно забывать об убитых в Риге и Вильнюсе. О Баку, Сумгаите. О Карабахе, пылающем до сих пор. Это все «перестройка», попытки «сохранить Союз», о чем так лепекся Горбачев со товарищи. Перестроечные «демократизаторы» предпочитают об этом не вспоминать — ведь при всем желании не свалишь вину за провокации и убийства только на происки ГБ и Генштаба. Здесь и Горбачев, и Шеварднадзе... «Цивилизованный» Запад своим любимцам все это прощал — ведь такой лес рубили, как тут щелкам не лететь!

Союз сохранить не удалось. Теперь сохранению подлежит единство его частей — России, Грузии. Шеварднадзе пошел на ввод войск в Абхазию, имея в виду (официально): 1) борьбу с местным «се-

паратизмом» (вспомним, кстати, борьбу Горбачева с различными «сепаратизмами» и методы этой борьбы); 2) пресечение уголовщины на железных дорогах и 3) наиболее существенное, но это неофициально — значительный процент «звиадистов» среди местного населения.

Но борьба с уголовниками и мародерами требует вовсе не танков и вертолетов — это, наверное, очевидно. Мало того, очевидно, что в обстановке массового насилия мародерства и грабежи станут повсеместными — что и произошло. «Сепаратизм» на любую силовую акцию реагирует только еще большим ожесточением, причем популярность «сепаратистских» лидеров в результате таких акций может и возрасти. «Нейтрализация» политических противников, если это не единицы, а сколько-нибудь заметные массы, с помощью военной силы тоже очень проблематична. Гибель ни в чем не повинных людей вовсе не проблематична, наоборот — закономерна и предсказуема. Отвечать за эту гибель, как это у нас заведено, будут, в лучшем случае, стрелочники: «щелки» продолжают лететь.

На что же рассчитывает и чего добьется лидер Госсвета Грузии? Ей-богу, не знаю. Но боюсь, что период «перестройки» и «демократизации» на территории бывшего Союза еще далеко не закончен.

Илья РАСКИН

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ...

ИЛИ ШИЗОФРЕНИЯ МИРНОГО ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Группа скалолазов кутаисского олимпийского клуба «Эдельвейс» покорила две безымянные вершины главного Кавказского хребта. По праву первопроходцев они назвали их «Америка-500» и «ООН» в честь 500-летия открытия Америки и в связи с принятием Грузии в члены ООН. Однако вслед за этим спортгруппа в полном составе преобразовалась в спецгруппу, довооружилась и отправилась в Сванетию охранять северные границы Грузии от проникающих на территорию республики экстремистов.

В Санкт-Петербурге прошло закрытое заседание мэрии, на котором обсуждалась ситуация в связи с обвинениями в адрес местного ОМОНа в «незаконных действиях» в отношении жителей закавказских республик». В мэрии сообщили, что «нервозность» у омовцев появилась после того, как в городе за одну ночь убили трех милиционеров — по предположению, кавказцы. Так же лица «кавказской национальности» неоднократно были замешаны в беспорядках на городских рынках. Однако цифры, приведенные городской прокуратурой, в какой-то мере успокоили и омовцев, и общественность: из 10 000 человек, привлеченных в этом году к уголовной ответственности, только 600 не являются жителями города. И, следовательно, говорить о «кавказском синдроме» пока рано.

По сводкам «Интерфакса»

Окончание.

хом, подставив ножку брату во Христе Алексию? И это — Филарет, сделавший на Украине все для ослабления Православия? Это — Филарет, кажется, трижды на Соборе предпринимавший демарши к выходу и уже на пороге остановленный? Это — он, верящий в силу письма Кравчука Алексию II более, чем в Страшный Суд? Он — ни единой жилкой не дрогнув, прошедший сквозь строй пикетчиков с Украины, потрясавших плакатами со словом «Анафема» и каверзно вопрошавших: «Хвыларэ-эт! А що ж ты бзз своей жинки прихав?»

«Нам было видно, — откровенничал на послесоборной пресс-конференции митрополит Ювеналий, — что в условиях, когда имеется определенный соблазн и невозможно митрополиту Киевскому быть символом и орудием в Украинской Церкви, мы просили его оставить пост председателя... Мы употребляли такое выражение, которое понятно церковным людям: быть Ионой. В книге Ионы пророка говорится, что, попав на пароход, Иона во время бури сказал, когда пароход должен был утонуть: «Братья, я согрешил — и поэтому выбросьте меня обратно в море... И когда это произошло, буря закончилась...»

Нет, вот только тут она и началась. Ведь не добровольно, не в силу глубокого покаяния, дабы, подобно Ионе во чреве кита, преобразиться для жизни новой (трехдневное моление Ионы во чреве гигантской рыбы, поглотившей его, чудесно пророчествовало о трехдневном Воскресении Спасителя мира) — нет, не так, не так, но братьями-товарищами из «Митрополитбюро» за руки — за ноги раскаченный, ухнул за борт «блаженнейший» Филарет!

Тут буря, говорю вам — ибо свидетель, — и началась. Пикетчики хватили за рукава буквально каждого выходящего за ограду: «Да он же вас съест! Нельзя его выпускать из Москвы митрополитом! Какой он митрополит?!» Московские священники роптали: «Да они понимают, что теперь они сами неканоничные? После всей правды, которая была на Соборе сказана о Филарете, ему один путь — в монастырь, простым иноком». Журналистка Украинского радио спросила на пресс-конференции владыку Ювеналия, не может ли так стать, что по приезде в Киев украинские епископы упрости владыку Филарета остаться их «батьком» — и он, проявив монашеское смирение, уступит.

— Никто из нас не допускает, что это произойдет, потому что ведь это было личное свободное решение митрополита Филарета, — не моргнув глазом ответил митрополит Ювеналий. — Он пред лицом Собора просил ему поверить, что он не будет подвержен никаким внешним давлениям, если такие могут быть... И мы хотели бы поступать не так, как это де-

лается в светских организациях...

Вернувшись в Киев, «блаженнейший» сообщил возлюбленным о Господе братьям и сестрам, что все переданное Российским ТВ, радио и газетами — ложь, что он подвергся в Москве силовому давлению, был как Христос в Гефсиманском саду, и взмолил на Голгофу, — но теперь на воле и заявляет во всеулышание, что сместить его с Киевской кафедры может одна только смерть.

И был вечер, и было утро... и был еще один Собор в Москве, лишивший Иону-Филарета «Антонова»-Денисенко М.А. всех степеней священства — но сам-то он в Киеве уже принимал поздравления с восприятием всей полноты церковной власти на Украине.

«Но как же так? Вы ж перед крестом и Евангелием в Москве побожилесь!» — недоумевали репортеры.

Э-э! то ж в Москве:

— А сюда приехал — люди стали просить не оставлять их в такое трудное время. И это произвело перемену... Все было связано с волей народа. Когда проголосовали на референдуме за Союз, церковь это поддержала. Когда этот же народ сказал «да» независимой Украине, почему церковь должна пойти против?!

«Но это же ни в какие ворота не лезет!» — что-нибудь в таком роде скажет, вероятно, читая интервью митрополита Филарета, митрополит Ювеналий. Лезет, лезет! И еще как лезет! Потому что — не те, узкие, тесные врата, из Священного Писания, а двери, открываемые ногой. Порог не высок — не заплнешься.

Возмущился, должно быть, высокопреосвященный Ювеналий кощунственным сравнением «блаженнейшего» своей персоны — со Христом, и еще в какой страшный час! А я дерзну владыке процитировать фрагмент его собственного ответа на мой вопрос о связях Патриархии с КГБ — все тогда же, на пресс-конференции в Даниловом монастыре, в канун Благовещения:

«Вы, наверное, замечали, что мы не очень-то реагировали на эти публикации — уподобляя Христу на суде у Пилата: «Он же ответа ему не даде»... Но потом, когда мы увидели, что вокруг нас эта работа проводится, высказали отдельные люди, что не можем мы быть вне этого процесса и не имеем возможности квалифицированно ответить. И поэтому пришли к решению создать Комиссию... И вот Комиссия должна убедиться, что это так, — и передать на суд Архиерейского Собора, чтобы архиерейский Собор, то есть Церковь могла разобраться...»

Вот скажите мне: как по-вашему, понимают они — что говорят? Какой образ Христа нам предлагают?

Христос — после Гефсиманской ночи оказавшийся на воле, в безопасности? Христос — предлагающий Пилату создать ответственную Комиссию, не знаю уж из кого — из первосвященников и книжников или из апостолов, для окончательного приговора?

В кого и во что они веруют — и нам предлагают верить?

К примеру, митрополит Питирим — на вопрос телеинтервьюера: «Верите ли вы в

реформы российского правительства?» — ответствующий:

— Верить можно лишь во что-то абстрактное.

От этого убеждения, как будто до сих пор не сформулирован Символ Веры, — совсем уже короткий шаг до такого заявления по поводу скандальных разоблачений:

— Это была такая форма существования. Это было то, чем жило все общество.

И тогда — ничего не стоит на прямой вопрос по сути дела: «Да или нет?» ответить: «Нет». И на Соборе потребовать Библию, чтобы присягнуть на ней: дескать, агентурный псевдоним «Аббат» узнал впервые лишь теперь, из газет!

Может, и не знал. Может, постеснялись сообщить. Хочется верить, что владыка Питирим, никогда, по его признанию телеинтервьюера, не лгущий, и в данном случае не поступился принципами. Однако, как мы и еще от него узнали, глядя в телевизор, кроме правды и кривды, Истины и Лжи, есть еще некая, для всех архиереев обязательная, «Официальная Норма».

Обязательная — для всех...

Паня, божий одуванчик, вечно в черном, как монашенка, почти глухая, почти уже и слепая, на глазах в землю уходящая, однако ж из тех, кто на Пасху раньше всех придет, встанет со своею клюшкой — и уж танком Паню не своротишь, так и простоит всю ночь, и едва ли не позже всех домой поковыляет, за нею последней и сторож церковь запрет... Подходит ко мне после всеобщей вразвалочку, манит пальчиком, оглядывается по сторонам и — на ухо:

— А ты читал, болгары своёва скинули?

Я «делаю вид»:

— Да ну?! Это за что же? Ведь Патриарх!

— А за то, что не от Бога, а от властей поставленный. От кегебэ!

Паня молчит, снова озирается — и прибавляет:

— И еще кой-кому пора.

Заговорив со мной о будущей участи Болгарского Патриарха (документы, подтверждающие его ставленничество от безбожных, богоборческих властей, изучены пока что в Парламенте — Поместный собор должен, насколько известно, собраться в Софии осенью), видный православный дипломат воскликнул: «Какое счастье, что Алексей был избран, а не назначен!»

Я и сам называл это счастьем. Пока не задумался, что ведь итог выборов был предрешен — как и исход выборов Президента СССР. Патриархом стал тот, чья очередь подоспела.

Тут ничего не мог сделать ни Филарет, ни митрополит Владимир, чья кандидатура предложена была, скорее всего, с целью «бортануть» Филарета: украинская партия в Патриархии очень сильна, даже и теперь, после раскола, ну и тем более

силна была тогда — вот и включили в список для голосования владыку Владимира (Сабодана). Кандидатуры митрополитов Ювеналия и Питирима были отмечены сходу. Один из членов нынешнего российского правительства поведал мне, что невооруженным глазом видно было в том, еще союзном парламенте, как идет в канун выборов Патриарха агитация за владыку Питирима. «Но Горбачев уже сделал свой выбор».

И — как пишет в недавней обширной и яркой статье «Молчанье предается Бог» протоиерей Виктор Потапов — «будущий путчист Крючков разослал по всем управлениям КГБ специальную шифрованную телеграмму, предлагавшую управлениям способствовать избранию на патриарший престол митрополита Ленинградского Алексия (Ридигера). Смели ли собранные на собор церковные агенты послушаться своего шефа?»

Кто читал год назад в «Независимой газете» мою статью «Да единомыслием исповемы...» — помнит, быть может, назойливость параллели «Горбачев — Алексей II», сопоставления, рожденного не среди церковных публицистов, но в недрах самой Патриархии.

Сегодня есть резон, после всего случившегося за этот год с Горбачевым и ввиду всего предстоящего Алексею II, вернуться к позабытой параллели.

В обоих случаях мы видим человека из хорошей, честной, трудовой семьи, рано осознавшего свое призвание, рано начавшего на этом поприще (едва ли не в одно время Миша Горбачев стал учиться на тракториста и комбайнера, а Алеша Ридигер — прислуживать на богослужении). Первый в классе ученик, милый, не лишенный честолюбия, задолго до окончания школы осознавший, что в провинции ему, пожалуй, не развернуться в полную меру. И столь же рано понявший, что общественное служение в чаемом размахе возможно будет совершать, лишь смело войдя в «коридоры власти».

Подъем с этажа на этаж был стремительным: ни сучка ни задоринки. Легко нашлись и мудрые учителя, и всемогущие покровители. Молодость и обаяние тоже служили свою добрую службу. Судя строго, статья диакона Андрея Кураева в «Известиях» — и впрямь апокриф, красивая, но легенда, сродни сказке про то, как злые Гришин, Романов и Соломенцев не давали доброму Горбачеву принять штурвал из хладных рук Андропова. Обычная, не слишком опасная для жизни игра номенклатурщиков: «Кто на новенького?»

Но главные совпадения начались дальше — когда Патриарх, глядя не под ноги и не по сторонам, но единственно на своего президента, с завидной точностью стал повторять его зевки, заминки и осечки. Это было тем страшнее, что все кругом прозревали.

Тут не все оказывается синхронно — но буквально всему отыскивается пара. Нагорный Карабах — и стычки с униятами. Выборочное возвращение гражданства диссидентам — и осторожное заигрывание Патриархии с Зарубежьем. Упорное отставание «социалистического выбо-

ра» — и глубокое почитание «сталинских соколов» — Патриархов Сергия и Алексия. Противоестественное стремление «в одну упряжку впречь» Лигачева, Ельцина, Крючкова и Шеварднадзе — и декларирование отсутствия в Синоде и Епископате каких-либо разногласий. Откровенная поддержка группы «Союз» — и благословение «Союзу православных братств», организации черносотенного толка, после злополучной речи Алексия II перед раввинами США заголосившей о необходимости низвергнуть Патриарха из сана.

И — как апофеоз «симфонии эпохи перестройки» — президентское цепляние за трон Генсека и молитва Патриарха на страницах «Правды» о том, чтобы утихли политические распри внутри КПСС и чтобы Господь не попустил «направленного взрыва» в ее сторону!.

Человек, живущий в нашем Отечестве по законам и порядкам, специально заведенным для «номенклатуры», быстро теряет чувство реальности. И ему очень легко поверить, будто и в самом деле террор и захватнические войны банды самозванцев и «радости и печали Церкви» — это одно и то же. Тем более легко поверить в то, что очень узкий круг людей, общение с которыми составляет будни и праздники Патриарха, — это Народ Божий.

Я сомневаюсь, что Его Святительство вполне в курсе настроений своих епископов — и чего уж тогда говорить о клире и мирянах!

Но, тешась этой, кружащей голову иллюзией, все чаще произносит Алексей II — с амвона, с трибуны, с телеэкрана — не «я, Патриарх» и не «мы, Синод», но «Церковь», «Православная Россия», «Народ Божий».

Формула, ставшая ключевой для Комиссии при Архиерейском соборе — «работать лишь с подлинниками, рассматривать лишь конкретные случаи причинения вреда отдельным лицам и Церкви в целом», — эта блистательная в своей размытости формула впервые прозвучала из уст Алексия II по телевизидню, во вторник Первой седмицы Великого поста, в репортаже о встрече Патриарха с группой патриотов из Сибири. Слова все очень хорошие — но какой за ними смысл? На каких весах определять вред? Что называть подлинниками? Приобщать ли к делу комплект «Журнала Московской Патриархии», начиная с первого его номера? Книги «Правда о Религии в России» (М., 1942) и «Патриарх Сергей и его духовное наследство» (М., 1947)? Пресловутый доклад В.Фурова членом ЦК КПСС и лживые сборники, выпущенные по заданию КГБ издательством АПН?

Расценивать ли как злой умысел и страшный ущерб Церкви Христовой троекратное лобызание в Царских вратах новоиспеченного Патриарха Алексия I и генерал-лейтенанта МГБ Г.Карпова, уголовного преступника, первого Председателя «Совета по делам»?

Как относиться к еще не обнаруженным Комиссией Пономарева и Якунина фактам из архивов КГБ? Скажем, к сооб-

щению о «продвижении» «в целях укрепления агентурных позиций по линии РПЦ» «в Харьков — агента «Петрова» и в Загорск — агента «Васильева» и о «выводе из Женева» агента «Нестеровича» (1984 год). Или — к донесению о том, что «на руководящее положение в РПЦ продвинул агент «Павел», который направлен в Иркутск» (1980 год). Имеются свидетельства, что здесь — те самые случаи, когда хиротония во епископа совершалась по настоянию КГБ, то есть не епископ делался агентом — а наоборот!

Быть «первым среди равных» — не только почетнее, но и тяжелее, нежели оставаться в ряду. Каждый из нас лишь в малую меру своих сил и дерзости может представить, сколь тяжел этот крест, этот посох Святителя Петра, этот белый Патриарший куколь. Но и пристальнее в эту сторону все мы глядим. И ничего от наших взоров не ускользает.

Понимает ли Алексей II — как он одинок? Одинок — на миру...

«Церковь не намерена заключать политических браков», «Православная Церковь не может и не хочет быть государственной религией», «Мы не желаем ассоциироваться ни с одной из политических партий». Все настойчивее в печати звучат эти слова — звучат из уст Патриарха. И все очевиднее: пока что, увы, это — лишь слова. Никогда на Руси Церковь не была вполне свободна. Она была в положении царицы, и первого министра, и казначея, и пленника, и раба. Но нет ничего хуже участи холопа. Мальчишки на побегушках. Угодливого лакея. Ибо такая роль исполняется всегда добровольно — и никогда по принуждению. Лишь к ней возможно привыкнуть, «терпя, чего терпеть без подлости не можно»...

Патриарху сегодня, должно быть, мнится, что сбылось его чаянье семилетней давности: Государство и Церковь выступают в качестве «равных партнеров». Однако ж действительное отделение Церкви от Государства — не в практическом осуществлении принципа «разделяй и властвуй», но в резком и неударимом рывке ввысь. В восстановлении своего ангельского достоинства. В занятии над миром сим подобающего Церкви Горнего места.

Примеров тому — множество. Даже и в новые времена.

Когда распаивается на Литургии за веса и зычно возглашает диакон «Двери! Двери! Премудростию вон-мем!», и все, кто ни есть во храме, поют «Верую» — ярчайшая «вольтова дуга» вспыхивает. Там ушедших поколений обрацаются к нам словами Символа Веры — и теми же словами мы им ответствуем, отвечая и за потомков своих.

Мы стоим лицом друг ко другу. Их озаренные лики — и наши, омраченные. Но свет, он лиется через Царские врата.

И тьма не обымет его.

Хорунжий

Георгий КОКУНЬКО

ИГРАЯ С ОГНЕМ, И БЕЗ РУК ОСТАНЕШЬСЯ

Год назад «Столица» (№ 31—32, 1991 г.) опубликовала интервью с хорунжим Московского землячества казаков Георгием Кокунько. За прошедшее время произошли многие перемены. Если раньше казачество только зарождалось, то теперь оно прочно, заявило о себе. С каждым днем становится все очевиднее, что оно — реальная сила. Вместе с тем к казакам у российской общественности накопилось немало вопросов, и наш корреспондент попросил ответить на них теперь уже заместителя штаба Объединения казачьих войск России Георгия Кокунько.

— Георгий Валентинович, недавно было принято постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества». Помнится, в прошлом году вы говорили, что его давно ждут в казачьих станицах...

— Да, но ждали чего-то конкретного, а не очередной декларации о намерениях, каким и получился этот документ, впрочем, как и президентский Указ «О мерах по реализации «Закона о реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества». Правительство и Верховный Совет долго закрывали глаза на существование казачества. Аргументировали так:

сначала нам надо разобраться с татарами, с Черноморским флотом, ну а вы, казаки, потерпите, ведь вы и так патриоты. Такая медлительность сказалась на казачьем движении. Значительная часть его и без того с самого начала находилась под влиянием бывших работников партаппарата. Движение стало принимать уродливые формы. Какому-нибудь председателю сельсовета, директору совхоза или председателю колхоза ничего не стоило объявить себя атаманом. Началась люмпенизация движения, казачью форму даже стали надевать уголовники. Казаки брали на себя функции милиции, в казачьих областях скапливалось оружие и т.д.

— То есть движение стало выходить из-под контроля...

— Именно. И причина была в том, что правительство не определило, что же такое казачество. Говоря научным языком, возникли сложности концептуального характера. До революции все было ясно: казачество базировалось на трех китах — особой воинской службе, особом землепользовании и самоуправлении. Первый встречный не мог одеть казачью форму. Казак служил государству, был приписан к своей земле. Так что в понимании моего деда никакой я не казак. Воинской службы не нес, своей земли у меня нет, а в родную станицу езжу только на лето, в самоуправлении не участвую...

Пора уже четко определиться, что же мы хотим возродить. Разночтения носят принципиальный характер. В понимании генерала Стерлигова казачество — это общественно-патриотическая организация неолевашевского толка. По мнению же родовых казаков, казачество — это народ.

А что такое казачество с точки зрения

правительства? Какое казачество оно собирается возрождать? Непонятно.

Если называть вещи своими именами, то история казачества в России — это история государственной политики в отношении казачества. Государство создавало формирование казаков, казачьи войска. Когда нужно было пополнять ряды казаков, оно приписывало к ним целые села. Отпала надобность — на базе казачьих полков формировались полки гусарские и т.д. Действовало государственное управление по делам казаков.

Да и уничтожение казаков тоже было политикой государства. Только уже другого — советского. Значит, и сейчас нужна государственная политика по возрождению казачества, коль уж решено его возрождать. Что такое казак? Какие функции он должен выполнять в современном обществе? Если иметь в виду только возрождение культуры, тогда надо создавать историко-культурные общества, ансамбли из людей, одетых в казачью форму. Но только без погон. Тогда никаких военизированных отрядов.

Но если государству, как и раньше, необходимо воинское сословие — то его, это сословие, надо возрождать.

— Вы считаете, что такое сословие необходимо?

— Я считаю, что резко изменилась геополитическая ситуация. Россия оказалась возвращенной к своим старым границам. А на них нет ни приграничных застав, ни приграничных столбов. Как быть? Создавать их заново? А может быть, раздать эти приграничные земли людям, которые назовутся казаками? И как бы заново образовать казаков, включив в их число как потомков этого сословия, так и тех, которые готовы носить казачью форму. Можно использовать дореволюционный опыт и создавать приграничные казачьи поселения. Чтобы люди с оружием в руках защищали землю, которую они обрабатывают. На Уссури, на Амуре, где много свободной земли, ее уже сейчас можно давать желающим.

В других регионах можно было бы создать воинские формирования, придав им статус национальной гвардии. Как в США. Но в таком случае человек должен что-то иметь за свою службу. В Америке он получает деньги, пользуется льготами в медицинском страховании и т.д. А у нас? Должна же быть какая-то компенсация (это слово, по-моему, более удачно). Причем в каждом регионе с учетом местных особенностей. Скажем, на Дону, где свободных земель практически нет, казак мог бы иметь преимущества в приватизации, использовании приватизационных чеков... Если бы Закон, принятый Верховным Советом, и Указ президента рассматривали эти возможности! Но — увы...

— При чтении постановления возникает и много других недоуменных вопросов. Скажем, за казаками признается право восстановления традиционного уклада

Фото ИТАР — ТАСС

Работа правительственной комиссии по реабилитации казачества

жизни, традиционного самоуправления. Но как добиться этого в бывших казачьих станицах, большинство жителей которых составляют не казаки?

— В том-то и дело, что это декларация, рассчитанная на умных людей, которые все поймут и будут поступать по-умному. Но в жизни люди бывают разные. К тому же на местах вся власть по-прежнему принадлежит председателям колхозов и сельсоветов, директорам совхозов. Смеем предположить, что они положение о традиционной земельной общине истолкуют по-своему. Как сохранение колхозно-совхозного строя.

Все зависит от человека, от того, как он поймет написанное в Законе. Один поступит так, как выше сказано, а другой — распустит колхоз, отдаст людям землю и скажет так: живите дальше, как хотите. Хотите — объединяйтесь, хотите — нет.

Да, в традиционных казачьих районах осталось мало казаков. На Дону их наберется всего семь процентов. Что же делать? Взять всю землю и отдать этим семи процентам? Но тогда неминуем социальный взрыв. Однако это не смущает иных атаманов, которые требуют возвращения земли существующим казачьим объединениям. Выходит, что рассказывали, отнимали собственность у Иванова, Петрова, Сидорова, а вернуть должны нынешним атаманам, из которых многие — не казаки.

Мне кажется, что реабилитация казачества должна идти другим путем. Найдите конкретных людей, потомков этих самых Ивановых, Петровых и Сидоровых, обеспечьте им компенсацию. Например, выпустите облигации Кубанского банка и бесплатно предоставьте их тем, чьи предков в свое время истребили или выселили. Сейчас ведь много кубанцев живет в Сибири и на севере.

Но я боюсь, что запаздывание с разработкой конкретных мер по выполнению

Закона добром не кончится. Казаки уже имели возможность наблюдать, что произошло с Законом о реабилитации репрессированных народов. Сначала два года «тянули вольнку» с принятием, а затем чуть ли не объявили, что действие Закона приостанавливается. Как бы и в отношении казачьего закона не произошло то же самое. А казаки — народ горячий, не в меньшей мере, чем чеченцы. И кое-где у атаманов уже чешутся руки захватить всю хуторскую землю, выгнать тех, кто их не устраивает, и жить по-своему.

Повторюсь: если не будут приняты конкретные меры по реализации Закона, казаки возьмут эту самую реализацию на себя. И тогда быть беде...

— Но как избежать этого?

— Нужна большая комплексная программа по реабилитации казачества. Согласно Указу президента, ее должны разработать до 1 января 1993 года. Но кто будет этим заниматься?

Надо привлечь к составлению программы опытных специалистов. Не атаманов в станицах, которые, кроме рассказов бабушек и дедушек о том, как прадед махал шашкой и какая была жизнь на хуторе, ничего толком не знают. И не чиновников Минсельхоза, не офицеров, эрудития которых тоже оставляет желать лучшего. А именно специалистов. Если правительство всерьез займется этой проблемой, выделит деньги на оплату работы десятков профессоров, которые исследуют казачество, тогда можно ожидать какого-то результата. А сейчас что получается? Из-за того, что казачьи организации сильно люмпенизированы, интеллигенция в них не идет. Такая ситуация в Питере, Ростове, да и в других городах.

Наш экспертный совет при Российской Академии наук и Госкомнаце подготовил справку о том, что же такое казачество, как оно формировалось и т.д. Разослали их главам администрации. Но я опасуюсь,

что документ этот будет положен под сукно.

— Вы упомянули люмпенизацию как одну из серьезных проблем казачьего движения. Многие связывают эту проблему с участием казаков в конфликте в Приднестровье...

— Казаков в Приднестровье было не так уж много, но своим бравым видом и даже неподчинением приднестровским властям они сразу же бросались в глаза... Я с самого начала считал и продолжаю считать, что этот конфликт искусственно разжигался бывшими партократами обеих сторон, ибо в иных условиях такие руководители никому не нужны.

Помогли ли казаки русскоязычному населению в конфликтной ситуации? С одной стороны, да. Они показали, что в то время, когда Ельцин и Кравчук не выполняют своих предвыборных обещаний о защите русских и украинцев в ближнем зарубежье, занимают позицию страуса, спрятавшего голову в песок, делают вид, что нарушений прав человека в Молдове не происходит, в это самое время находясь люди, рядовые граждане России, которые доказывают приднестровцам, что о них все-таки помнят, их пытаются защитить.

Но, с другой стороны, популярность Народного фронта Молдовы после появления казаков в Приднестровье резко возросла. Этот фронт, как известно, выступает за воссоединение с Румынией. По молдавскому телевидению несколько раз прокрутили ролик с попавшим в плен донским казаком Шкуро. Людям подсознательно внушают: вот он какой, страшный казак. Они идут, скоро нас захватят, значит, надо быстрее объединяться с Румынией.

Так что в появлении казаков в Приднестровье были свои плюсы и минусы. Но в том, что произошло там, виноваты главным образом российской и украинское правительства. Никто не поверит, что слова Ельцина и Кравчука не было бы достаточно, чтобы остановить кровопролитие в Бендерах.

— Может быть, если бы это было сделано, то казаки заняли бы место не на поле брани, а в составе миротворческих сил.

— Конечно. Да и многие бы просто не поехали туда, где наводится порядок. А ведь известно, что на местах бывшие партократы очень советовали казакам ехать в Приднестровье. Почему? Да потому, что последние, останься они дома, стали бы требовать свою землю. Пусть лучше воюют на чужой. Пусть пребывают там в роли защитника, но только не у себя дома. Я разговаривал с казаками из Горного Алтая (Казахстан), которые ездили в Приднестровье вместе со своим атаманом. Он говорил: «Вот сейчас возвращаюсь домой. Не знаю, как там. Нас очень обижают» — и т.п.

— Многие интеллигенты, если говорить откровенно, боятся возрождения казачьих воинских формирований.

Опасаются, что они могут выйти из-под контроля. Об этом писала «Независимая газета», которая предрекала «костры» на границах, которые будут защищать казаки.

— «Выйти из-под контроля»... Что ж, для подобных опасений действительно имеются некоторые основания. Как-то с ребятами-телевизионщиками мы снимали на Верхнем Дону программу для «Сельского часа». Заехали в один из хуторов, зашли к деду — старому казаку. Он нам говорит: «Да, это моя земля. Мои сыновья, может быть, ее и взяли бы, но пока я говорю им: не берите. Во-первых, без техники загнетесь. Во-вторых (и это главное), нет гарантии, что ее у нас через два года не отберут. Вот если бы мои внуки служили в казачьем полку, вот тогда бы я был уверен: придут меня рассказывать, этот полк снимется с места и начнет меня защищать».

Вывод: казаки рассматривают свои военнизированные части как гарант от очередного рассказывания. А вовсе не как репрессивный аппарат.

Так что, господа хорошие, не отнимайте у казака землю — они и бунтовать не будут. А иначе произойдет то, что случилось в Кронштадте, когда одетые в солдатские шинели крестьяне выступили против большевиков.

— Выступая на Конгрессе гражданских и патриотических сил, вы назвали казаков традиционалистами. Как вы это понимаете?

— Понимаем так: мы — сторонники традиционных российских ценностей. Может быть, принцип — царь, православие, народность — достаточно затаскан, воспринимается как консервативный... Но ведь можно отказаться от внешней оболочки терминов и посмотреть вглубь. Что плохого в лозунге православия? Из-за отказа от него мы получили духовно неразвитых людей, бескультурных и безграмотных. Отказались от «народности» и получили руководителей, которые живут-шикуют, ставя на народе свои эксперименты. Царь. У нас в Союзе казачьих войск России есть люди разных взглядов, в том числе и демократических. Но много и монархистов, которые считают, что сам принцип монархии ничего плохого России не принес. Наоборот, монарх — гарант законности, человек, который будет стоять над партийной грызнью, который уже своим воспитанием подготовлен к управлению государством. Которому не нужно совершать подлости, чтобы прийти к власти и опираться на определенные силы, а не на всю страну. Любой политик каждый раз должен доказывать легитимность своей власти. Государь же не должен.

Все это не значит, что мы хотим вернуться к устройству страны до 1917 года. Мы такие же традиционалисты, скажем, как швейцарцы, которые на собраниях в кантоне голосуют (только мужчины) поднятием шпаги, в камзолах. А возьмите па-

Фото ИТАР—ТАСС

Ставрополь. Фотовыставка «Казачество возрождается»

радно-караульную службу шотландских гвардейцев в Англии. Мы тоже хотим вернуть утраченные национальные традиции.

— А порка — тоже традиция?

— Отвечу так: есть традиции хорошие и плохие. Я уверен, что если бы 17-й год не оборвал ускоренное развитие России, то история казачества претерпела бы значительные изменения. Да, перед революцией были отдельные случаи порки. Когда я спрашивал об этом у своего дяди — очень пожилого человека, он долго чесал затылок, а потом сказал: «Да, бабушка рассказывала, что-то было». То есть перед революцией эта традиция стала уже исчезать. Да и потом... Говорить о какой-то порке сейчас, во время разгула преступности, когда родители боятся по вечерам выпускать девушек на улицу, — просто смешно.

— Вы вошли в Совет Российского народного собрания (РНС)...

— Да, но с самого начала я прекратил участие в его работе.

— Не потому ли, что чувствовали себя не совсем удобно в одной команде с некоторыми национал-патриотами?

— Люди, с которыми решили блокироваться Астафьев и Аксючиц—Бабурин, Павлов, Н.Лысенко, не способны на компромисс и продолжают занимать жесткую позицию. Они ее ни на йоту не изменили. Компромиссы имеют место только со стороны Астафьева и Аксючица. Последние все время отступают и с каждым разом становятся все ближе к своим союзникам. Я лично убедился в этом. Симптоматичным было одно из заседаний Совета, на котором Аксючиц сказал примерно следующее: знали бы мы это, когда защищали «Белый дом»! На что Павлов тут же ответил: вот так-то, мы еще тогда говорили вам, что вы сделали глупость, надо было тогда свергать и т.д. Аксючиц: да-да, но кто же знал... Я не вытерпел и сказал: «Вы меня, конечно, извините, но я до сих пор горжусь тем, что я вместе с другими казаками защищал «Белый дом».

— Это очень интересно. До сих пор казачье движение представляют как нечто цельное и обязательно антиправительственное...

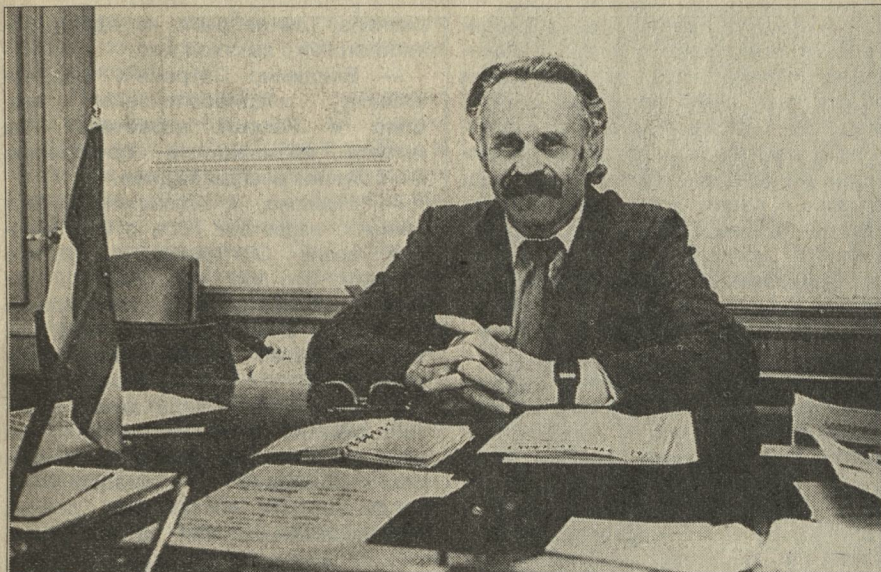
— Казачье движение неоднородно и противоречиво.

Наиболее многочисленные организации казаков такие: это наше Объединение казачьих войск России, куда входят Московское землячество, Сибирское, Енисейское, Кубанское войско, Союз казачества Оренбуржья. Мы наследуем традиции белого казачества. Затем — Союз казачьих войск Юга России во главе с атаманом Мещеряковым. Он завоевал себе популярность участием в приднестровских событиях. И, наконец, Союз казаков России — организация, созданная еще ЦК КПСС. Возглавляет ее бывший партработник Мартынов. Почему-то средства массовой информации представляют ее как единственного выразителя интересов казачества. Все «комплексы» этого Союза приписываются всему казачеству. Говорится о проведении недавно Атаманском Совете и умалчивается (как это делает «Независимая газета» в номере за 7 августа) о том, что объединяет он далеко не все казачьи организации.

На самом деле до событий 19 августа прошлого года Союз казаков занимал, как бы мы сказали сейчас, «гэкачепистские» позиции в духе небезызвестного «Слова к народу», блокировался с «общественно-патриотическими» силами. После перевала переворота, мне кажется, эти люди еще не осознали, в какой стране они живут.

Иные политики позволяют себе порой поиграть с такими вот «патриотами». Но это опасные игры — игры с огнем. Как бы без рук не остаться...

Беседу вел Александр МЕШКОВ

Владимир КРЫЖАНОВСКИЙ,
посол Украины в Москве

«РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ НА УКРАИНСКОМ ВОПРОСЕ»

Нас вновь окрестили националистами, но у нас искажено даже само понятие националист. Вот есть понятие патриот, это — нормально, это — человек, который любит свою Родину («патриот»). Есть — «квасные патриоты», то есть патриоты — они разные бывают... Существует понятие — космополит (это тот, кто не имеет родины и считает, что для него родина — земной шар), тоже вполне нормальное понятие, ничего в нем страшного не вижу... Есть понятие — националист, это человек, который любит свою нацию (вот я, например). Знаете, мне страшно для прессы это объявлять, но тогда я тоже националист, потому что я люблю украинскую нацию!

Я с не меньшей любовью отношусь и к нации русской (я люблю русскую культуру, и для меня лучшими писателями являются поэт Шевченко и Лев Толстой).

Но я, любя Украину, не хочу при

этом, чтобы моя любовь к ней пестовалась на ущемлении какой-то другой нации на Украине. А когда люди начинают говорить, что их права выше, поелику они — украинцы, это уже не национализм, это — шовинизм.

У нас странное смещение понятий: почему если шовинист, обязательно — русский? Но шовинисты есть и эстонские, и украинские, и русские в том числе. Шовинисты — это те люди, которые говорят: «Мое за счет другого». (Точно таким же шовинистическим я считаю Республиканское Движение Крыма. Руководители РДК, господа: Мешков, Аверкин, Левченко, — откровенные, стопроцентные, «махровые» шовинисты.) И тут не нужно путать — русский народ на территории России имеет одноединственное преимущество: он может каким-то образом влиять на государственное формирование культуры, языка, образования, по-

— Мое знакомство со «Столицей» говорит о том, что это — «крутой» журнал, нестандартный. К некоторым вашим публикациям очень хорошо подходит фраза нашего великого писателя и политического деятеля Владимира Винниченко: «Российская демократия заканчивается на украинском вопросе».

Некоторые статьи Минкина и Горелова напоминают мне «перлы» газеты «День», но что дозволено «Дню» — не дозволено «Столице». Я хочу напомнить вам 19—21 августа прошлого года. Сколько украинцев было вокруг «Белого дома»? На одном из танков, защищавших «Белый дом», был украинский флаг! Сегодня об этом как-то забыли, и снова начинается старая «панихида» — ничего хорошего от этих хохлов ждать нельзя и т.д.

тому что Россия — единственное место в мире, где русский народ имеет право государственного формирования институтов своей культуры. В других же регионах и странах русский народ может только рассчитывать на помощь в этом вопросе местных государственных структур.

Точно так же и на Украине: Украина — единственное место в мире, где украинская культура как таковая может иметь государственную поддержку, полную и стопроцентную, а в других регионах — нет. Потому что нету более нигде другого украинского государства.

— На Украине недавно принят «Закон о языке». Расскажите, пожалуйста, о его применении.

— Я — член парламента и боюсь признаться, что принятый на Украине «Закон о языке» — довольно «беззубый». Суть его в том, чтобы постараться с помощью государства возродить и поставить на соот-

ветствующее место украинский язык на территории Украины. То есть сделать его государственным, чтобы он бытовал в госструктурах и чтобы на нем велось делопроизводство и прочее. Но не более того!

Меня иногда даже удивляют заявления родителей о том, что требование (в школах на Украине) к их детям учить украинский язык — нарушение прав человека! А я бы вас хотел спросить: «Скажите, а можно так: прийти в школу и заявить, что мой ребенок учить математику не будет! Я не хочу и все. Я считаю, что это нарушает его права человека!»

Вот видите, вы смеетесь, но существует же какое-то общепринятое понятие культуры человека. Почему образованный человек на Украине не может иметь минимума культуры — знать украинский язык?

— Скажите, как много русских в руководстве независимой Украины?

— Министр соцобеспечения Украины Аркадий Вершов — русский, министр обороны Морозов — русский (самое интересное: половина верхушки Министерства обороны Украины — тоже русские, командующий ВМС, первый заместитель министра обороны...). Мало того, некоторые из них даже и не родились у нас на Украине. Ну и что? Говорят — будем работать, будем служить Украине. Генеральный прокурор Украины Шишкин, мало того что русский, но ведь, черт побери, — не пишет и не говорит до сих пор на украинском. (Есть люди, которые трудно восприимчивы к языкам, стараются — но у них не идет. Вот и Шишкин из них.)

Да что там говорить, наш премьер Фокин — наполовину русский, и зам его — русский, что еще нужно показать, что на Украине хорошее отношение к русским? И не только к русским, а к любому другому народу, нации. Что же, если будет толковый еврей — он что, у нас не сможет быть премьером и кем угодно?! — Да ради Бога! Сегодня в России очень много говорят, что в будущих российских паспортах не будет графы «национальность». Так, подождите, на Украине уже решено, что графы «национальность» в паспорте и других документах не будет, а будет просто обозначено — «гражданин Украины».

— В России очень остро стоит проблема «красно-коричневой» опасности, «черной» опасности и, естественно, в связи с этим всплывает проблема антисемитизма. А каково положение на Украине?

— Не хочу сказать, что на Украине в этом вопросе сплошная благодетель, потому что эта проблема просто так, сама исчезнуть не может. Она накапливалась на протяжении десятилетий, если не столетий, и решить ее в один день, в одночасье, практически невозможно. Тем не менее чувствуется, что на Украине исчезла основная опора антисемитизма, то, что раньше его питало, — поддержка (до революции — гласная, после революции — негласная) властей.

Знаете, у нас, на Украине, особенно после второй мировой войны, поддержка властей в вопросе пестования антисемитизма была очень велика. Помните, наверное, появление после войны знаменитого вопроса о «космополитах». В частности, я ходил на семинар к профессору Зуховицкому, и вот в конце 40-х годов его изгнали отовсюду только за то, что он якобы был агентом израильской разведки! Хотя я прекрасно его знаю — никакого отношения ни к каким разведкам он никогда не имел. Зуховицкий был прекрасный математик, и не более того.

Сейчас на Украине как бы происходит перестроение взглядов, и раз нет поддержки во властных структурах — и у населения нет того, что было. Но то, что творится в России, особенно в Москве, — это просто ужас!

— Что же именно «творится» в Москве?

— Буквально через несколько дней после того, как я стал послом Украины в России (в прошлом году), на двух тумбах на Тверском бульваре я лично видел антисемитские листовки, сорвал их и, по-моему, как образец они у меня где-то лежат. Подобного типа листовок на Украине нет даже близко.

Потом, издание откровенно черносотенной литературы и продажа ее на московских улицах, в переходах метро — всюду... Вы знаете, это просто удивительно, что творилось на нашем знаменитом «Конгрессе гражданских и патриотических сил». Впечатление было просто «изумительное», можно подумать, что собрались не русские патриоты, а в первую очередь — антисемиты! Количество чисто антисемитской литературы было столь огромно, что казалась временами, будто основная задача конгресса направлена не на то, чтобы возрождать традиции России, не работать на благо России, а — бороться против евреев!

Я вот вспоминаю конгресс украинцев (в Киеве). Это была огромная

разница. Там не было ни одного антисемитского выступления.

— Владимир Петрович, как, по-вашему, «черносотенный» процесс в России нарастает? Вы имеете возможность сравнить. Со стороны всегда виднее.

— Наверно, к сожалению, этот процесс нарастает. Все эти появления возле Останкина — просто кошмар. Это уму непостижимо, как можно обвинять ВСЕ телевидение в чем-то... И потом, я не вижу, где там, на вашем телевидении, пропаганда чего-то антирусского? Наоборот, вы знаете, ведь здесь живущие русские этого не ощущают, но зато мы (так называемые — в «старом» понимании — «националы»), когда смотрим «Останкино», до сих пор поражаемся, как самые симпатичные дикторы, ведущие, нам по-прежнему, как и ранее, говорят: «...открытый русский характер ...открытая русская улыбка...».

Вы понимаете, даже от этого нужно отрешиться. Вы никогда не услышите по телевидению «открытая украинская душа» или «открытая казахская улыбка!» Это почему-то является принадлежностью только России и русских.

У меня осталась привычка от украинских предвыборных кампаний подходить и беседовать с митингующими, в частности с пикетчиками около московского Музея Ленина. Там есть разные люди, многие озлоблены (и во многом справедливо), но есть и просто бывшие райкомовские работники, выброшенные на улицу... Я начинаю говорить им: «Скажите, антисемитизм — самое главное, во что вы веруете?.. А что же будет, если ВСЕ евреи уедут? — Будет точно так же». Подобные предположения повергают демонстрантов в состояние ужаса...

Конечно, легко сочинять анекдоты, что Ельцин — еврей (для этого ума не надо), но меня даже поражает, когда Ельцина называют евреем! Он — квинтэссенция россиянин.

Это просто удивительно, и на Украине, и в России сегодня у власти первые лица, про которых если бы можно было говорить «вот это — Русский или Украинец», то я бы не задумываясь назвал Ельцина и Кравчука.

Знаете, Кравчук выиграл выборы в огромной степени благодаря тому, что вот он — действительно, ну, украинец до того, что мне тяжело найти другого такого украинца!

— Владимир Петрович, подобную точку зрения на причину победы на выборах президентов Ельцина и Кравчука мне слышать не доводилось. Вы действительно

но считаете, что Ельцин и Кравчук являются как бы воплощением своих наций?

— Недоброжелатели говорят про Ельцина: «Вот, мол, он терпит евреев, терпит кого угодно...» Так в этом же и есть свойство русского человека, русские — терпеливейший народ, и в Ельцине это безусловно воплощается. Он воистину терпеливый человек, потому что выстоять в той борьбе, которая привела его к президентству, — все остальные давно бы сломались! Это — именно русское упорство, упорство в хорошем смысле слова.

Весьма нелюбимый сегодня Карл Маркс говорил, что каждая нация, как женщина, имеет свое лицо. Бытовало мнение, что украинцы и русские очень похожи. Ничего подобного. Мы — разные, мы очень разные! Примером тому два президента: Ельцин и Кравчук.

Вот Кравчук — украинец до мозга костей, это воплощение стопроцентного украинца! Но Кравчук воплощает в себе и общие черты украинской нации (то, что некоторые считают недостатком нашего народа) — осторожность! Мы — очень осторожный народ.

Русской аудитории тяжело воспринимать Леонида Макаровича: он за последние годы практически не говорит на русском языке (отдельные выступления не в счет). Зато он блестяще выглядит на украинском языке (он сам из Волыни, с Ровенщины, и у него «сочный», очень образный украинский язык и прекрасное произношение). Я тут от него получил колоссальную головомойку — во время совещания глав СНГ в Москве я ему один раз что-то сказал по-украински, второй, третий, и он мне: «Немедленно прекрати говорить со мной на украинском! Я же не могу переключиться, мне нужно включаться в русский разговор (сидят: Ельцин, Каримов, Назарбаев...), прошу вас, Владимир Петрович, со мной, в Москве, не разговаривать по-украински, а только на русском языке!»

Я довольно много контактировал с Леонидом Макаровичем лично, он — разумный, толковый и порядочный человек, и первое, что он мне всегда говорит, его основное напутствие: «Сделай все, чтобы мы не поссорились с Россией! Вот это — твоя основная задача как посла Украины в Москве! Это — первое, второе, третье, пятое и десятое, а уже в одиннадцатом — что-то другое. Дружба с Россией — «альфа» и «омега» украинской внешней политики».

Беседе вел Борис ГЛЕБОВ

**Паркет штучный
высшего качества
из твердых
лиственных и ценных
пород древесины
за наличный
и безналичный расчет,
по желанию
с укладкой.**

**Тел. 298-35-02
Факс: 298-56-77**

**Фирма
«Система-3»**

**☎: 438-33-37,
240-22-37**

**ГОВОРИТЕ
СВОБОДНО!**

**Английский, немецкий,
французский, русский
как иностранный.**

**Взрослым — эффективное
обучение по эмоционально-
смысловому методу.**

**Детям и подросткам —
разговорно-грамматический
курс.**

**Предпринимателям
и переводчикам — курс
делового языкового
тренинга.**

**Старшеклассникам —
подготовка в вуз.**

**Выезжающим на работу и
учебу — TOEFL.**

**Секретарь со знанием
иностранного языка.**

ПО КОМУ-ТО ПЛАЧЕТ КНЯЖЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Приглашаем иносфирму или крупное СП к совместной реконструкции и последующему использованию прекрасной княжеской усадьбы.

Усадьба находится в Подмоскowie. Она включает комплекс старинных зданий, две действующие церкви, громадный пруд, тепличное, животноводческое хозяйство и многое другое.

Кругом леса, поля, роскошная природа. Экологически идеально чистое место. Словом, райский уголок.

Помимо готовности вложить большие деньги необходимо иметь уважение к русской культуре.

Факс: 921-29-85 СЕМЕНИК

**ХОТИТЕ ЖИТЬ В СТАРИННОЙ
РУССКОЙ СКАЗКЕ?
КНЯЖЕСКИЙ ТИТУЛ
НЕ ОБЯЗАТЕЛЕН.**

Novoye Russkoye Slovo

«Бизнес (англ. BUSINESS) — дело, занятие, являющееся источником наживы.»

Советский энциклопедический словарь
(изд. «Советская энциклопедия», 1980 год.)

Новое русское слово — БИЗНЕС — это Информация, Выбор, Успех!..

Крупнейшая русскоязычная газета Запада «**НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО**», издающаяся в Нью-Йорке с 1910 года, заявляет: У нас есть место для вашей рекламы!

Мы выходим ежедневно в США, Канаде, Германии, Израиле и еще сорока странах. Аудитория — около миллиона человек. Вы можете выбрать партнера.

Мы желаем вам успеха!

И помните: в Америке не спрашивают — в Америке предлагают.

Телефоны наших агентств в Москве:

255-6010,

254-2272;

для частных объявлений

255-6008;

телефакс

973-2020

В России мы работаем за рубли!

Артем ТАРАСОВ:

К деньгам КПСС я не имею никакого отношения. Но готов его иметь

История отъезда (некоторые говорят — бегства) за границу одного из самых известных советских бизнесменов перестроечной поры, председателя кооператива «Техника» и ассоциации «Исток», бывшего депутата ВС РФ Артема Тарасова до сих пор окутана покровом тайны. Специально для «Столицы» журналист Михаил Кукушкин встретился с Тарасовым в Лондоне. Сделать это оказалось на удивление просто. Достаточно было позвонить по полученному от общих московских знакомых телефону, и Тарасов ответил: «Вы уже в Лондоне? Приезжайте завтра с утра в мой офис».

— Артем Михайлович, объясните, почему это интервью происходит здесь, а не в России? Почему вы ни разу не были на Родине после вашего отъезда в начале прошлого года?

— К сожалению, мой приезд в Россию сейчас невозможен. Все знают, что у меня были проблемы с правительством Горбачева. Но и при новых властях я не могу чувствовать себя там в безопасности. В этом интервью я хочу сообщить очень интересную вещь. Непосредственно после допроса Горбачева генеральный прокурор России Степанков в приватной беседе заявил моему хорошему знакомому, которого я не хочу называть, но которому я полностью доверяю, что якобы на допросах организаторов ав-

густовского переворота и самого Горбачева было выяснено, что Тарасов контролирует деньги ЦК КПСС.

— Когда Степанков это сказал?

— Пару месяцев назад.

— А когда вам это стало известно?

— Совсем недавно. Приехал мой приятель и пересказал эту беседу.

— По вашим сведениям, Степанков назвал конкретные суммы, номера счетов, еще какие-то детали?

— Нет. У него не может быть такой информации, поскольку я не имею с деньгами ЦК ничего общего. Я был поражен, когда услышал это. Но потом понял, что я очень удобен и для деятелей старого союзного правительства, и для нынешнего российского. Ведь Павлов должен что-то от-

вечать на конкретный вопрос: «Где деньги ЦК?» Почему бы не назвать людей, которые эмигрировали? Проверить меня очень сложно, потому что сейчас я связан с двумя десятками крупных западных компаний, но, пока меня будут проверять, Павлова оставят в покое. Поэтому для деятелей старого правительства очень удобно говорить, что деньги контролирует бизнесмен. А новое правительство совершенно явно уже начинает искать врагов, на которых можно было бы свалить вину за тяжелое экономическое состояние страны. Например, можно предположить, что сельское хозяйство сейчас в упадке, потому что не выполнена программа «Урожай», которую провалил Тарасов. Для таких нападок я очень удобен, потому что меня нет в стране и я не могу сопротивляться персонально. А вернуться я не могу, потому что не знаю: может быть, Степанков ведет против меня дело по поводу денег КПСС. В то же время я уверен, что хорошая фигура «врага» правительству понадобится.

— **И вы думаете, что именно вам придется сыграть роль такого «врага»?**

— Нет, нет. Ну почему только я? Просто я довольно известен. А «врагами» могут сделать и других богатых людей, которые эмигрировали. Таких сейчас полно. На самом деле, где еще можно искать врага? Раньше был прекрасный враг, действительный враг — коммунистическая партия. Врага этого больше нет. Кто сегодня может быть «врагом»? Да вот такие бизнесмены, уехавшие за рубеж.

Что касается меня лично, то мое имя довольно регулярно упоминается в российской прессе в связи с разными аферами, к которым я отношения не имею. Но вместо того чтобы оправдываться, объяснять, что я не верблюд, я, наоборот, готов соответствовать этому образу, раз уж его так усиленно создают. Я согласен быть менеджером партийных денег или денег сегодняшних правительственных чиновников, которые они получили в виде взятки. Я готов заниматься всем этим. Почему нет, ведь это капитал. Я согласен открыть счета в моем банке, перевести на них эти деньги и уже тогда никому и никогда не давать никакой информации. Я хочу совершенно официально сообщить товарищам Павлову и Горбачеву, что я совсем не против, если они мне пришлют номера зарубежных счетов, на которых держат деньги. Я готов заняться финансовым менеджментом этих средств, причем с пользой и для них, и для себя, и для России. Пожалуйста. Может быть, Степанков знает какие-то адреса, явки и номера счетов.

Я готов получить эту информацию от него.

— **А чем вы занимаетесь сейчас в Лондоне?**

— Здесь находится представительство системы бирж «Алиса» — «Алиса в Европе». Это английская фирма, которую мы создали вместе с Германом и Дмитрием Стерлиговыми. Она зарегистрирована по законодательству Великобритании и занимается различными торговыми сделками.

— **С Россией?**

— Исключительно с «Алисой» и ее партнерами в разных странах мира. Мы получаем от «Алисы» конкретные заказы и пытаемся их выполнить с той или иной степенью успешности.

— **Какую должность вы занимаете в представительстве?**

— Я никогда не имел и не буду иметь с «Алисой» никаких отношений в качестве наемного работника. Мы просто друзья, партнеры, как говорит Герман. И если мы создадим капитал на базе этой деятельности, то я рассчитываю быть владельцем части этого капитала. Но мы установили для себя правило, что у нас не будет прибыли в ближайшие несколько лет. Все те деньги, которые мы будем зарабатывать, мы будем пускать на расширение деятельности представительства и на проекты «Алисы» в России. Я не получаю никаких денег от «Алисы», больше того, я сам по мере сил готов из своей прибыли вкладывать в различные начинания «Алисы», которые очень серьезны.

— **А откуда вы получаете прибыль?**

— У меня есть фирма, в которой я — президент. Она называется «Интернэшнл бизнес сервис». Мы создали ее вместе с моим партнером-англичанином. Уставной капитал этой компании небольшой, но достаточный — 100 тысяч долларов. В ее штате работают сейчас 7 человек. Моя основная деятельность ведется через эту компанию.

— **Расскажите о своей жизни после отъезда за границу.**

— Когда я понял, что должен уехать из России, а это было в марте 1991 года, я думал, что коммунисты еще как минимум 10 лет останутся у власти. Я не мог просто предположить, что этот монстр стоит на глиняных ногах. Я думал, что коммунисты будут сидеть, они будут отпускать, а потом сжимать в кулаке бизнес, т.е. то разрешать частное предпринимательство, то запрещать, то сажать в тюрьму, то, наоборот, хвалить. И я на это отводил 10 лет. То есть я уезжал из России сроком на 10 лет как минимум. Поэтому я решил год не заниматься никакими делами и просто учиться. Как минимум год или даже

два посвятить учебе. Я учился в Швейцарии банковскому делу, я два месяца работал в банке экспертом по русским проектам, но меня больше интересовало узнать, как они работают. Потом я жил в Америке. Там я переезжал из города в город и жил по 1—2 месяца у своих друзей, иногда принимая участие в их бизнесе.

Поменялись мои планы после ухода Горбачева. Я понял, что, может быть, настал момент возвращаться к активной деятельности. И тогда я приехал в Англию.

— **Почему именно в Англию?**

— Да потому, что Лондон — это один из 3—4 крупнейших в мире центров бизнеса.

— **Вы снимаете офис и квартиру близко к центру города. Здесь это дорого стоит. Как вам удается столько зарабатывать?**

— Да, в центре, потому что я предпочитаю ходить на работу пешком. Англия — действительно дорогая страна. Я не купил здесь никакой собственности. У меня здесь нет ни дома, ни машины. Но на текущие расходы средств хватает. Дело в том, что одна только торговая операция с Россией, поскольку масштабы России большие и операции тоже, дает возможность получения прибыли достаточной, чтобы существовать.

— **А чем вы занимаетесь в свободное время?**

— В выходные я стараюсь ездить на рыбалку. Под Лондоном есть очень много мест, где можно ловить рыбу. Вот это, собственно, и есть мое хобби.

Кроме того, я пишу книгу. Я получил заказ на нее от одного американского издательства. Это будет книга о моей деятельности с 1985 по 1992 год. Сегодня написана примерно 1/3 этой книги. В ней будут подробно описаны все мои начинания, все мои крахи, все встречи с нашими официальными лицами — от Рыжкова до Павлова.

В начале этой книги я пишу: мне 42 года, а я прожил уже две жизни целиком и живу третью, новую жизнь со всеми ее атрибутами — с рождением, с детством и ошибками, с возмужанием, если хотите, с пониманием и с мудростью и со смертью. Вот я сегодня живу свою третью жизнь. И в своей третьей жизни я нахожусь в начале своего детства, своей юности. Мне еще пока все интересно, я пока еще каждый день что-то постигаю, узнаю что-то новое, но на самом деле мне очень тяжело, потому что психологический и физический ресурс во мне заложен всего на одну жизнь.

— **Вы поддерживаете связь с родственниками и с друзьями в России?**

КРУТОЕ ЗЕЛЬЕ ВАРЯТ В «ПРАВДЕ»

— Из родственников у меня там остался только сын Филипп. Родители мои умерли, у меня нет ни братьев, ни сестер. Насчет друзей... Когда я уезжал, то я ставил крест на всей своей прошлой жизни. Именно поэтому многие из друзей на меня были справедливо обижены. Уехав в начале прошлого года, я практически прервал связи со всеми. После отъезда первый раз я увиделся с русским человеком только в декабре 1991 года. Я решил начинать все с нуля. Сегодня я восстановил контакты с людьми, которые остались моими друзьями в очень тяжелый для меня период времени. Я потерял массу своих знакомых. А вот те, кто остался со мной в хороших отношениях, — это настоящие друзья, которые наплевали на все, в том числе простили мне мое молчание. Это, конечно, было им очень сложно. И вот с теми, кто не сломался, я сегодня и дружу. И эти люди, слава Богу, начали приезжать ко мне.

— Гражданином какой страны вы сейчас являетесь?

— За границей жить, работать и путешествовать с советским паспортом невозможно. Поэтому я приобрел двойное гражданство. Есть такие государства, которые дают свое гражданство иностранцам, вложившим в их экономику определенную сумму денег. Причем не очень большую — 10—12 тысяч долларов лет на пять без процентов. В обмен вам дают паспорт, и вы официально становитесь гражданином этой страны. Так я и сделал. Я ни у кого не спрашивал разрешения, а просто стал гражданином еще одной страны, которая выдала мне паспорт, по которому я живу. Этот паспорт позволяет мне ездить по многим странам. Но я остаюсь гражданином Советского Союза... или России, теперь даже и не знаю.

— Каковы ваши отношения с российским посольством в Лондоне?

— Официально никаких. Я даже и не знаю, где оно находится.

— Оно довольно близко от вашего офиса. По прямой, может быть, километра два или три.

— Правда? С посольством я не имею никаких сегодня отношений, они мной не интересуются, наверное, хотя некоторые сотрудники посольства в частном порядке со мной контактируют. Они приходят сюда, спрашивают, как дела, а я им все рассказываю. А мне к ним идти зачем? Просить защиты перед Степанковым? Это же бессмысленно.

Я никогда не был подписчиком этой газеты. Более того, я почти не читал ее.

Но вот на днях мне принесли два номера со статьей П.Абовина-Егидеса с названием, позаимствованным у Э.Золя: «Я обвиняю» (16 и 18 июля).

Статья начинается со лжи. Никто 18 миллионов коммунистов не судит на этом суде. Никто их нигде не преследует по службе.

Автор лжет или передергивает в каждом своем тезисе, которые неизменно начинаются фразой: «Я обвиняю».

Однако по порядку. Он обвиняет президента Ельцина в осуществлении контрреволюции — введение иного социально-экономического строя — капитализма. Такое утверждение научно несостоятельно. Такое не под силу ни одному человеку, ни «команде», ни даже партии. Социально-экономический строй вызревает стихийно в недрах старого строя, по мере роста производительных сил. Строго по Марксу, которого в этом никто еще не опроверг и сторонником которого является и автор.

Автор обвиняет во втором «искусственном голоде» Ельцина, который, «позавидовав лаврам Сталина», «учинил этот голод намеренно». В этом даже Сталина лично обвинять нельзя. Голод был, но вызван не намеренно. Он был СЛЕДСТВИЕМ идеологии и политики той самой партии, право на существование которой отстаивает автор. Сейчас голода нет.

Автор циничен, когда, обвиняя организаторов «развала Союза», уравнивает кровь, пролитую большевиками в результате сознательно исповедуемой доктрины насилия над собственным народом, с кровью, которая льется сейчас в точках, где процессы вышли из-под контроля,

бесстыдно спрашивая: больше ли преступлений большевиков?.

Автор лжет, когда утверждает, что «Ельцин и его команда натравливают народ... на 18 миллионов членов КПСС», как нацисты натравливали народ на евреев.

Автор лжет, что «Конституционный суд решил судить идею коммунизма». Ни одного подобного слова на суде не прозвучало не только из уст судей, но и из уст оппонентов КПСС.

Автор лжет, когда утверждает, что Ельцин «запретил людям, придерживающимся благородной идеи коммунизма, иметь свою партию». Их в России сейчас около десятка — так называемых «коммунистических» партий. Они имеют свои газеты. Никто не изымал из библиотек ни Ленина, ни Маркса.

Автор лжет и еще, но хватит копаться в этой тине.

Кроме лжи и демагогии статья содержит скрытые и прямые призывы к трудящимся, которых автор глубоко презирает (упрекая их в том, что, «куда бы президент ни приехал, слушают его, как замороженные, — они похожи на кролика, который, загипнотизированный удавом, попадает прямо в его пасть») и льстит одновременно (называя «солью земли», в отличие от «демократов» и «люмпен-интеллигенции, паразитирующей на вашем труде»). Узнаете ленинскую оценку интеллигенции — это не мозг страны, а говно? Призывает же он «к всеобщей политической стачке или к общегражданскому неповиновению», чтобы «остановить натиск капитализма», призывает к суду не над партией, а персональному суду над ее функционерами, призывает «требовать возврата имущества КПСС партиям, стоящим на позициях трудового народа», призывает: «Думайте сами! Будьте мудры и бдительны... будьте осмотрительны».

ВЫВОД: эту мерзкую газету надо читать. У нее тираж почти полтора миллиона. Журналисты ее ничем не брезгают. И зелье там варят крутое. Его надо знать и выработать противоядие, а то застанет врасплох, как СПИД.

Отто КОХ

Путь в заманчивый мир бизнеса
открывает профессия рекламного агента!

Позвоните по телефону (095) 928-70-17,

и мы расскажем Вам об искусстве нового для Вас дела, которое гарантирует стабильность в жизни!

Мы платим высокие проценты от суммы договоров.

Звоните!
(095) 126-10-77

КУПИТЬ, ПРОДАТЬ И РАССЛАБИТЬСЯ...

Что и как предлагают нам деловые люди

Анекдотов о рекламе густо, хотя многое из нынешней аудиовизуальной серии «спрос—предложение» просится в копилку народной мудрости. Вот из фольклора застойного времени: еврей идет по улице, видит в витрине часы, достает свои, сломанные, входит в помещение и узнает, что здесь не ремонтируют машины времени, а делают обрезание. Интрига разрешается диалогом:

— Но зачем вы выставили часы?

— А что я, по-вашему, должен был туда положить?

Я часто вспоминаю эту милую шутку, когда вижу на телеэкране рюмку с геометрической фигурой внутри и слышу голос с придыханием: «Идигов продукт!» Очень хочется понять, с чем его едят или, наоборот, на какое напряжение он рассчитан.

Продукт, заполняющий наши газетные рекламные колонки и полосы, — молочный брат суматошной эпохи первичного накопления. И будущие бакалавры и магистры скажут нам спасибо за материал для исследований. Они удивятся, как в стране всеобщего дефицита предлагалось в неограниченном количестве купить стальной лист, бензин, медь, зерно, краску, автомобили. Они догадаются, что самым распространенным призывом было «Куплю СКВ», а наиболее популярными услугами — сексуальные. В общем, продать, купить и расслабиться.

В мутное рекламное море я кинулся не за диссертацией. Меня интересовали экономическая экзотика и тенденции. Самым крупным, к примеру, товаром собиралась обзавестись организация в Бишкеке, которой позарез понадобились самолет Ту-154 М и вертолет Ми-6. Южные деловые люди заткнули за пояс владельцев «мерсе-

десов» и «тоёт», собираясь бороздить пятый океан на собственных лайнерах и винтокрылых машинах. Зато некоторых рижан тянет на роль Левши. Местные умельцы рекламируют миниатюрный альбом творчества Ильи Глазунова. Представляю счастливого обладателя шедевра размером шесть на девять, пытающегося рассмотреть детали монументальных полотен мастера кисти. Самое короткое объявление я нашел в одном из последних номеров московской «Вечерки». «Обналичиваю», — сообщает аноним и обещает всем, позвонившим ему по телефону, перевести скучные бухгалтерские цифры в хрустящие купюры.

Стиль нынешней телерадиогазетной рекламы лапидарен, а смысл порой темен. Раздаются, к примеру, с телеэкрана под торжественную музыку слова «Российский государственный регистр» и хочется сначала встать, а потом сесть и задуматься, что это значит. Склонные к юмору рижане учли непонятливость клиентов и пишут в популярной «СМ-сегодня» так: «У Буша есть свой Белый дом. У Ельцина также есть свой Белый дом. А у вас есть?» Хочется сразу же бежать за стройматериалами, но ООО «Ракурс» предупреждает: «У нас для вас белая и коричневая фасадная краска, гранит и мрамор». Так что звони в ООО и строй мавзолей, а заодно крась его в нужный цвет.

Минские дилеры — спецы по торговле УАЗами. Вездеходы с далекой Волги в бывшей братской республике расходятся хорошо, и ПП, поместившее рекламу в «Советской Белоруссии», вроде бы не прогорает. Но на американском, к примеру, рынке никто не купил бы даже колеса у фирмы, назвавшей

Что есть что?

себя «Скунс». Надо думать, в городе, где зародилось СНГ, не смотрят передачи «В мире животных» и не знают, что скунс — это вонючка.

Одесскую артель «Московские баранки» напомнила реклама в «Российской газете», с помощью которой столичная фирма «Дюк» собирается насытить рынок сложной техникой.

Решив, что обойдусь без мокросоленых шкур крупного рогатого скота, лечения настойно-структурированной водой и унитазов-компакт с косым сливом, я продолжал выуживать рекламную экзотику. Как жаль, что в свое время многие не имели дела с московской фирмой «Гамма-2»! Бойцы невидимого фронта лишились бы квартальных премий, ибо их обидительным глазам и чутким ушам противостояли бы обнаруживатели подслушивающих и записывающих устройств, машинки для уничтожения бумаг, скремблеры (во дают!) для секретных телефонных переговоров и аудиовидеотехника для конфиденциального бизнеса, о котором тогда и речи быть не могло.

Теперь бизнес, как и секс, у нас есть. И «Сибирская газета», отойдя от стандарта, предлагает не выменивать валюту на деревянные, а зарабатывать ее. Оказывается,

срубить «зеленые» можно, публикуя свои произведения за рубежом. Фирма из украинских Сум, забросившая рекламную удочку в Новосибирск, готова за 93 рубля выслать наложенным платежом 40 адресов редакций и литературных посредников, которые ждут не дожидаясь ваших произведений в США, Франции, Германии... Смело беритесь за перо, и валюта потечет по вашему адресу из 16 стран.

Если бизнес и секс вас уже не интересуют, пора подумать о пенсии. Но нынче для этого необязательно бросаться в отдел кадров. Акционерные страхователи из московского «Брокома» готовы положить вам от 700 до 7000 тысяч рублей. Последняя цифра особенно соблазнительна.

P.S. Мне не хотелось бы делать упомянутым коммерческим структурам скрытую рекламу. Поэтому я деликатно не указывал телефонов и адресов. Но если встречающихся в тексте рекламодателей прошибет слеза, шлите деньги в «Столицу». Авось здесь оценят мои труды и пошлют отдохнуть на Болеарские острова (455 долл. США и 30 000 рублей). Пишу об этом потому, что услуги российских Куков рекламируются особенно часто. Богатеем, братцы!

Александр АГОПОВ

ГЛАВНОЕ — НЕ ПОЛУЧИТЬ ДЕНЬГИ, А С УМОМ ИХ ПОТРАТИТЬ...

Состоялось очередное заседание Кабинета министров РФ, посвященное двум глобальным проблемам — разработке концепции структурной политики и формированию федерального бюджета России. Оба документа правительство обязало себя подготовить ко второй половине октября.

Что касается бюджета, то он на этот раз, по словам экономического советника правительства Алексея Улюкаева, планируется «нормальным». То есть не поквартальным или помесечным, как был в этом году, а расписанным на весь следующий, 1993 год. Ожидается, что на этот раз наконец-то будет грамотно просчитан прогнозируемый рост цен, а также изменения объемов денежной массы, расходные и доходные статьи бюджета... Кстати, по прогнозам правительства, рост инфляции за 1993 год составит примерно 100 процентов, то есть по 7—8 процентов ежемесячно, что вполне терпимо на данном этапе реформы.

Определены и приоритеты на самое ближайшее время. Это прежде всего топливно-энергетический комплекс, продовольствие, конверсия оборонных отраслей, транспорт и система коммуникаций.

Улюкаев, — какой из этих четырех приоритетов «первее», как это иногда пытаются сделать некоторые члены правительства...

— А почему среди названных приоритетов даже не упомянуто жилье?

— Увы, такой позиции нет. Но зато она обозначена в стратегическом плане. Наша строительная отрасль просто технически не готова приступить к этому. Ведь сейчас ставка делается и на индивидуальное строительство жилья, а для этого предстоит переоборудовать всю строительную индустрию.

— Судя по итогам заседания правительства, оно решило подготовить еще одну, новую, программу — структурной перестройки народного хозяйства?

— Нет, это не программа, а скорее... набор проектов. Структурную политику мы рассматриваем как часть общей программы углубления экономики.

— Иначе говоря, приступили «к углублению Программы углубления»?

— Напрасно иронизируете. Кое-что действительно надо доработать. Например, раздел, связанный с иностранными кредитами: ведутся дополнительные расчеты по уточнению нашего платежного баланса.

вительства России пообещал, что никаких катаклизмов в экономике, связанных с ростом безработицы, в ближайшее время не произойдет. Число безработных, по подсчетам, к концу 1992 года достигнет не обещанных прежде 15 миллионов, а «всего лишь»... около 1,5 миллиона человек. Да и в следующем, 1993 году их будет опять же «всего лишь»... 5 миллионов. А это, по мнению правительства, еще ничего, терпимо.

— Эта цифра не превышает уровня социально допустимого предела, — заключил по-научному советник Улюкаев.

Итак, волноваться нечего: и безработица нам нипочем, и бюджетный дефицит не смертелен, и инфляция терпима... Правда, это идет несколько вразрез с прежними прогнозами «по оптимистическому варианту» на осень 92-го, а также с соглашениями с Западом, с МВФ, а значит, ставит под сомнение и получение нами от них обещанных под реформы кредитов.

— Западные партнеры, — пояснил советник, — в том числе и Международный валютный фонд, понимают наши трудности: и почему мы откладываем отпуск цен на энергоносители, и почему нам приходится корректировать цифру бюджетного дефицита, а также цифру прогнозируемого уровня инфляции... Думаю, мы можем получить кредиты от отдельных партнеров из стран «семерки». И основная проблема — сделать все, чтобы средства не были потрачены бездарно.

Григорий КРОШИН

— Бесплезно определять, — сказал

Далее экономический советник пра-

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ТЕБЯ ПОСОДЯТ, А ТЫ НЕ ВВОЗИ

Вероятно, попугаи, которые привели на скамью подсудимых супружескую пару из немецкого города Вормса, выражаются нехорошими словами в их адрес и осуждают бизнес, которым те занимались. Предпримчивые дельцы решили сколотить деньги на контрабандном ввозе животных. Попугаи шли любителям экзотики по 4000 марок за голову. Оборотистые коммерсанты поставляли клиентам человекообразных обезьян, всяких пантер-леопардов, а тем, у кого крепкие нервы, и змей. Суд, который начался в земле Рейнланд-Пфальц, наверное, учтет, что приторговывали контрабандисты животными, которых на земле осталось совсем немного.

МЕСТО ЗА ПАРТОЙ С МОЛОТКА

С аукциона у нас продают что угодно, но школьные места... И тем не менее в сентябре, когда в дневниках появляются первые двойки, в омской школе № 32 на торги выставят три места. За парту в девятом классе сядут те, чьи родители смогут выложить больше денег за обучение в базовом классе акционерного факультета СибЭКО Омского института инженеров железнодорожного транспорта. Чадам победителей торгов предстоит углубленно изучать математику, физику, иностранные языки, менеджмент и курс «Прикладная экономика» американской корпорации «Джунниор эчвизмент» с последующей выдачей сертификата этой фирмы. Обучать специалистов будут спецпреподаватели — из того самого вуза.

ОВОЩНОЙ ЗАЙМ? ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ

Администрация казахского города Актау предполагает выпустить облигации... овощного займа. Сельское хозяйство на полуостровном Мангышлаке практически не развито, вот и решили занять у потребителей деньги на закупку овощей, фруктов и всяких там бахчевых. Купив заранее купонов на тысячу рублей, каждый житель города в течение всех зимних месяцев сможет получать по ним 5 килограммов картошки и килограмм лука ежемесячно, а осенью еще и капусту, морковь, свеклу. Если кому-то этого покажется мало, купонов-облигаций можно прикупить. Вот только как быть с инфляцией? Кто знает, сколько будет стоить овощ-фрукты в будущем году.

УЖ ПОЛНОЧЬ БЛИЗИТСЯ, А ВАУЧЕРА НЕТ

Пока дипломированные экономисты рассказывают нам, что делать с приватизационными чеками, а крутые политики убеждают, что 10-тысячный ваучер — обман трудящихся, деловые люди с образованием и без одного времени зря не теряют. В Барнауле, к примеру, уже создано несколько фирм, которые шастанут по деревням и загода составят списки стариков и старух, готовых сбавить по дешевке свалившиеся на их головы бумажки. Более дальновидные бизнесмены не ограничиваются бумагомаранием. Они отстегивают потенциальным держателям бумаг с иностранным названием небольшие деньги, требуя взамен обязательства продать им приватизационную единицу по максимально небольшой цене.

Владимир КОСЕНКО

СЛУХИ О КОНЦЕ РЕФОРМЫ СИЛЬНО ПРЕУВЕЛИЧЕНЫ

Истерические комментарии, появившиеся в средствах массовой информации в ответ на телеграмму В.В.Герашенко о взаимном зачете неплатежей предприятий, лучше всего проиллюстрировать цитатой из статьи рыночного экстремиста — журналиста М.Леонтьева.

В его заметке «Нормальный Герашенко» («МН», № 33, 1992 г.) названная мера Центрального банка России оценена резко отрицательно: «Хотел бы сразу заметить: пресловутая телеграмма Виктора Герашенко о взаимозачете платежей (надо было сказать — «неплатежей». — В.К.) госпредприятий — это нормальная экономическая политика в условиях остановленной экономической реформы». Остановленной! Не больше и не меньше.

Чтобы помочь читателю, не отягощенному специальными знаниями, разобраться в сути дела — против чего, собственно, направлены филиппики демократических критиков правительства, — приведу два письма «с мест». Всего два из десятков и сотен, ежедневно поступающих в официальные инстанции.

Премьер-министру
Российской Федерации
Гайдару Е.Т.

Уважаемый Егор Тимурович!

Согласно сложившимся хозяйственным связям основными потребителями вырабатываемого гродненским производственным объединением «Химволокно» корда, используемого для производства шин и коврового жгута, являются предприятия России. В последнее время эти предприятия стали неплатежеспособными, и их задолженность по состоянию на 16 июля указанному объединению составляет 840 млн. рублей (перечень предприятий прилагается).

Вместе с тем предприятиями России прекращена поставка гродненскому объединению «Химволокно» сырья и материалов без предварительной их оплаты, что приведет к полной остановке объединения и вследствие этого шинных и автомобильных заводов, ряда производств легкой промышленности России.

Учитывая изложенное, Совет Министров Республики Беларусь просит оказать содействие в оплате предприятиями Российской Федерации продукции, поставляемой им гродненским производственным объединением «Химволокно».

С уважением,
Н.Н.Костиков,
зам. Пред. Совета Министров
Республики Беларусь

А вот еще.

Президенту Российской Федерации
Ельцину Борису Николаевичу

Уважаемый Борис Николаевич!
В городе Рубцовске Алтайского края сложилась кризисная ситуация по подготовке к зиме. На ведомственных тепловых станциях заводов «Алтайсельмаш» и Алтайского тракторного, которые отапливают все жилье в городе, отсутствует уголь и мазут. Заводы по причине неплатежеспособности не имеют возможности выкупить топливо, а потому зимой город просто замерзает. Общая потребность угля на город составляет 400 тыс. тонн.

Администрация города просит Вас, Борис Николаевич, оказать помощь в выделении вышеназванным предприятиям беспроцентных кредитных ресурсов для заготовки топлива (уголь, мазут) в количестве 1,0 млрд. рублей.

Глава администрации
В.В.Артеменко

О причинах возникшего платежного кризиса поговорим чуть позже. Но предварительно не могу не заметить, что при катастрофическом положении двух третей производственных коллективов России и рублевой зоны в целом такая вот «леонтьевская» критика мер, направленных на предотвращение окончательного развала материального производства, выглядит просто как безответственная болтовня.

В печати уже неоднократно отмечалось, что массовые неплатежи предприятий друг другу означают, что значительная часть конечной продукции промышленности не находит сбыта.

Но в основном-то эти производства оказались «на мели», так как у обнищавшего населения едва-едва хватает средств на поддержание биологического существования. Значительной его части не до сложной бытовой техники, автомобилей, ковров и иных предметов «роскоши».

Другой потребитель конечной продукции — государство — также не в состоянии закупить в прежних размерах продукцию предприятий ВПК и иных отраслей, оплачиваемых из казны.

С началом либерализации цен директорат госпредприятий вздернул цены на продукцию своих предприятий до астрономических величин, не очень задумываясь о последствиях и справедливо полагая, что государство при любых обстоятельствах не бросит на произвол судьбы много-

тысячные коллективы и сектор экономики, производящий в совокупности более 90 процентов промышленной продукции.

Как бы там ни было, в настоящее время промышленность пребывает в предпараличном состоянии: у подавляющей части предприятий на расчетных счетах денег нет, сокращаются объемы производства, значительная часть производственного персонала находится в вынужденном отпуске без содержания. Короче говоря, все более реальной становится вероятность массового социального взрыва с непредсказуемыми последствиями.

О возможности катастрофического развития событий в случае последовательного проведения в жизнь жесткой кредитно-денежной политики предупреждали многие серьезные исследователи. Например, в докладе, подготовленном Фондом «Реформа», читаем:

«Поиск оптимальных экономических решений всегда должен происходить в рамках жестких неэкономических ограничений — социальных, политических, экологических, культурных, этнических, религиозных.

Экономический оптимум всегда условен. Бессмысленно, например, считать экономическую эффективность атомной энергетики, если реально существует опасность глобальной катастрофы.

Президент, правительство, а вслед за ними и Центральный банк России вняли, наконец, многочисленным предостережениям и приняли ряд документов, направленных на преодоление платежного кризиса и оздоровление финансового состояния предприятий. В ряду таких документов «пресловутая» телеграмма ЦБ России от 28 июня, подписанная Виктором Герашенко, — она предусматривает проведение взаимозачета неплатежей предприятий.

Суть взаимозачета в следующем: суммируются долги предприятия и долги предприятию и выводится разница.

Незамкнутые цепочки неплатежей предприятий друг другу замыкаются либо на банковских структурах, либо на специально созданном для этих целей Агентстве по управлению долгами предприятий. При этом предприятиям с положительной разницей предоставляется льготный кредит, чтобы у них была возможность незамедлительно возобновить работу, а всем остальным может быть предоставлен кредит (а может, и нет) под обычный коммерческий процент.

Какие последствия будут иметь эти меры?

Как было отмечено выше, перво-

причина кризиса — недостаточный совокупный платежеспособный спрос населения и государства. Поэтому если мы ограничимся только взаимозачетом и предоставлением кредитов предприятиям, то эта мера позволит при установленных ими ценах продолжать производство, пока не исчерпаются кредиты, а потом вновь воспроизведет ситуацию платежного кризиса.

Чтобы этого не произошло, можно поднять зарплату в бюджетных отраслях (образование, здравоохранение и др.) и увеличить расходы государства за счет роста внутреннего долга, повысив таким образом конечный платежеспособный спрос. Но поскольку производство промышленной продукции при этом не возрастет, то эта мера будет означать инфляцию — непрерывный рост цен.

Можно прибегнуть и к регулированию цен на продукцию госпредприятий, особенно монополистов, о чем с нескрываемым сарказмом говорит тот же М.Леонтьев.

Но для этого, во-первых, необходимо изменить действующую нормативную базу (скорректировать Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности»), а во-вторых, отдавать себе отчет в том, что жесткое административное сдерживание цен способно загнать инфляцию внутрь, а скрытая инфляция неизбежно порождает дефицит — отсутствие товаров в магазинах по фиксированным ценам и расцвет «черного» рынка.

Таким образом, набор возможных вариантов развития событий, из которого приходится выбирать правительству, следующий: либо инфляция с быстрым и неконтролируемым ростом цен, либо обвальный спад производства с массовой безработицей, либо административное регулирование цен с пустыми полками магазинов.

Важно понять, что безболезненных решений, устраивающих всех, не существует в природе.

В данном случае, как и всегда, выбирать приходится не между абсолютным добром и абсолютным злом, а между большим или меньшим добром, или, что то же самое, — между меньшим и большим злом.

Ясно, что без экономической свободы и возможности самому устанавливать цену на производимую тобой продукцию невозможно возрождение страны и общества, но, с другой стороны, без государственного регулирования экономики мы заплатим за это возрождение ликвидацией основных отраслей промышленности, массовым обнищанием оставшегося без работы населения, его люмпенизацией и неизбежным социальным

взрывом, который сметет любое правительство, проводящее подобную политику.

Опыт Польши, которому мы следовали до сих пор, не дает, к сожалению, оснований для оптимистического прогноза на будущее.

Ускоренное превращение страны в слаборазвитое государство, а трети его граждан в «купцов-коробейников», живущих спекуляцией, — это не путь, ведущий к Храму.

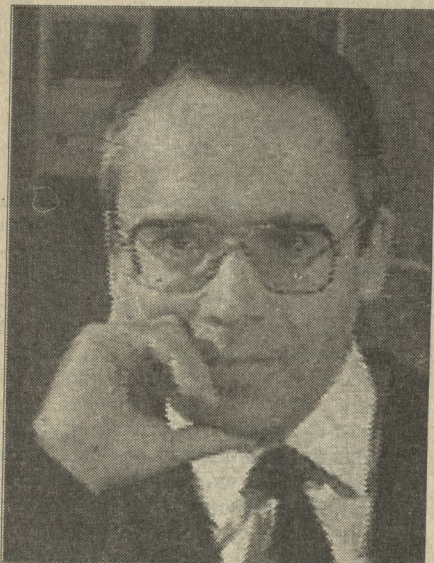
Возвращаясь к теме взаимозачета и кредитов для оздоровления финансового состояния предприятий, могу сказать, что это единственно правильная в настоящих условиях мера, способная обеспечить необходимые условия для продолжения и углубления экономической реформы. Выбрана золотая середина, отвергающая, с одной стороны, рецепты экстремистов-рыночников с их лозунгом — «финансовая стабилизация любой ценой», а с другой стороны — требования Всероссийского совещания товаропроизводителей, ратующих, по существу, за отказ от экономической свободы и возврат к административно направляемой экономике.

Следующим шагом в этом направлении должно стать распространение взаимозачета на все предприятия стран СНГ, входящих в рублевую зону (сейчас взаимозачет проводится только среди госпредприятий Российской Федерации), для чего необходимо заключение серии межправительственных соглашений, а также разработка методов регулирования цен и зарплаты для государственного сектора экономики в переходный период.

Сам факт массовой неплатежеспособности (банкротство) госпредприятий однозначно свидетельствует о провале надежд на действие автоматических рыночных регуляторов в условиях преобладания казенной собственности.

Из-за присущей нашей природе склонности к шарханью из одной крайности в другую мы из состояния тотальной регламентации общественной жизни впали в состояние анархии, отсутствия какого-либо организующего и координирующего начала этой жизни.

Чем быстрее мы осознаем свое теперешнее положение и внесем необходимые коррективы, тем лучше для нас.

Марк Вениаминович МАСАРСКИЙ — председатель строительно-промышленного кооператива «Волхов», президент Международной ассоциации руководителей предприятий, — был признан Всемирным экономическим форумом по результатам своей предпринимательской деятельности одним из 35 ведущих бизнесменов мира.

(Из пресс-релиза конкурса «Российский бизнесмен - 91»)

— **Марк Вениаминович! Кого сегодня можно считать богатым? Делите ли вы этих людей на какие-то категории?**

— Делю. На богатых в сфере производства и в сфере потребления. Я богатый в сфере производства. Но веду себя как заурядный потребитель со средним доходом. Могу позволить любую роскошь, но трачу на себя и семью чуть больше представителя среднего класса.

— **Чем вызван такой аскетизм?**

— У меня три своих личных машины, но нет дачи. Не потому, что не в состоянии ее купить или построить. Просто уже не могу иметь дачу в обществе себе не подобных.

— **Не таких богатых, как вы?**

— Да. Вадим Туманов построил свой дом в окружении социально враждебных соседей — это были в основном учителя и отставники МВД, что чуть-чуть лучше по части зависти, — и мучился. Психологического комфорта не испытывал.

— **А вы не допускаете, что богатые, которыми вы так стремитесь окружить себя сначала на даче, потом — в городском доме, на улице, в квартале (когда-то это все равно произойдет), могут быть не так приятны, как граждане со скромными государственными зарплатами?**

— Предпочел, чтобы меня окружали люди и богатые, и интеллигентные.

— **А если только интеллигентные?**

— Мы рискуем затеять философский спор, который вряд ли прибавит ясности моей позиции. Я ведь протестант в религиозном смысле...

Марк МАСАРСКИЙ, бизнесмен, политик, философ

БОГАТЫЕ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ ОТДЕЛЬНО

— **Может, даже мормон?**

— Возможно. Протестантская этика производства по Максус Веберу — это предтеча капитализма. У нас в России состоит класс предпринимателей в одном-единственном случае — если мы не будем создавать клубы миллионеров, покупать бриллианты и т.д. А будем суровы, как старообрядцы, будем ограничивать себя и строить, строить, инвестировать, инвестировать... Мой десятилетний сын, когда играет в коммерческую игру (раньше она называлась «Монополия») со своей бабушкой, постоянно ей советует: «Ты инвестируй, инвестируй!». А она пугается, путая, вероятно, это слово с инфляцией.

Сколько я себя помню, как предпринимателя, все деньги инвестировал — на долгий срок, на короткий... Пять лет уже не получаю зарплату.

— **На что же вы живете?!**

— На зарплату жены.

— **Неужели хватает?**

— Вполне. Правда, остались некоторые сбережения от прежней деятельности в артели «Печора». У меня весьма ограниченные потребности — не пью, не курю, равнодушен к дорогим вещам.

— **К ресторанам тоже?**

— О, терпеть не могу и упираюсь всеми конечностями, когда меня туда приглашают. Бываю очень редко.

— **Вас раздражает ресторанная публика?**

— Не только. Я не испытываю, например, удовольствия даже от очень хороших вин, самых изысканных блюд...

— **Что же вам приятно, интересно в жизни?**

— Самое большое наслаждение, которое я испытываю, — это когда читаю, положив ноги на кресло. Кто-то сказал, что любовь — это как плавание, только приятнее. Я бы сказал, что чтение — это как любовь, только приятнее.

— **А политика? Разве вы ею не увлечены?**

— Политикой я занимаюсь по необходимости, потому что боюсь, как бы этот вакуум не заполнили люди люмпенской философии и психологии.

— **По-моему, только они и заполняют наше политическое пространство, которое никак вакуумом не назовешь. Скорее, одни вытесняют из этого пространства других. А лично вас окружают люди иной философии?**

— Конечно. Как-то мне позвонил Юрий Петров — правая рука Ельцина — и завел разговор об ассоциации, где я являюсь президентом. Он поинтересовался, какие у этой организации заслуги. Я ответил: «У нас есть одна заслуга — мы не позволили, чтобы все директора предприятий оказались такими, как Тизяков». Это заслуга перед Отечеством.

— **Итак, вы богаты в сфере производства...**

— Если мне нужно было бы изъять все мои деньги, я смог бы купить десяток «мерседесов», а может, и двадцать. Дело даже не в количестве. Если я так сделаю, сразу же взорву свою организацию. Когда я убеждал своих товарищей все заработанные средства только инвестировать, отказываться от зарплат, затянуть пояса потуже, то они смотрели на меня и понимали — я разбогател потому, что вел себя подобным образом. Однажды я прочитал: если на ваших глазах швейцарский банкир бросается из окна трехэтажного дома, то и последовавший за ним человек обязательно разбогатеет. Вот я и есть тот самый банкир. Всем своим поведением я показываю — следуйте за мной, делайте, как я. И придут успех, богатство. Если же я начну тратить на роскошь, изымая деньги из дела, сразу же деморализую тех, кто мне поверил.

— **Вы анализируете разбогатевших в последнее время? Знаете, чего они хотят, как живут, изменили ли их деньги? Сравниваете себя с ними?**

— Не сравниваю. Прежде всего я живу так, как хочу. Года четыре назад сосед-

кооператор, который получал в месяц, как он выражался, 300 тысяч рублей, был потрясен, узнав, сколько получаю я. «Как? Зачем тогда все это надо?!» — спрашивал он.

— Да, зачем?

— Я честолюбивый человек, я хочу бессмертия.

— Простите, но... к чему это?

— Это духовная потребность. Объяснить невозможно. Почему религия возникла? Из-за потребности людей в бессмертии.

— По-моему, религия своего рода заменитель веры для тех, кто не хочет или не может создавать ее самостоятельно.

— Мое бессмертие — это мое дело, которое останется после меня.

— А вам такие публичные признания не кажутся нескромными? Вы не боитесь упреков в честолюбивых амбициях?

— Подобные оценки стереотипны.

— Наверное, вы сноб?

— Ни в коем случае. У меня был недавно в гостях богатый англичанин. Вот он-то сноб. Никогда не бывал в театре, в опере, музыки не знает, ничего не читает... И на чем построен его снобизм?! На богатстве. Извините, это еще не основание. Мне чрезвычайно интересны люди, и в этом смысле у меня все хорошо — многих знаю, многих люблю.

— Вы москвич?

— Только с 1977 года. Родился в Новгородской области, в деревне, дом до сих пор стоит, в нем живет моя тетька. Школу закончил с медалью, с пятого класса мечтал стать философом. Поэтому поступил на философский факультет МГУ. Но на первом же университетском собрании декан факультета сказал: мы готовим не философов, а преподавателей философии. Причем не какой-нибудь, а марксистско-ленинской.

Мне казалось, что на каждом университетском углу я буду встречать либо Огарева, либо Герцена, но первый же курс привел к полному разочарованию. Хотя потом я понял, что дает ВУЗ — это способность находить то, что нужно читать. И я читал, читал, писал. Я решил заниматься историей философии, преподавать. Знания для меня были всем. Я изучал язык, в подлиннике читал Сартра, написал о нем диссертацию, защитил ее.

— Вам тогда хватало денег на жизнь?

— Мне всегда казалось, что я получаю больше, чем остальные. Я читал лекции, и за них платили приличные деньги — шесть с половиной. К тому же я и тогда не пил, не курил.

— Эта правильность естественна? Она от ума?

— Да, от ума, у меня очень слабо развит инстинкт подражания.

— И вы можете позволить себе быть естественным и не думать, как это воспринимает окружающие?

— Могу, но если уж я общаюсь с людьми, то, естественно, беру на себя элементарные культурные обязательства. На самом

деле я весьма терпимый человек. Моя жена считает, что даже очень покладистый в быту.

— Вы всегда были ориентированы на карьеру.

— Всегда, но прежде мне казалось, что ее можно делать без нравственных издержек. Разумеется, это не так. Карьера почти всегда предполагает выбор между собственной моралью и тем поведением, которое обеспечивает продвижение «наверх». Когда меня исключали из комсомола на четвертом курсе университета за дискуссию о свободе творчества, мне пришлось делать выбор — либо побежать в партком с раскаяниями, либо остаться при своих убеждениях... Меня выгнали, и я стал грузчиком.

— Вам не казалось, что в жизни все кончено?

— Нет, я был абсолютно уверен, что не погибну. Правда, я поставил крест на политической карьере и решил делать академическую. Начал изучать французский, серьезно продвинулся в языке, а потом получил письмо из университета — мне предложили восстановиться. Когда вернулся на факультет, вокруг меня возник даже какой-то ореол борца против регламентации творческого процесса. На самом же деле я никогда не был революционером. Напротив, считал себя контрреволюционером.

— Мне казалось, что вы либерал.

— Вы правы, но если либерала разозлить, он превращается в контрреволюционера.

— Когда, с чего началось наживание производственного капитала?

— Когда я разочаровался в сфере социального действия. Просветительских иллюзий при свирепой цензуре быть не могло. Эти игры мне осточертели.

Сейчас, если пришлось бы делать выбор между властью и свободой, я выбрал бы свободу. Между властью и собственностью — то собственность.

— А между свободой и собственностью?

— Свободу бы выбрал.

— Разве бывает свобода без собственности?

— По Сартру бывает. Можно обрести полную духовную свободу путем полного ограничения всех своих потребностей.

— Но ограничения предполагают зависимость.

— Я выбираю свободу по Сартру: человек — это бытие для себя.

— Вы не кажетесь самому себе скучным, слишком правильным человеком?

— Скучает тот, кто постоянно находится во власти внешних обстоятельств.

— И все-таки, как вы начали богатеть...

— Когда познакомился с Вадимом Тумановым. Мне говорили — куда ты идешь, ты там не адаптируешься. Но я считаю — интеллигент может все. Но сначала мы с Вадимом Ивановичем просто дружили, а потом он предложил работать у него. Я не

знал: кем? Но он предложил — поезди по участкам, посмотри. И я выбрал место.

— Какое же?

— Стал начальником отдела кадров. Создал и другие отделы — юридический, экономический, службу безопасности. Когда начали громить «Печору», была уже разработана такая система, которую уничтожить было нельзя. Но именно в тот момент я задумал свой кооператив «Волхов». Это акционерное общество открытого типа — оно строит дороги, дома, жилье, занимается банковской деятельностью, через биржу — торгово-посреднической... Мы производим реальные вещи.

— Вы так и не занялись политикой профессионально...

— Политик — это публичный мужчина, он принадлежит всем. Надо для себя сделать выбор — либо влияние, либо — власть. Можно иметь власть, но не иметь влияния.

— Но это и есть самая дорогая власть.

— Мне не хотелось бы быть первым лицом, но я предпочел бы сделать это первое лицо. Мне нравится наблюдение Черчилля: политика — это искусство возможного, но не всегда в пределах желаемого. Политик вынужден заискивать перед теми, кого не любит, и перед теми, кто его тоже не любит. Это не для меня.

— Теневой кабинет вам кажется предпочтительнее?

— Да

— Если вы предпочитаете тень, то за чем принимали участие в таком публичном конкурсе, как «Российский бизнесмен-91»? Да еще первое место заняли.

— Первые два этапа прошли для меня незаметно. Мой юрист посылал на конкурс какие-то документы о деятельности «Волхова», но, когда наступил заключительный этап, я увидел, что нахожусь в приличном обществе. Появился азарт. Захотел выиграть.

— Вы ездите на «Опеле», который получили в качестве приза?

— Нет, очень неудобная машина. Жена — на «Ниве», я — на «Волге».

— И тут ваши желания совпадают с вашими возможностями. Но так в жизни не бывает, что-то должно беспокоить?

— Знаете, у меня полный душевный комфорт. Я и смерти не боюсь, после меня уже многое останется. Когда я приезжаю на родину, обязательно веду сына на кладбище — там похоронено шесть поколений моих предков. И я хочу построить, а точнее, восстановить на этом месте храм. Мы не должны забывать тех, кто нам был дорог. Храм — это символ бессмертия, к которому у стремлюсь.

Елена КОЛЕСНИКОВА

КУПИТЬ СЕГОДНЯ ВЫГОДНЕЕ, НЕЖЕЛИ ЗАВТРА!

У «МММ»
НЕТ
ПРОБЛЕМ!

ВЫБОР ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕН,
ЦЕНЫ СУЩЕСТВЕННО НИЖЕ КОММЕРЧЕСКИХ!

ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ НОВЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ «МММ»-ЭКСПО»,
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР, ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН «МММ»-ОСТАНКИНО».

В оптовой и розничной продаже: компьютеры и оргтехника, аудио- и видеоаппаратура,
электробытовая техника, модные одежда и обувь,
продовольственные товары, напитки.

УСЛОВИЯ ПОКУПКИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ
И ЧАСТНЫХ ЛИЦ—ОПТИМАЛЬНЫЕ:
—ЗА РУБЛИ
—БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ
—ПО БЕЗНАЛИЧНОМУ И НАЛИЧНОМУ РАСЧЕТУ
/ЗА НАЛИЧНЫЕ НА 8% ДЕШЕВЛЕ/

«МММ»-ЭКСПО» пл. Революции, д. 2/музей В.И.Ленина, 3-й этаж. С 9.30 до 18.00, кроме воскр. и пон.
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР Варшавское шоссе, д. 26 м. «Нагатинская». С 9.00 до 18.00, кроме субб. и воскр.
ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН «МММ»-ОСТАНКИНО» ул. Ботаническая, д. 29 м. «ВДНХ»,
тролл. № 73, 36 до ост. Гостилица «Останкино». С 10.00 до 19.00, кроме субб. и воскр.

111-00-65
111-20-70

ПОЧТЕННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ!

**Открыта
подписка
на журнал
«Столица»
на 1993 год!**

Стоимость подписки, объявленная редакцией: на три месяца — 91 рубль, на шесть месяцев — 182 рубля.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку. Так, в Москве стоимость подписки на «Столицу» с учетом местной надбавки составляет: на три месяца — 152 рубля, на шесть месяцев — 304 рубля.

При попытках взять с подписчиков больше указанной суммы просим обращаться в редакцию. Телефон: 928-27-69.

АБОНЕМЕНТ на газету **73746**
журнал **"Столица"**
(индекс издания)

(наименование издания) Количество комплектов:

на 19 _____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ лп-тер _____ на газету **73746**
журнал **"Столица"**
(индекс издания)

(наименование издания)

Стоимость	подписки	руб. _____	коп. _____	Количество комплектов:
	пере-адресовки	руб. _____	коп. _____	

на 19 _____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

**Как и в прошлом году,
для подписчиков
«Столицы»
редакция
приготовила
большое
количество
призов.**

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. В первом номере «Столицы» за 1993 год будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

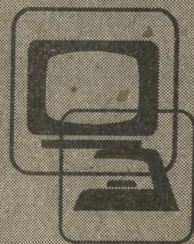
Заполнение месячных клеточек при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлению квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

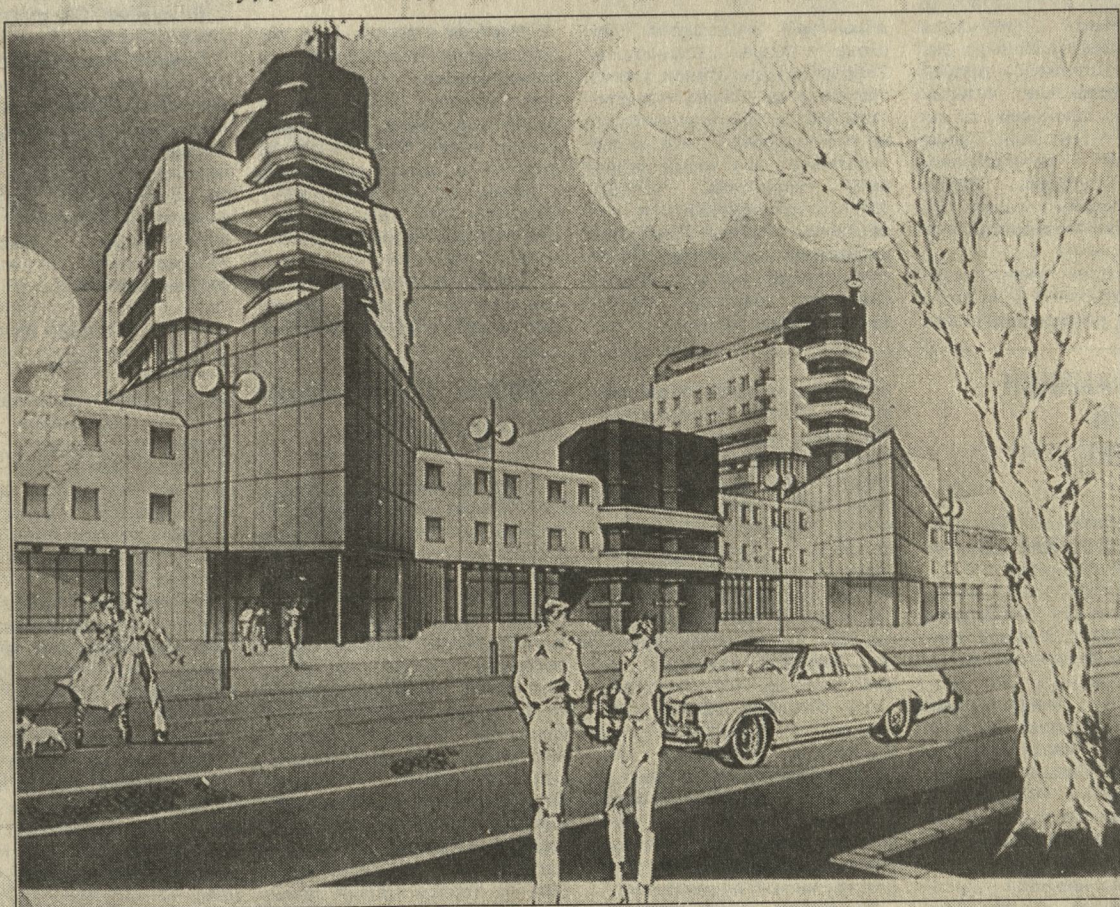
Холодильники, телевизоры,
часы женские и мужские,
электрические самовары,
электробритвы,
платки пуховые,
конфетницы хрустальные,
наборы (скатерть и
салфетки), матрешки,
термометры комнатные,
изделия из Хохломы,
альбомы для
фотографий,
нож и открывалка
«Хохлома»,
денежные призы —
все это
вы можете выиграть,
отправив по адресу
редакции правильно
заполненный
КУПОН ЛОТЕРЕИ.

На прилавках фирменного магазина № 11
«ОКЕАН» вас ждет
 широкий ассортимент рыботороваров
 более 120 наименований, в том числе:

— океаническая рыба	12-15 наименований,
— рыбная кулинария	15-20 наименований,
— рыбные консервы	25-30 наименований.

Вот как будет выглядеть наш магазин через несколько лет.

Дело магазина № 11 «Океан» успешно продолжает торговая фирма «ЛАГУНА».

Наше будущее зависит от вас.

Мы ждем вас по адресу: улица
 Краснобогатырская, дом 23.

Проезд — метро «Преображенская
 площадь», далее трамваем 11, 46, 50.

Остановка — «Магазин «Океан».

Магазин работает без перерыва на обед.

Контактный телефон 963-39-06.

Заходите к нам.

ПОКА НЕ ВСЕ СТОРЕЛО, ПОЛЕТЕЛИ!

...ИЛ-76 П стоял на аэродроме, готовый к вылету, противопожарная система заполнена водой. А совсем рядом развернулась красивая выставка «Мосаэрошоу-92». И как-то не верилось, что вот этот самолет сейчас вдруг сорвется на пожар и в этом не будет ничего общего с царящим вокруг авиационным весельем.

Все прояснилось с появлением сотрудников Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям. Нынешним летом им не до выставок. Счет пожаров, бушующих по России, идет на тысячи. Огнем пройдено около миллиона гектаров леса, торфяников, сельскохозяйственных угодий. Особо сильно пожары бушуют на юго-востоке Московской области.

Не вызывал никаких сомнений в серьезной цели этого полета и решительный вид

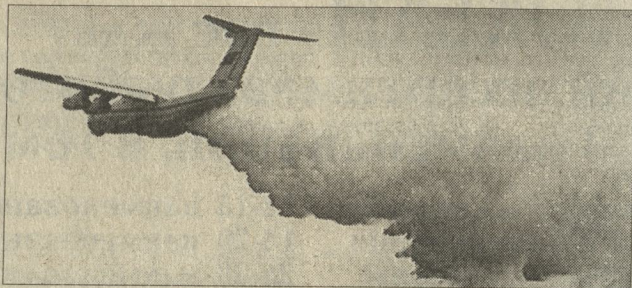

Фото В.Машатина

директора раменского лесхоза Ивана Усанчикова. Сквозь гул двигателей уже в самолете он кричал журналистам, что с 1972 года не было ничего подобного, что огонь охватывает все новые и новые территории. Кое-где огонь подкрадывается к населенным пунктам. Пожарные на земле с трудом справляются со стихией, вот бы сверху, с самолета, тридцатью двумя тоннами воды, разом...

...Самолет стал ощутимо терять высоту. Все прилипли к иллюминаторам. Дым над лесом по левому борту, дым — по правому борту. Вот пожар совсем рядом с проселочной дорогой, а здесь, смотри-ка, к дачам, что ли, подступает? Верхушки елей, кажется, совсем рядом — высота 40 метров.

Приоткрылся задний люк самолета. В отверстие видно, как остаются позади еще не

тронутые огнем деревья. От внезапной сирены невольно вздрагиваешь. Боковые крышки противопожарного агрегата резко открылись, вода хлынула вниз, на горящий лес. Раз, два, три, четыре... вода яростно хлещет наружу.

Команда «отбой!», задний люк закрылся.

Самолет делает еще один круг над местом сброса. Из кабины в салон вышел летчик-наблюдатель:

— Попали точно, полосой 400 на 40 метров, погасили кромку огненного фронта.

В деревне Захарово могут спать спокойно.

Самолет подруливает к месту стоянки, постепенно затихает. До следующей команды. А рядом по-прежнему идет авиационный праздник, «Мосаэрошоу-92» в полном разгаре. Большие и маленькие самолеты взмывают ввысь, демонстрируя отдыхающей публике свои головокружительные возможности.

Андрей ШИТИКОВ

СКРОМНЕНЬКИЙ КРАСНЫЙ ПЛАТОЧЕК...

В центральном «Детском мире» продают автомобили и пионерские галстуки.

Автомобили, так возмущающие мамаш, пришедших сюда купить что-нибудь дешевое и во всяком случае — детское, продают из коммерческих соображений. Пионерские галстуки — из-за печальной необходимости. Фабрики их больше не производят, новых поступлений уже год как не было, но на складах остались запасы, которые надо куда-то деть.

Основная надежда здесь (как и в других случаях, когда приходится распродавать наследие «проклятого прошлого») на иностранцев. Но тут есть одна проблема — не всякий иностранец сообразит, чем на самом деле является этот небольшой красный платочек. Иностранцу нужно что-нибудь с более явными признаками советского — выппел с портретом Ленина, знамя с серпом и молотом, фуражка со звездой.

Помимо иностранцев, галстуки потихоньку раскупают и наши граждане. О целях

продавцы и товароведы могут только догадываться. Женщина покупает несколько штук сразу? Ну что ж, подкладка для детского пальтеца очень даже неплохая может получиться. И главная дешевая — галстук раньше стоил пятьдесят пять копеек, теперь его продают по рубль шестьдесят. Повышение цены, как видим, очень скромное. Изредка случается такое счастье, что покупают сразу большую партию. Скорее всего, кооператоры тоже что-нибудь собрались мастерить из хорошего красного шелка. В начале лета были большие закупки для пионерских лагерей (или как там они теперь называются?) — для кружков «Умелые руки».

Но торговля идет вяло. В месяц расходуется около десяти тысяч экземпляров. На складе — 400 тысяч. Значит, еще долго «частицы красного знамени», развешанные напротив входов в валютные отделы, будут удивлять окружающих.

Интересно, что спрос на галстуки значительно вырос перед началом учебного года. Зачем? Ведь в школах пионерских организаций больше нет. Может быть, создаются подпольные?

Е.ГОНЧАРЕНКО

САМСОН, УДАРЯЩИЙ ПО ГОЛОВЕ ЛЬВА...

Если раньше по Сибири разгуливали только медведи, лисицы да волки, то ныне по улицам ее городов разгуливают львы.

Недавно жители Томска стали свидетелями забавного курьеза. Из частного зверинца, который содержит для своей забавы руководитель фирмы «Авто» господин Сотников, сбежали животные. Восемь медведей и один лев. Медведей поймали быстро. Но вот царь зверей, сильнее других обижаемый нашим, не любящим венценосных особ, народом, бродил по городу целый день. Только к ночи его удалось обнаружить в городском парке.

Среди милиционеров укротителей не оказалось, поэтому вызвали штатного дрессировщика фирмы «Авто». Но тот в энергичных выражениях отказался от выполнения профессиональных обязанностей. А в это время лев, уходящий в глубь парка, наткнулся в кустах на мирно отдыхающего после трудового дня жителя Томска. Лев не считал и легонько наступил на ногу неп-

рихотливому работяге, от которого портвейном несло метров за тридцать. Любый обидится, если ему наступит на ногу. После краткой вступительной речи, не разобрав, с кем имеет дело, мужик ударил хищника по голове бутылкой.

Ошалевший от такого поведения, лев, хоть и успел укунить смельчака, тут же был пойман поисковой группой блюстителей порядка и завернут в брезент.

Какие мысли пронеслись в голове нашего героя, когда он увидел, кому это он заехал бутылкой по голове, не знает никто. Но свидетельствуют, что взгляд у него в тот момент стал совершенно трезвым.

Сергей ТЕПЛЯКОВ

БЫЛ СЕКРЕТАРЬ. ТЕПЕРЬ — ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА...

Бывшие комсомольские вожаки ныне пересели из одних кресел в другие, поменяли вывески. Теперь они — президенты бирж, директора фирм и т.д. Однако в стае жирных уток всегда ковыляет гадкий утенок.

Олег Южаков — в прошлом

второй секретарь Чусовского горкома ВЛКСМ Пермской области, — можно сказать, откололся от партийно-комсомольской «элиты». На общем собрании прихожан небольшого деревянного храма он избран церковным старостой.

«Апостол Павел, — размышляет Олег, — тоже не сразу стал апостолом. Сначала он был Савлом — гонителем христиан». Выпускник истфака, Южаков хорошо знает историю и катехизис.

По логике сменившегося времени комсомольские аппаратчики, ушедшие в бизнес, — это фарисеи. У них — доход, у Олега — приход.

Юрий БЕЛИКОВ

ШУМИТ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС. В ОТДЕЛЕ КАДРОВ

История брянского края, прославившегося в годы Отечественной войны своим партизанским движением, до сих пор не дает покоя местным бюрократам. Хотя поездка в

Брянске под откос давно не пускают, но графа «Участвовали ли вы в партизанских отрядах» по-прежнему присутствует в листке учета кадров на большинстве предприятий города. Причем отвечать на каверзный вопрос должны все, невзирая на возраст. Даже те, кого во время Великой Отечественной еще, так сказать, и на свете не было. Льготы и преимущества, вытекающие, к примеру, из ответа «да», — неясны. По крайней мере, на зарплате, как утверждают наблюдатели, это никак не отражается.

Андрей ВОРОБЬЕВ
«Брянский комсомолец»

ГУМАНИТАРНАЯ НЕМОЩЬ

Как известно, бомжи — самые бедные люди. Но и в среде этих изгоев тоже встречаются иногда зажиточные люди. Нина Николаевна Ломтатидзе — одна из них. Санкт-петербургские милиционеры оценили ее иму-

щество в 80—100 тысяч рублей.

Нина Николаевна никогда не просила милостыню, как другие. Просто нащупала золотую жилу: ходила по тем местам, куда поступает гуманитарная помощь, и делала поильную работу — полы, окна мыла, подметала. За это с ней расплачивались продуктами. Так продолжалось полтора года. И что самое интересное — то, что зарабатывала, не ела, а складывала в большие коробки.

Все эти коробки она хранила у старушки, за которой ухаживала. Но однажды поскандалила со старушкой и с ее соседями. Они-то и выгнали бомжиху, а полюбившая ее имуществом пригласили милиционеров, которые и арестовали все коробки с продуктами.

Теперь Ломтатидзе ходит «по инстанциям» и просит вернуть имущество, честно заработанное подневным трудом. Ей отвечают: обращайтесь в суд. Но даже если она и выиграет процесс — везти коробки будет некуда.

Елизавета БОГОСЛОВСКАЯ

«НОМЕНКЛАТУРНЫЕ» КРЫСЫ ПРИВЫКЛИ ХОРОШО ПИТАТЬСЯ

Крысы бегут с корабля первыми. Об этом с ужасом подумала вахтер анапского «Белого дома» (мэрии), когда глубокой ночью стала свидетельницей жутчайшей картины: из подсобки буфета вышла стая крыс. Они проползли по коридору первого этажа и исчезли в неизвестном направлении, пока перепуганная женщина пыталась позвать кого-нибудь на помощь. Наутро в муниципалитет пригласили работников санэпидемстанции, которые заложили яд в крысиные норы. Но яд есть некому — крысы покинули здание навсегда.

Долго в Анапе ломали голову над этим фактом. Наконец пришли к общему мнению: крысы «эмигрировали» потому, что за последнее время заметно ухудшилось снабжение местного буфета...

Дмитрий ЕРМАКОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Денис ГОРЕЛОВ

А РОЖА НЕ ТРЕСНЕТ?

Припухшему советскому
студентству

В фильме «Семь няnek» взятый на поруки лоботряс долго учит семерых опекунов, как его правильно воспитывать. И горько жалуется на нелюбовь окружающего мира. И тогда человек, у которого он порвал фотографию погибшего на фронте отца, говорит ему правильные и весьма необычные для тогдашнего соплявого кино слова:

«А за что тебя любить, падаль?»

Советский студент ох как мне напоминает того недоросля! Все с ним носятся, как с описавшимся младенцем, молодежную политику выдумывают, а он только и норовит, что яблочка куснуть, по...ся и уснуть. Да поплакаться в студенческую полосу «Московского комсомольца» — как же, мол, жить на девятьсот рублей стипендии? (Замечу — четверть сотрудников «МК» имеют зарплату меньше этой суммы, ежедневно вкалывая так, что язык на сторону.) Взрослые люди

от 18 до 25, у одних ноги из шеи растут, у других ручки из головы, шею минуя, — так всю жизнь и будете титьку искать? За что вам платить — за то, что вы есть? Или за то, что вы когда-нибудь вырастаете и тоже станете оплачивать затяннувшееся детство следующих поколений раздолбаев? Вас даже от армии освободили — теперь скажите, что вы такого сделали для страны, что она должна брать вас на полный пансион? Страны в конкретном капиталистическом смысле. Что вы, друзья, сделали для меня, отчего я должен отчислять вашей братии налог да еще оплачивать все налоги на

производство, включенные в стоимость любого товара? Чтоб вы знай в КВН игрались?

Ни в одной стране мира студенческие годы не вспоминают с такой нежностью, как у нас, — славное время праздности, пьянства и любви. «От сессии до сессии живут студенты весело» — чего это они так развеселились-то?

Ясно чего. Существует железный социальный закон: во всем мире бюджетники размножаются со скоростью китайцев, топя редких светочей в лавине дармоедов. Общее число никак не регулируется спросом — отчего

б не расти? Потому-то во всем мире на редкие бюджетные отрасли — армию, полицию и чиновничество — по сто контролеров-конгрессменов над душой, как Кролик над Винни-Пухом: а не слишком ли ты много ешь? А мед со сгущенкой — разве не вредно? А не сплывется ли у тебя?

В нашей же, и так не самой сытой, стране — самое большое количество ментов, врачей, учителей, управленцев, офицеров и студентов. И если с большинством более-менее разобрались или разберутся в ближайшем далеке, то студенчество — единственная категория, которой надо бы шуршать и шуршать на свое будущее, подтянув ремень у себя и у родителей, — а оно вместо этого только разевает пошире клюв, да еще пальцем показывает: сюда клади, дядька.

А как насчет ключа от квартиры, где деньги лежат, дорогие девочки и мальчики?

В предыдущем номере Денис ГОРЕЛОВ категорически заявил: «Нет, Сухов, пулемета я тебе не дам»

Петр СМИРНОВ

ответил:

«А НА ХРЕНА МНЕ ПУЛЕМЕТ, ДЕНИС?»

Бери шинель — пошли домой.

Окуджава

Да, судя по твоему, отлитому из бронзы и праведного гнева, пафосу, Денис, моя жизнь, как говорится, прошла мимо. Не повезло мне, ох, не повезло. Не командовал в 19 боевой машиной, более того, и в 15 шашкой не махал, как дедушка Гайдар, хотя признаюсь: в 15 еще хотелось. А в 19, скажу честно, больше за девушками гонялся да с лекций в институте сбегал, чтобы с друзьями пива попить. А из всех моих героических деяний того славного периода, ныне именуемого расцветом застоя, помнится мне только «Доктор Живаго», «проглоченный» за ночь. А в 22 у меня не было собственной полосы в полуторамиллионной газете, а была после института зарплата аж в 90 рублей, должность младшего редактора и «увлекательная» работа по приемке рекламных материалов от киностудий. И дочь уже была, а потом и армия пришла, которая нужна была мне как собаке пятая нога (хорошо хоть родители мою семью прокормили). И из АК-то я стрелял всего пару раз, и теперь о нем по ночам совсем не тоскую. А в 24 — какая там «Свобода» (я ее и не слушал тогда — кино интересовало куда больше). И хотя зарплату мне по тем временам положили хорошую — рублей 130, но, как понимаешь, все равно не хватало и приходилось подхалтуривать информашками в газетах.

Так что мне, конечно, не дотянуться до твоего пьедестала. Впрочем, как и всем тем, которые рядом со мной и на которых ты сурово и требовательно глядишь сверху вниз. Пойми: они, в общем-то, не мои — и мне тоже не нравится боевой раскрас пятнадцатилетних амазонок (мне бы что-нибудь попроще и попухлястее) — но они рядом. Они — люди. Плохие, хорошие, грязные, упакованные, неумные, заумные — всякие, но — люди. Даже те, каждая из которых, как ты пишешь, «в свои шестнадцать считает, что прожила жизнь, — только потому, что ей целку поломали...».

Хорошо, что для тебя сломанная целка — не конец жизни. А для того, кому ее сломали в подъезде, после бутылки портвейна? Пусть даже сама виновата, пусть даже мир не рухнет, но ей, наверное, все равно больно? Или нет? А те, пьяные, расхристанные, в соплях и мате, которые из Афганистана? Вот ты с восхищением вспоминаешь американского дембеля из Вьетнама в «Рожденных неприкаянными». Но я не думаю, чтобы ты восхищался его недавними отечественными последователями — всеми этими кино-теле-афганцами, вернувшимися домой устанавливать порядок по принципу «закон — кулак». А я возмущался в своих рецензиях и получал, как и ты, гневные письма. Но я протестовал против дурацкого и спекулятивного кино, против порочной, на мой взгляд, идеи. А что касается реальных людей, все время не мог избавиться от мысли: ну ведь не сами

же они туда поперлись исполнять «интернациональный долг», ведь это их бросили в эту дерьмовую войну. И многие сломались. А когда что-то ломается в человеке — ему ведь больно, очень больно. Он кричит, матерится, плачет, пьет. Это ведь только Мересьев мог танцевать на протезах. Наверное, хорошо было бы, чтобы весь мир состоял из настоящих человек, но если они даже не настоящие, если тинэйджеры, если волосатые и грязные, если ищут непонятного мне Кришну или делают вид, что ищут, если живут не так, как мне хочется, то и тогда они — человеки. Да, они — другие, на меня не похожие. Да, их проблемы — не мои проблемы, и я тоже не хочу вникать в них. Но они — не ублюдки. Да, мне дико, мне больно, мне гневно, когда я вижу, как пацаны торгуют медалью «За отвагу», за которую мой дед заплатил обожженным из немецкого огнемета лицом. Но я не хочу, не могу даже в мечтах представить, как хорошо «пройтись бы по Арбату андроповской облавой». И мне чрезвычайно интересно, действительно интересно, неужели ты способен, подобно своему кумиру Бронсону, взять «пушку» и нажать спусковой крючок, чтобы из этих ублюдков мозги на стену? Не в полемическом задоре и публицистическом гнев, а вот так, в жизни (господи, чуть не ляпнул: давай, попробуй). А потом поцеловать жену, приласкать ребенка, сесть за стол, накрытый чистой скатертью, выпить кофе и вложить лист бумаги в машинку?

И еще. О пятачке в ладошку. Я тоже не подаю нищим. И не потому, что денег жалко, а потому, что стыжусь бросать им сверху вниз медяки. А нагнуться, присесть на корточки вровень с ними не умею. Но и мысль о пулемете, даже когда каждый день хожу мимо сахарканного, загаженного и, как мне кажется, населенного исключительно мордворотами и блядами Белорусского вокзала, даже тогда мысль о пулемете у меня не возникает.

Мне думается, что у сильного мужчины может быть злость, но не должно быть злобы. И коль уж ты вспомнил слова Верещагина про пулемет, вспомни и то, как поступила его жена с домашним арсеналом. Ты прав, Денис, что никому не дашь свой пулемет, но еще лучше, если ты его утопишь. Чтобы у тебя его не перехватили те, кто запросто очередью от бедра. И «бери шинель — пошли домой», ибо мы, «мещане, корневые ребята», слишком долго воевали. И нас заждались дома, где светло и чисто и где нам будут рады.

Эдуард ДОРОЖКИН,
Владимир ШИШОВ (фото)

ГОРОД, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ

Москву и Нью-Йорк называют городами противоположностей, контрастов. К Парижу это относится в гораздо меньшей степени.

Большинство жителей Минска ни Парижа, ни тем более Нью-Йорка не видели. Поэтому и свой город называют они большим и неровным. Что очень странно, поскольку, во-первых, размеры его никем не меряны, а если и меряны, то вовсе не с таким устра-

шающим результатом, а во-вторых, нет на Земле более спокойного и безмятежного места, чем столица СНГ город-герой Минск. Но вот одна странность: столица вроде бы должна что-то отражать. Изменения конъюнктуры, традиции, приезды высоких гостей тоже не бесследно обычно проходят. А Минск, словно бы назло всему миру, ничего не отражает. И собой вовсе не интересуется.

Строили и строят его, кажется, по принципу: неважно что, лишь бы построить.

Сколько приходилось мне спрашивать, как проехать до площади Независимости, и ни разу ответа четкого и краткого получить не удалось. Только после долгих колебаний и какого-то нечеловеческого напряжения мысли «минчане» переспрашивали — не площадь ли Ленина я имею в виду. А имел в виду я именно ее. На площади Независимости как раз находится этот жуткий памятник Ленину, говорят, лучший образец конструктивизма в Европе. Здесь же — здание Совета министров Республики Беларусь и Минский городской совет народных депутатов со своим исполкомом.

В Минске, кроме шести сортов сыра в любом магазине безо всякой очереди, есть еще метро. Так, во всяком случае, оно называется. Хотя по сравнению с московским, парижским или нью-йоркским оно, конечно, не метро. Несмотря даже на то, что носит, если не ошибаюсь, имя великого Ленина. В минском метро две линии. Одна называется первой. Другая — второй. И есть меж ними единственный на всю суверенную Беларусь переход, который называется так — «переход со второй линии на первую и с первой на вторую». Это, впрочем, не смешно, а в чем-то даже и грустно. Тем более, что есть у двух линий и другие наименования, но, чтобы ими кто-то пользовался, я не слышал. Первая называется Московской, вторая — Автозаводской, или наоборот, что не суть важно, поскольку названия самих станций похожи, как близнецы-братья: «Площадь Победы», «Парк челюскинцев», «Тракторный завод», «Пролетарская». И только забавное звучание белорусской речи не дает совсем умереть от скуки в крохотных поездочках минского метрополитена. «Асцярожна, дзвері зачыняюцца, настычная станцыя — Кастрычніцкая» — примерно так звучит на языке

«своей русской земли», как называл Беларусь Янка Купала, объявление о станции «Октябрьская», огромный дом рядом с которой украшают сразу несколько образцовых лозунгов ушедшей эпохи.

Ходить по Минску с набитым по-московски кошельком — сплошное удовольствие. Когда бутылка кока-колы стоит двенадцать рублей, а бутерброд с одним из шести сортов сыра — самым дорогим — один рубль восемьдесят копеек, забываешь обо всем. Еще приятно заходить в книжные магазины. Там можно пообщаться с интеллигентами, которые обязательно пригласят вас на чашечку ячменного кофе, «кавы», как называется этот древний восточный напиток в меню фешенебельных минских ресторанов.

Ну и, конечно, приятно, что нет в Минске морд. Возможно, из-за природной неброскости белорусских лиц их нет. Возможно, из-за того, что торговать мерзавцам на улицах не разрешают. Но — нет, и это самое сильное впечатление от новоиспеченной столицы, четвертого Рима, если пуститься в сомнительные, но заманчивые ассоциации. Нет в Минске и типов человеческих, нет характеров. Или есть они, но где-то совсем уж далеко запрятанные. Никаких эмоций, но улыбка — почти постоянно. А смотреть на них все равно жалко. Что их печалит, откуда такая неизбывная грусть в глазах? В Москве все брос-

ко: если радость, то до последней степени, если скука — то обязательно в преддверии портвейна. А уж после него — только похмелье. В Минске все смешано, все живет в каком-то удивительном для измученного москвича согласии, созвучии, я бы сказал. Дух на минских улицах царит такой, что не в каждом московском парке нынче встретишь. Тот дух, когда на скамеечках сидят влюбленные молодые и пожилые пары и о чем-то нежно так, тихо щебечут. О чем-то своем, видимо, сокровенном.

Скажу по привычке честно, каждое утро я покупаю в киосках «Роспечати» кипу газет и журналов. В Москве с этим становится все сложнее и сложнее. А вот в Минске — хоть залейся, хоть до последнего своего пота зачитайся. Ни один (!) газетный киоск в городе не был переоборудован для использования в других целях. Начитанность народонаселения — прежде всего.

По Минску течет река Свислочь, в которой никто не купается, потому что она — грязная. Но она течет, и течет очень красиво. На окраине в зарослях камыша — стаи уток несчитанные. Причем утки увесистые такие, здоровые. Любо-дорого смотреть. Не их ли в ресторанах на берегу подают? Поинтересовался в шутку, ответили серьезно — не их. В районе детского парка, где в павильоне пиво с сосисками, по реке бегают пародик. Перевозит детишек с мамочками и папочками: туда-обратно. Масштабы у парходика не московские, возвращается через двадцать минут.

Минск — дешевый город, неприлично дешевый по нынешним временам. Но, видит Бог, жить там приезжему человеку быстро надоедает, и он согласен уже есть вырезку по пятьсот рублей в Москве, а не по девяносто в Минске, только чтобы выбраться из этого вселенского спокойствия, встряхнуться в плацкартном вагоне Минск—Москва, выйти наконец на московский Белорусский вокзал европейского типа и окунуться в подлинно столичную жизнь.

Минск приятнее вспоминать изда-лека: и полное отсутствие какой-либо архитектуры, и смешные до боли названия улиц, и бананы по восемьдесят рублей килограмм, и все остальное. Единственно, приходится сильно жалеть о том, что в Москве нельзя уже сделать так, чтобы не было морд. Чтобы совсем не было.

Владимир ВОРОНОВ

Осенью 1941-го из Москвы в Куйбышев вывезли большую группу арестованных генералов Красной Армии, видных военачальников, создателей армии. Их так не хватало тогда на фронтах, под Москвой! Группа НКВД, эвакуированная тогда из Москвы, выбрала местом своей дислокации военный санато-

ний весны» был домик у Штирлица? Вот и здесь, в окружении пней бывшей роши, мило так расположились дюжина-две таких «домиков Штирлица», полностью или почти полностью уже отстроенных, целый военный мемориал из кирпича и камня. Только у Штирлица, помнится, одноэтажный был, а здесь сплошь двухэтажные и трехэтажные, со встроенными гаражами. А вот и вовсе шедевр красного кирпича — подвальный этаж, два «нормальных» этажа, мансарда и... подземный гараж.

Среди всего этого архитектурного великолепия найти дачу генерала Макашова было мудрено. Бывшие подчиненные (бывшего) командующего ПУРВО явно обскакали его. Не по чину! Домик их экс-командующего являет собой просто образец партийной скромности. Сам Альберт Михайлович приобрел свой дом за шесть с небольшим тысяч, осенью 1991-го. Когда он купил его, то, по его словам, оказалось, «что тут нет канализации, коммуникаций и т.д.» («Волжский комсомолец», 19 октября 1991 года). Теперь есть все и у всех. Поговорил с солдатами и выяснил, что к дачкам подведены электричество, газ, вода горячая и холодная, канализация, центральное отопление. Все это — от коммуникаций и котельной санатория округа.

Кто же те счастливицы, что в минутах ходьбы от Волги, в уютной зеленой зоне возвели для себя радующие глаз и душу особнячки со всеми удобствами? Если судить по обилию снующих туда-сюда легковушек с номерами штаба округа (кои с детства известны любому самарцу), то создается впечатление, что здесь-то и обосновался весь руководящий состав штаба. Чтобы не ошибиться, назовем лишь тех, кто «прописан» там точно. В начале списка — председатель садоводческого кооператива «Клен» отставной генерал О.И. Григорьев. Кооператив сей был создан в штабе округа в 1990 году под патронажем тогдашнего командующего, А.М. Макашова, — тоже члена этого объединения. Здесь же особнячок пламенного патриота-коммуниста, пылкого защитника дела Коммунистической партии, научившей его прыгать с парашютом, — бывшего начальника политуправления округа народного депутата России, генерал-лейтенанта Б.В. Тарасова. А чтобы удобнее было блюсти законность, здесь же расположился и заместитель военного прокурора округа полковник юстиции П.П. Шуваркин.

Но, вообще, узнать, кто здесь обустроился, крайне тяжело. Солдаты молчат (хотя охотно указывают, где дача Макашова, и готовы рассказать

МАНЕВРЫ НА ДАЧНОМ ПЛАЦДАРМЕ

На начало 1992 года задолженность местных Советов Приволжско-Уральскому военному округу по жилью составляла 328 квартир, или 18,1 тыс. квадратных метров («Самарские известия», 13 февраля 1992 года). Более 1 150 прапорщиков и офицеров, служащих на территории Самарской области, не имеют жилья («Самарские известия», 23 апреля 1992 года).

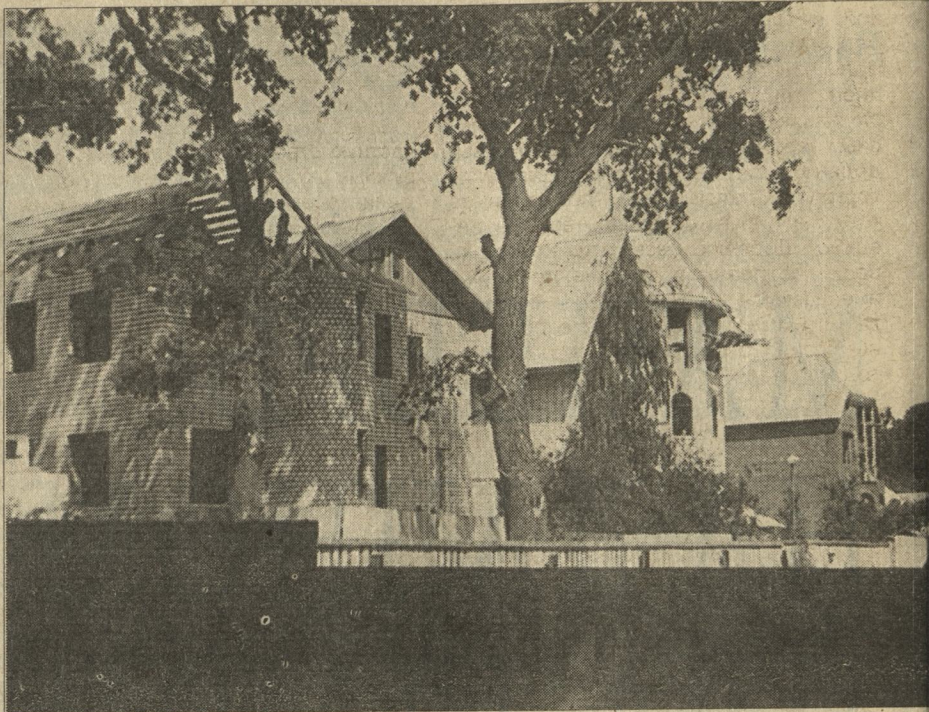
рий «Волга» на 7-й просеке. Там же, по одной из версий, и были расстреляны генералы. Теперь на этом месте генеральские дачи.

...Ехать было недалеко. Тридцать минут на трамвае от центра Самары, пятнадцать минут пешком, вниз по просеке, к Волге, и я почти у цели. О близости искомого сужу по самой надежной примете — гимнастеркам солдат Советской... простите, Российской Армии. Как можно определить, где военные дачи? А так: место, где солдатики роют землю, месят раствор, кладут кирпичи, роют погреба, ведут сварку, там уж точно генеральские дачи, полковничьи, на худой конец.

Моя весьма штатская фигура в этом дачном поселке вызвала повышенный и настороженный интерес... Ну, вот, этот домик — явно не дача Макашова — покосившийся, полуразвалившийся, гнилой двухэтажный барак. Это дом, где обитают сотрудники военного санатория ПУРВО и их семьи — служащие Совет... простите, Российской Армии. Иные живут тут уже тридцать лет — без прописки, без права на жилье в случае сноса барака. Идем дальше, мимо солдат, тянущих к чьей-то дачке коммуникации, мимо настороженно оглядывающих тебя догов размером с теленка... Здесь раньше была дубовая роща — это уже территория санатория. Но где же роща? Вывороченные деревья, пни и — ...я будто бы попал в некий архитектурный заповедник. Помните, какой в фильме «Семнадцать мгнове-

об архитектурных особенностях строящихся их руками особняков). «Выручил» сам Альберт Михайлович. Принял и «провел беседу». Провожая меня к выходу, он обиженно и раздраженно махнул в сторону соседнего трехэтажного замка: «И что привязалась пресса к моей даче?! Вон, видите, дворец целый воздвигли! А у меня...» — «И кто же это, Альберт Михайлович?» — «Торговля, конечно. Кто же еще!» Торговля, как выяснилось, военная — иной тут не водится. Со слов же генерала узнал, что тут же сооружает свой домик и замкомандующего по строительству, который недавно генерал-майора получил (не за это ли строительство?). А рядом, впритык к даче Макашова, сооружает свое «жилище» начальник санатория — скоро, мол, на пенсию выходит, нужно же ему куда голову приклонить...

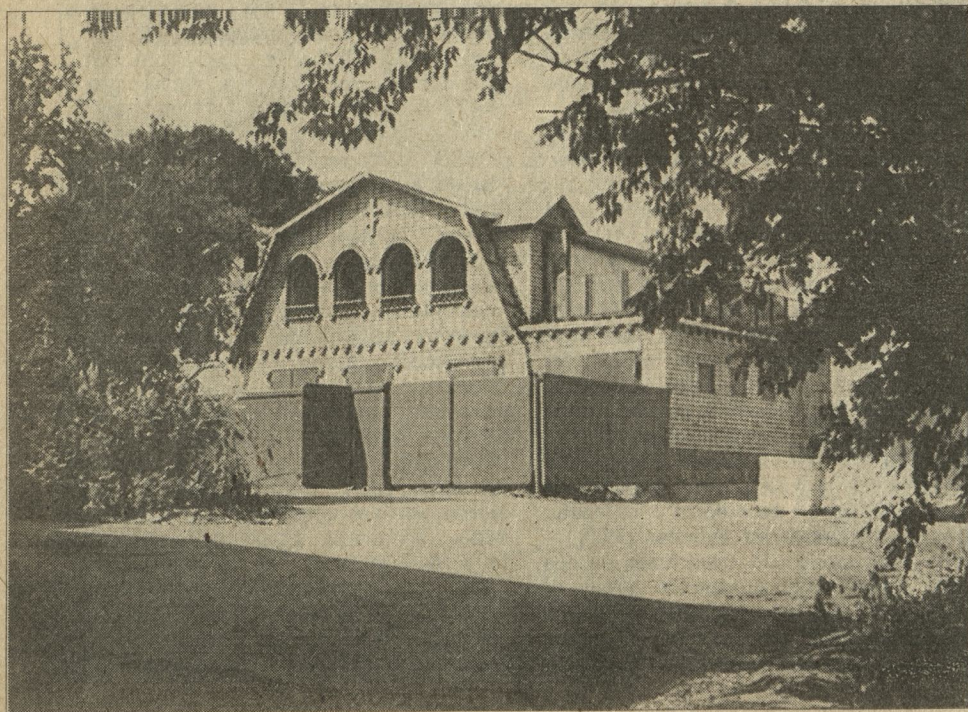
Ладно, скажут, нечего вязаться к отставным и пока еще не отставным генералам, своей многотрудной боевой службой заслужившим себе право на уголок покоя и отдыха. Рынок сейчас, рынок, частная собственность наступает — каждый имеет право тратить свои деньги так, как хочет. Да, на свои деньги, заработанные честным и вполне легальным путем. Мне понятно, что большие, очень большие деньги имеются у бизнесменов. Но у простого советского генерала, получающего твердо фиксированный оклад, откуда? Ведь по расценкам дня сегодняшнего каждый такой «скромный домик» тянет по мень-

Кто же те счастливы, что в минутах ходьбы от Волги, в уютной зеленой зоне возвели для себя уютные особнячки?

шей мере на несколько миллионов рублей. На все вопросы у военных один ответ: все законно. Сколько дач в кооперативе? — Коммерческая тайна! Сколько заплачено за строительные материалы? — Коммерческая тайна! Сколько стоит оплата работ? — Коммерческая тайна! Почему на стройке (личной!) работают солдаты? — Военная тайна! Почему лично курирует строительство частных дач замкомандующего по тылу округа генерал Гуравлев и замкомандующего по строительству? — Военная тайна! Почему работают даже не строительные части, а пехота, например? — Военно-коммерческая тайна!.. Ну а деньги-то такие у скромного, бедного генералитета откуда? — Тайна вклада! Заработал за всю службу! Теща дала!

В округе между тем продолжается размещение выведенных в 91-м из Чехо-Словакии и Германии частей... Только что прибыла гвардейская танковая дивизия из Германии... Это плюс к «своим» 150 бесквартирным офицерам. Начальник штаба — первый заместитель командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа (округ ныне вновь разделился на два) генерал-лейтенант Л.С.Майоров считает «издевательством над людьми» такой подход к решению государственной задачи («Волжская заря», 11 июля 1992 года). Но в этом же интервью он сообщает любопытные вещи и о строительстве жилья для кадровых военных. Оказывается, «государство берется оплатить половину строительства индивидуального дома офицера или прапорщика. Но в Самарс-

кой и Пензенской областях, например, эта половина тянет ни много ни мало на миллион рублей. Второй миллион, получается, должен военнослужащий выложить. Ясно, что с нашей зарплатой это нереально» (выделено мной. — В.В.). Однако для некоторых генералов и иных полковников того же округа оказалось вполне реально. Добавлю, все эти коттеджи ведь построены в дополнение к уже имеющемуся у них жилью — от трех до пятикомнатных квартир в прекрасных домах в центре города! Да и коттеджи не из тех, что для прапорщиков — в два-три раза помощнее... Кто же, тогда, и над кем издевается?

Вот «скупые» детали некоторых архитектурных проектов: «План 1-го этажа: Кухня. Столовая. Веранда. Отопительная печь. Лестница из дерева на 2-й этаж. План 2-го этажа: Спальня. Спальня. Спальня. Или еще одна скромная фазенда: 1. Кухня. 2. Столовая. 3. Туалет. 4. Санузел. 5. Спальня. 6. Веранда. 7. Холл. 8. Лоджия. 9. Гараж. 10. Хозблок. 11. Лестница. 12. Солярий».

Кстати, строительство велось и ведется силами военнослужащих срочной службы, отрываемых, значит, от выполнения боевых обязанностей. В частности, на стройке использовались солдаты учебной дивизии, расквартированной в пригороде Самары — на Кряжу. Известны и номера некоторых частей — 44554, 78573... Перевозками материалов для личных дач занимались солдаты автомобильных частей. Строительство

велось под контролем офицеров штаба округа. Мастера, прорабы, инженеры — все это служащие Российской Армии. Я несколько не сомневаюсь, что и стройматериалы шли на эту частную стройку века прямиком с окрестных складов... А удачное расположение всего этого строительства — на стыке служебных дач командования округа и военного санатория — позволяло и позволяет успешно маскировать всю активность грифом «секретно» и дымзавесой ведущегося уже несколько лет на территории санатория строительства нового лечебного корпуса. Не зря сам начальник санатория строит себе такой же особнячок. Кстати, стройка нового корпуса санатория заморожена — на ее завершение у военных «нет» 25 миллионов, стройматериалов и рабочих рук... Да, чуть не забыл, все эти архитектурные прелести разработаны некоей организацией под скромным названием «Военпроект», также подчиненной округу. Еще в октябре 91-го депутат Самарского горсовета В.Карлов обратился с запросом в военную прокуратуру тогда еще Советской Армии. В ноябре помощник главного военного прокурора Вооруженных Сил полковник Н.Соколов проинформировал депутата, что его письмо направлено... военному прокурору ПУРВО, которому и поручено провести прокурорскую проверку. Прокуратура округа также обещала письменно уведомить депутата о результатах проверки. До сих пор уведомляют... А тем временем зам.военного про-

курора округа полковник П.П.Шуваркин дачку себе отстроил все там же. Наверное, для лучшей проверки...

Альберт Михайлович, как там в отношении ваших же слов о чести, присяге, незапятнанности военных в коррупции и аферах? А ведь все это соорудили ваши же бывшие подчиненные, сослуживцы. Вы командовали этим округом, вы и должны были бдить, чтобы торговля окружная не воровала и не обвешивала, чтобы казенный кирпич не утекал на частные стройки, чтобы солдаты не в личных огородах копались, не погребца бы рыли, а несли службу — Отчизну защищали бы, чтобы главный политрук-комиссар округа своим примером отстаивал коммунистическую мораль, а не приватизировал бы втихую земельку да буржуазный коттедж соорудил.

Наш солдат всегда славился умением сварить кашу из топора. Что, отечественный генерал хуже солдата, не сварит особнячка из целого округа? Да еще и с таким солдатом?! Нет, наш генерал даст сто очков вперед любому бизнесмену-кооператору по находчивости, деловитости и хватке. Нашим бы отцам-воителям издать на сей счет пособие «Как стать богатым и сытым», поделиться ценным опытом с простыми гражданами. Глядишь, и армии иных стран быстро возьмут на вооружение передовую военную мысль, не до войн им уже будет...

Самара — Москва
Август 1992 г.

Фирма «Юмина»

Тел./факс 110-92-91

с 10.00 до 18.00

Москва, ул. Артековская, д. 5а

— Принимает товары на ответственное хранение
— Все виды транспортных услуг

— Предлагает мелкооптовые партии товаров народного потребления

— Рекламные услуги в любом виде

Цены ниже рыночных на 30%

Оплата в любой форме
Рассмотрит предложения по бартеру

**Вниманию
предпринимателей!**

Желающие преуспеть в деле производства прохладительных напитков могут приобрести израильские жидкие концентраты: апельсин, лимон, банан, ананас, вишня.

Из 1 г концентрата можно получить 30 литров газированного напитка.

Контактный телефон:
928-99-09

Борис ГЛЕБОВ

ГРИБНОЙ ЧЕРНОБЫЛЬ

По Воронежской, Липецкой, Саратовской, Волгоградской областям России прокатилась «волна» отравлений грибами. Число пострадавших составило уже свыше двух сотен человек (не считая такого же, если не более, количества отравлений в Луганской и Донецкой областях Украины). Симптомы отравления: слабость, рвота, боли в области желудка, нарушение свертываемости крови, сопровождаемое желудочно-кишечным кровотечением и нарушением функции печени, затем — нарастающая острая почечная недостаточность, энцефалопатия и — печеночная кома.

По словам московских врачей-токсикологов, выезжавших в Воронеж, у некоторых отравившихся наблюдался полный распад тканей печени (при вскрытии вместо печени обнаруживали мешок с желтой жижой!). Беда в том, что никто, даже местные клиницисты, не знает — от чего же, собственно, они спасают пострадавших, от какой отравы? Уже ясно, что дело не в бледной поганке: невозможно поверить, будто сотни местных жителей разом походили с ума и кинулись собирать и есть поганки! Да никаких поганок России не хватит для прокорма подобного количества грибников. Но что же все-таки происходит? В чем причина столь массовых отравлений грибами? Чем дальше я разбираюсь с этим делом, тем больше появляется вопросов без ответов, вопросов, не имеющих прямого отношения ни к медицине, ни к грибам...

Первые сообщения о массовых отравлениях грибами в Воронежской области воспринимались как очередной всенародный психоз, истерия на тему радиации, или, как бы выразились психиатры, — «радиофобия».

(В самом деле — после рассекречивания Чернобыльской катастрофы везде и во всем винят радиацию: в падении деторождаемости, в засухе, наводнении, и вот сегодня — радиация якобы вызвала мутацию съедобных грибов.)

Рис. А.Зайца

А между тем положение весьма серьезное: число отравившихся грибами только по одной Воронежской области — 199 человек, из которых 23 человека скончались. Среди погибших — 13 детей. В Липецкой, Волгоградской и Саратовской областях зафиксированы единичные случаи отравления грибами.

Отдельной строкой стоит независимая Украина: точных данных оттуда не поступает, но известно, что в Луганской и Донецкой областях число пострадавших чуть ли не больше, чем

по всем областям России.

Таковы факты. Но что за ними? Люди собирали и ели вполне съедобные грибы: подберезовики, белые, луговые опята и даже — маслята. И — отравились.

Симптомы «воронежского» отравления значительно отличаются от симптомов отравления бледной поганкой. У большинства специалистов, с кем я беседовал, нет в этом никаких сомнений. Нет также сомнений, что Чернобыль, Нововоронежская АЭС (как, впрочем, и Россошанский химкомбинат) здесь совершенно ни при чем. Грибы, послужившие причиной отравления, проверяли и на наличие в них солей тяжелых металлов, и на радионуклиды, и на пестициды... Но все — в пределах допустимых норм.

И в то же время — грибы явно ядовитые: доказали это опыты на лабораторных мышках. Бедным мышкам предложили кусочки подберезовиков и маслят из-под Воронежа. Недолго, как говорится, музыка играла... Концентрация неизвестной отравы в грибах оказалась настолько высока, что подопытные мыши скоропостижно скончались прямо на глазах у потрясенных специалистов!

Значит, некий яд в грибах все же присутствует. Врачи «окрестили» его токсин «Х». Собственно, выбор у медиков невелик: либо — неизвестный грибной токсин (по действию своему близкий к фаллоидину, содержащемуся в бледной поганке), либо причина отравлений — фосфорорганические соединения (симптомы, по крайней мере, довольно схожи).

Кстати, даже процент смертности подтверждает, что в Воронеже причина массовых отравлений не бледная поганка. Смертность при отравлении бледной поганкой порядка 80 процентов, а среди пострадавших в этом году смертность держится где-то на уровне 10 процентов (и на Украине, и в соседних областях — та же картина).

Следовательно, во всем регионе, от Саратова до Днепропетровска, действовал один и тот же неизвестный яд, непонятно как оказавшийся в грибах. Сами грибы при том выглядят абсолютно невинно, ни запахом, ни вкусом не отличаясь от «съедобного стандарта».

Это же подтвердили ученые-микологи с биофака МГУ: московские биологи категорически отвергают версию о некоей массовой мутации съедобных грибов. Все это, по мнению ученых, — бред, газетная «утка», не имеющая ничего общего с серьезной наукой.

Сказка о мутациях грибов, запущенная кем-то по каналам ИТАР—

ТАСС, оказалась весьма своевременной. Экология, мол, виновата, природа подкачала... Ой ли?

Оставим в покое околонуучную фантастику и подумаем здраво: что, кроме Чернобыля, не бывало у нас никаких производственных аварий, засекреченных утечек, неизвестных катастроф? Может, и сегодня стоит повнимательнее оглядеться вокруг и еще раз изучить уже собранные факты:

— первые в регионе случаи отравления грибами зафиксированы только **после** прошедших (с 17 по 23 июля) ливневых дождей. Грибы появились уже в начале июля, их собирали, ели, но никаких отравлений не наблюдалось;

— в прошлом году были также зарегистрированы случаи массового отравления грибами: на Кубани, в Ставропольском крае и Курской области. На одной Кубани — более 100 случаев отравления;

— симптомы, сходные с воронежскими (как и процент смертности). Отравления грибами, как и в этом году, начались **после** дождей. Причину, ясно, не нашли, все «списали» на бледную поганку и плохую экологию...

Интересно, в прошлом году жители Краснодаря и Ставрополя собирали, консервировали, солили грибы, но ни один человек не отравился заготовленными на зиму грибами! Сколько бледную поганку ни храни в консервной банке, все едино: поел — и на тот свет с гарантией. А таинственный яд, что содержался в ставропольских грибах, от длительного хранения непонятным образом распался, исчез, испарился из закрытых консервных банок!

Подобное свойственно сельскохозяйственным пестицидам: они разлагаются через месяц-другой после своего применения (иначе мы бы с вами давно перетравившись овощами и фруктами, собравными с полей и огородов).

Но пестицидов в грибах нет — это установлено. Зато совсем рядом с Воронежской областью имеется злое место, и называется оно — Капустин Яр...

Расположен он на стыке Астраханской, Волгоградской, Саратовской области и Казахстана. Капустин Яр, по существу, огромный военный полигон, «мертвая зона», где производят, начинают и уничтожают химическое и бактериологическое оружие массового поражения! Не более и не менее...

Между прочим, способность разлагаться через пару месяцев после применения свойственна не только сельскохозяйственным пестицидам, но и практически всем современным боевым отравляющим веществам. (Причина понятна — обрушить на голову противника страшную отраву, а через пару месяцев спокойно, без противогазов, пройти по остаткам вражеской армии.)

Можно только догадываться, что за адское варево готовят военные химики в подземельях Капустина Яра, но

к примеру, на Западе основой для новейших боевых отравляющих веществ служат токсины, аналогичные токсинам, содержащимся в бледной поганке, так же широко используются соединения фосфора.

В Государственном комитете по чрезвычайным ситуациям (сокращенно — ГКЧС, не путать с — ГКЧП), где координируется деятельность всех служб и организаций, «завязанных» на нынешнее «грибное расследование», так вот там мне сообщили интересную подробность: оказывается, грибы в Воронежской области поражены неравномерно. Наибольшее количество отравлений (83,15 процента) пришлось на северо-восток области, т.е. район Борисоглебска. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы, посмотрев на карту, сделать соответствующие выводы:

метеостанция Борисоглебска зафиксировала юго-западные ветры («дуло» как раз от Капустина Яра);

в Воронеже все лето ветры были северные, а это как раз направление на Луганск и Донбасс, то есть образовался своеобразный «коридор» — от Волги до Днепра, в котором собирать грибы оказалось опасно для жизни;

ниже (южнее) Донбасса дождей практически не было, и, соответственно, не было и грибов.

выше (севернее) Воронежа наблюдались единичные случаи отравления, что вполне объяснимо: встречный, северный, ветер «сдувал» отраву обратно, через Воронеж на Луганск.

Я не зря назвал эту статью «Грибной Чернобыль». Не хочется верить, но ситуация что-то весьма похожа. Я имею в виду необъяснимую секретность вокруг всего этого дела.

К примеру, каких усилий стоило узнать «розу ветров» по Воронежской области. В Гидрометцентре данных я не получил — ссылались на некие указания (?), чтоб, мол, не сеять панику в народе! Пришлось добывать информацию «левым» путем. Ну да Бог им судья...

Но и помимо Гидрометцентра, как-то многовато «секретности» в «грибном расследовании». Совершенно случайно, уже после всех мыс-

лимых разговоров, переговоров и бесед со всеми, казалось, специалистами и службами, задействованными по Воронежу и Москве, вдруг выясняется, что в расследовании, оказывается, участвует... Министерство обороны России!

Военное ведомство развернуло свое, параллельное, расследование, да с таким размахом, что складывается впечатление, будто официальная комиссия при ГКЧС — просто ширма, а вот подлинные исследования проводит именно МО России.

Неизвестно почему, но до последнего времени (как, впрочем, и в прошлом году) вскрытия умерших от отравлений грибами проводят только на месте (и там же, кстати, и хоронят). Никаких образцов тканей скончавшихся людей в Москву на экспертизу не поступает. Не поступают, кстати, и химические анализы проб почвы. В ГКЧС утверждают, будто их вообще никто не делал!

В подобное я уж, простите, поверить не могу! Это — чистые сказки.

Между тем военное ведомство подключило по своей линии аж два своих секретнейших института: НИИ фитопатологии (в Одинцово Московской области) и екатеринбургский институт МО России.

Оба этих заведения занимаются разработками в области химического и бактериологического оружия массового поражения и, якобы по странному совпадению, проводят часть своих смелых научных экспериментов в... Капустинском Яру.

Возможно, к «делу о грибах» подключились иные темные ведомства, но боюсь, что нам с вами никогда об этом не узнать, разве что случайно отравится грибами какой-нибудь генерал от химического ведомства и на смертном одре, раскаявшись, с суроежкой в зубах, поведаст народу всю правду-матку.

Что касается нас с вами, уважаемые читатели, то могу только посоветовать — не ешьте вы этих проклятых грибов! Черт с ними, жизнь дороже. Переходите на картошку. Картошка — вкусная и здоровая пища. Но только — без грибов!

ЛУКЬЯНОВ И БРАТ

949-70-73,
949-60-11.

факс 949-70-73.

Цены всегда низкие

Мы предлагаем:

- факсы, надежные и простые в работе, «ВАЛИДИАН»
 - матричные принтеры
 - картриджи к лазерным принтерам ЕПС
- КУПИМ наличные доллары

Фото Ю. Феклистова

Анэля МЕРКУЛОВА:

Я НЕ ЛЮБЛЮ КРИТИКУ

— Анэля Александровна, в свое время вы были специальным корреспондентом в программе «Добрый вечер, Москва!», которую теперь ведете. Можно сказать, что карьера складывается удачно.

— Вы знаете, был в свое время период, когда должности раздавались просто так. Например, появлялось вакантное место, и его нужно было отдать более или менее профессиональному человеку. А выполнял он свои обязанности или нет, считалось вопросом второстепенным. Была какая-то номенклатурная чехарда. Я же просто изо всех сил работала. А в «Доброе вечер...» стала сначала выпускающим редактором. Я должна была сообразить, что делать, как делать, определить тему, идею программы,

написать сценарий. А статья ведущей меня заставили коллеги. Вы же помните, что много лет только избранные могли общаться с телезрителями напрямую — политобозреватели, или «политобозы», как их тогда полууважительно-полунасмешливо величали. Ну, еще дикторы. Они были почитаемы. Одни ездили по всему миру, а другие читали чужой текст. Настоящая журналистская работа началась на телевидении только в 86—87-м годах — очень активно в 89—90-м. Тогда было оппозиционное время. Я стала ведущей. Ужасно сначала себе не нравилась. Посмотрела одну из первых записей и пришла в ужас: такая провинциальная особа вещает с экрана. Ну и, конечно, я боялась быть сама собой. Накоплено было много, но выразить это естественным образом — просто и смело — на первых порах не удавалось. Так уж нас приучили. Ведь раньше мы только дома, на кухне разговаривали, а так чтобы на улице и уж тем более на экране... Нужно было однажды перешагнуть казавшийся непреодолимым барьер, и я его перешагнула.

Я поняла, что если ты говоришь с людьми, то говорить надо на самом высоком уровне, и только так. Под «высоким уровнем» я разумею не красивые слова, а понимание того, для чего ты все это проделываешь: для чего приходишь в студию, для чего садишься перед камерой, для чего приглашаешь своих собеседников. Ведь не для того, чтобы кофточки показывать. Для кофточек могли помоложе да покрасивее найти. Когда я почувствовала все это, то поняла, что делать дело могу. Донести до телезрителя свою мысль, растербить ему душу, сделать его чуть выше, избавиться от какой-то гадости — это подлинное искусство. У каждого человека в глубине души есть что-то прекрасное. Почему мать жалеет своего убийцу-сына, преступника? Да потому, что только она одна знает, что на дне его преступной души есть маленький кусочек света. Вот в этот маленький кусочек светлого в душе каждого я и пытаюсь заглянуть.

— Говорят, что на телевидении нет профессии сложнее ведущего...

— Я думаю, это на самом деле так. Потому что во время эфира выкладываешься дай Боже... На Западе для популярных ведущих работает целый институт. Изучают характер, привычки, не говоря уже о том, что их окружают комфортом. У нас исклчено и первое, и второе. И во-

обще, большая часть того, что есть «там», у нас невозможна. Но я об этом не жалею. Пусть уходит много сил, но зато какая отдача! Сколько писем приходит! Правда, в некоторых только противные «дай»: дай врача, дай квартиру, помоги, помоги, помоги. Если бы просили «помоги», чтобы человек обрел свои силы, а то ведь просто — «дай». И все. Принцип, к которому нас тоже приучили. Как можем, конечно, помогаем. Собираем на телеаукционе деньги и развозим тяжелобольным, старикам, инвалидам. Сколько можем. Говорят, что доброе нужно делать тихо. Но если иначе как в форме телевизионного аукциона нельзя...

— Кстати, вас критикуют за эти аукционы или больше поддерживают?

— Как-то встретился в коридоре коллега и сказал: «О, мой любимый ведущий, ты опять проводишь аукцион? Будешь терять зрителей». Ну а что тут поделаешь. Людям-то надо помогать. Вот мы и рассчитываем на то, что наши богатенькие расщедрятся. Но среди богатеньких пока восемьдесят процентов нуворишей, а они скупые. Я даже с экрана им об этом сказала: «Скуповаты вы, господа!»

— Традиции утеряны...

— Да что традиции, связь времен распалась. Живем в суете сегодняшнего дня, даже голову на небо поднять боимся. Но дух-то должен возродиться. Я ведь верю в Россию, верю, что она проснется, «вспрянет ото сна».

Нам надо веру возрождать. Хотя дело это очень сложное. Сейчас как — в церковь пойдут, свечку поставят, выходят и опять камни разбрасывают. Но не только люди виноваты. Я часто беседую с великими служителями, с владыками. И часто повторяю: вы бы тоже к народу поближе подошли, настоящими пастырями стали бы, чтобы паству свою иметь, а не просто абстрактных «верующих». Одно дело проповедь прочитать: народишко постоял и разошелся, другое — с конкретным человеком после службы побеседовать. Эта великая традиция тоже утеряна. Пожалуй, только отец Александр Мень свято чтит свои пастырские обязанности: собирал людей, устраивал чаепития. Вот мы с вами беседуем, а я должна знать, что у вас в семье, здоровы ли все. Может, помочь чем надо. Мне, правда, тяжелее станет. Но выслушать и помочь вам — мой христианский долг.

— У вас нередко можно увидеть священнослужителей. В свое вре-

мя гостем программы был митрополит Питирим. Скажите, разговаривая с человеком церкви, вы испытываете те же чувства, что и в беседе с мирянином, или нечто совершенно иное?

— Тысячу раз иное. Служителей церкви отличает необыкновенный интеллект, тяга к знанию и невероятный тренинг ума и мысли. А с митрополитом Питиримом случай вообще особый. Моя встреча с ним была одной из самых первых встреч подобного рода на нашем телевидении. Сейчас пишут, что владыка — агент КГБ по кличке «Аббат». Но я его снова пригласила в свою передачу, чтобы уже после всех нашумевших событий дать ему высказаться. Нельзя судить просто так. Ведь любой документ советской эпохи надо читать не с двух даже — с четырех сторон. Тем более, что церковь сумела все-таки выжить в то страшное время. И ответ Питирима выслушать необходимо. Хотя православие наше немножко ортодоксально и, возможно, на такого рода беседы оно еще не способно. Ну а вдруг...

— Интересно, а почему из ваших программ в последнее время пропали астрологи и хироманты, которые были не менее частыми гостями, чем священнослужители?

— Да. Был грех. У меня даже сейчас божок стоит языческий. «Чур меня!» — называется. Темное все-таки существует. Но я от предсказаний в эфире отказалась. И произошло это после того, как все мои хироманты и астрологи категорически не пожелали демонстрировать свою всесильность на конкретном человеке в студии. Последний раз у меня была директор института космоса, но рассказывала она всего лишь о том, что можно прочесть самому в «Бхагавад-Гите».

— Да, круг вашего чтения невероятно широк... Наверное, сказывается и тщательная подготовка к каждой программе?

— Признаюсь честно. Не так давно у меня в программе был крупный филолог из Пушкинского дома. Я безумно волновалась, две ночи подряд конспектировала его доклад, боялась выглядеть глупо рядом с таким человеком. Может быть, интервью и не получилось. Ведь оно было адресовано людям подготовленным. И если человек, зритель понял, о чем в нем шла речь, то цель (моя цель) достигнута. А популяризировать, низводить философскую теорию до комикса невозможно. Потому что теряется суть. Невозможно популярично объяснить, что такое миг и что такое вечность.

— Об этом интервью долго спорили.

— Это уже плюс. Хуже было бы, если программа прошла незаметно. Если бы никого не задела. Может быть, в споре человек найдет подтверждение своей мысли, а может быть, опровергнет сам себя. Но так или иначе он откроет книгу.

Надо поменьше морочить людям голову и дать им побольше свободы. А главное, может быть, научить уважать созданное чужим трудом. И поменьше этих кличек. Я даже Шафаревича к себе в программу пригласила. Если власть сильна, то она не боится ни оппозиции, ни умных врагов.

— По-прежнему говорят о «красно-коричневой опасности». Видите ли вы эту опасность или, по вашему мнению, Россию «вспасть не повернуть»?

— Во-первых, я не мазала бы всех одной краской. Как я могу называть их всех красно-коричневыми, если среди них великий русский писатель Астафьев, если среди них Распутин? Давайте выслушаем с экранов того же Астафьева и того же Распутина, которых я лично чтю. И давайте дадим им не десять—пятнадцать минут, как это часто бывает, а час, полтора часа, чтобы дать высказать все. И тогда уже станем судить и о них, и об их убеждениях.

— А какие впечатления остались у вас от прошлой, июньской встречи с Жириновским?

— Он циник. Этим все сказано. Это крайняя степень нравственной деградации. Хотя если бы его идеи развивал какой-то другой человек, то весьма вероятно, что они были бы еще более популярны. Но даже если взять те 5—6 миллионов голосов, что он получил на выборах, картина получается впечатляющая. Это только в процентах мало. А так... Пол-Москвы, без малого Болгария. Играет он на самом низменном. Этого нельзя прощать.

— Интервью с Жириновским в прямом эфире интересно и с точки зрения профессиональной. Как, по-вашему, надо обуздывать нахала или дослушивать до конца, чтобы донести его точку зрения до телезрителя. Стоило ли вообще связываться с Владимиром Вольфовичем?

— Связываться стоило. Я не слабый человек. И окоротить его могла гораздо раньше. Но для того, чтобы выявить его истинное лицо, чтобы «раздеть» его, нужно было время. Нужно было, чтобы он закричал. Чтобы он не сыграл потом на «эффекте недосказанности». Я

вытаскивала его из эфира под общий хохот. Он стал смешон. Известный американский ведущий Уолтер Кронкайт считает, что главное — раскрыть собеседника, а фигура интервьюера должна оставаться на заднем плане. И я с ним согласна.

— Тогда, с Жириновским, все закончилось спокойно?

— Да. Но он подошел ко мне после эфира и спросил, пойду ли я за него голосовать. Спросил на «ты». Я поправила его и сказала, что нет, не пойду.

— Интересно, какой ответ ожидал услышать он?

— Циникам свойственно быть самовлюбленными. Жириновский уверен, что он обольститель и как мужчина, и как лидер. Есть такое выражение среди молодежи — «фуфло». Как нельзя более подходящее слово. Но пока надо объяснять, разъяснять людям, кто он такой.

— Раньше вы начинали свои программы со слов «Добрый вечер, дорогие москвичи и гости столицы!». Сейчас начинаете по-другому.

— Сейчас надо обращаться просто к человеку. Вот теперь принято телевидение ругать. Но посмотрите, с какой быстротой раскупаются философские, редкие книги. Ведь это заслуга телевидения. Значит, сеем все-таки хорошее, значит, интересуется что-то наш изголодавшийся народ.

— Вы, наверное, просматриваете после эфира свои записи. Какое они вызывают впечатление у вас самой?

— Я не нравлюсь себе. И знаете почему? Мы приучены к картинке: ровное, спокойное состояние, минимум эмоций. А когда я на себя смотрю, мне кажется, что я или жестикулирую не так, или лицо какое-то неправильное. Наверное, я хотела бы быть другой. Внешне, конечно. Тем более, важно ваше мнение, мнение телезрителей: нравится вам или нет. Хотя, честно говоря, я критику не люблю. И не верю тем, кто ее любит. Я сама знаю, когда у меня хорошо программа получилась, а когда не очень.

Эдуард ДОРОЖКИН

Антресоли

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

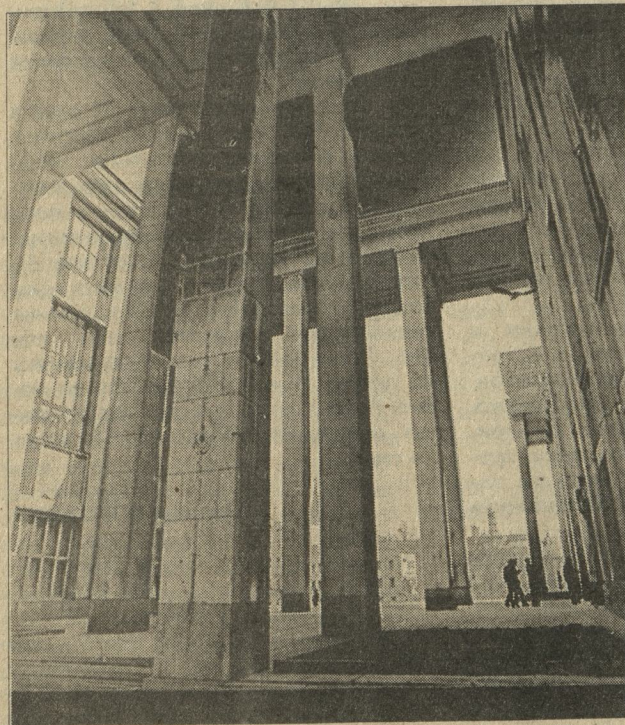
book познается в беде

Ох, нелегкая это работа — ГБЛ тащить из болота

Первое Общество друзей Румянцевского музея родилось в 1913 году. От чего, интересно, спасали библиотеку тогда? Сегодня, когда у «Ленинки» нет ни статуса, ни денег, ни толкового директора, — «Общество» возрождено. Но что оно сможет сделать? Пока — только про-

ведено учредительное заседание. Председателем избран академик Н.В.Карлов. Но ни у него, ни у общества нет и не будет тех миллионов, что были у первого председателя — сахарного короля России Павла Харитоненко...

Фото Л.Черняева

В солидных изданиях рубрика, подобная нашей, называется «Книжный шкаф». Или «Твоя книжная полка».

На худой конец — «Книга на вашем столе».

Видимо, такие наименования отражают подсознательные представления ведущих рубрик о месте книги в этом мире.

Увы, все мои полки и шкаф безнадежно забиты, книги лезут под потолок (домашние — на стену), поэтому единственное, что я могу еще предложить, — это «Антресоли».

Поверьте, это не самое дурное место. Именно здесь порой прячется самое сокровенное или хорошо забытое...

На book-cupe

Максвелл утонул. «Наше наследие» пока на плаву

Роберт Максвелл, как известно, оплачивал две трети затрат замечательного журнала. После его таинственной гибели подписчики опустили руки.

Но главный редактор нас успокоил: журнал будет. Подсобили молодые американские бизнесмены из «Элигант Лоджик». Печататься он будет в Австрии, а вот стоить — никак не меньше 150 рублей. Подписчикам деньги вернут.

На наш вопрос, не бросает ли связь Максвелла с КГБ тени на журнал, В.П.Енишерлов ответил: «Если КГБ зани-

мался просветительством, содействуя публикации в «НН» Шагала и Гумилева, то остается только пожалеть, что такого комитета больше нет...»

А в издательском центре «Наше наследие» выходят «Исторические портреты» Марка Алданова, «Кольмские рассказы» Варлама Шаламова, мандельштамовский «Примус» с рисунками Добужинского, готова к производству антология «Нового журнала» и полный Пушкин в одном томе — переиздание оригинального опыта Бориса Томашевского.

book из первых рук

Дягилевъ тутъ, Дягилевъ тамъ

Книжные выставки всегда всеяли в меня некое беспокойство. Стоит в витрине книжка, раскрыта на середине, или того круче — обложкой. Зачем? Каков тайный смысл?

«Историчка» ввела в оборот (пусть с опаской, пусть с оглядкой и, увы, с непременной усучкой-утруской) открытые выставки. Это когда не нужно к маме приставать, а можно взять и почитать. В «Ленинке» же все выставки по-прежнему сопровождает табличка для особо ода-

ренных: «Книги с выставки не выдаются!»

Такая же была и на выставке к 120-летию Сергея Дягилева. Его имя стало расхожим символом, коммерческой маркой, примером того, как, ничего толком не умея, можно стать всем. Интерес понятен.

А попытки объяснить — проваливаются. Вот на выставке пять книг, посвященных одному дягилевскому детищу. Разных авторов, разных лет, разных издательств. Называются же на редкость

похоже — «Мир искусства»! Один век — другой даже определить не может, куда уж там интерпретировать! Да и что эти книжки скажут случайному посетителю о том шике, о том пижонстве (можно — эстетстве), в котором

погрязал Дягилев, будь то журнал или балет...

Зато преклонение перед Дягилевым устроители поняли буквально: в три погребели согнешься, пока чего прочитаешь.

Если book оказался вдруг...

В поисках утраченного «стольника»

«Независимая газета» завела хитрый способ обинтеллектуализации читателей. Теперь она печатает отрывные купоны, дающие право на червонец дешевле купить что-либо на прилавках одного издательства. Напечатав, однако, купон на семитомник Марселя Пруста, газета не удосужилась выяснить, что за издательство «Крус» выпускает оно. Этим занялись облапошенные подписчики, отдавшие по сто рублей за подписку и первый том.

На квитанции о подписке значилось: «магазин «Факел», Факельная улица, 2/24». Но нет такой улицы в Москве! И

дома такого нет. И магазина. А в бывшем магазине «Факел» (ныне ТОО «Эмина», Большой Факельный пер., 2/22) рыдают: «К нам валом валят подписчики, а мы знать ничего не знаем, измучились вконец!»

Афера века? Директор «Круса» А.В.Маркович — иного мнения. «Это безалаберность распространителей. Мы все уладим. В августе подписчики получат второй том. В том самом бывшем «Факеле». А в 1993 г. выйдут оставшиеся, в том числе ни разу не издававшиеся в Союзе два последних тома. Николай Любимов, переводчик, обещал успеть».

book-axi

Полезен также унитаз...

Рынок, как всякое страдание, объединяет. Вслед за Пушкиным с корабля современности ныряют нынче почти все члены СП.

Недавно «Книжное обозрение» опечалилось: в издательстве «Молодая гвардия» упразднена как жанр поэзия». То есть: приостановлены сборники стихов В.Кострова, К.Ваншенкина,

В.Коржикова. А между тем благополучно выходят книги Гиппиус, Гумилева и Кузмина. Потомки могут подумать, продолжал насмешник, будто именно последние жили и преспокойно творили в конце XX века...

Граждане! По-моему, тут произошло какое-то досадное недоразумение. Ведь речь шла о поэзии?

Рис А.Червякова

bookselling

Сексу сюда две пачки!

Фото В.Шишова

...Встать придется часа в четыре. В полшестого здесь уже не протолкнуться.

— Глянь-ка, Скарлетт не подешевела!

— Зато Анжелика за углом по две сдается.

Это не публичный дом. Это «Клуб любителей книги», в спорткомплексе «Олимпийский». Пожалуй, самое смешное название для того, что творится здесь каждый выходной.

Счастливые обладатели билетов с интеллигентным гиканьем врываются вовнутрь, выискивая местечко побойчее. Но тут их уже ожидают опухшие лица тех, кто прибыл сюда еще вечером и всю ночь бдил над товаром (пять-шесть пропавших за ночь пачек — это в порядке вещей).

Суть дела в том, что фирма «Дар» арендовала громадный холл спорткомплекса и устроила здесь платную тусовку желающих продать и купить книги. В основном — оптом.

Хороший продавец имеет в день до семи тысяч. Может быть и тысячи две убытка: пропажи плюс резкий облом «конъюнктуры».

Кое-что здесь гораздо дешевле, чем в городе: трехтомник Гумилева — 75 рублей, книжка В.Шахиджаняна «Про это» — 50, Эрик Берн — 20. Бывает здесь и старье: например, коротсаровский «трилистник» (100 руб.) или «Вся королевская рать» (55 руб.). Повезло и мне: среди гарднеров и чейзов отыскался давно мною оплаканный дневник К.Чуковского...

А в фаворитах в тот день здесь были «Машина любви» Жаклин Сьюзен, Толкиен во всех видах, «Магия черная и белая» Папюса, Барков, Дафна Дюморье в «Библиотеке семейного романа» («В чтиве — классная!» — убеждал меня хозяин), «Курс бодибилдинга» и «Все о бультерьерах».

Заместитель гендиректора «Дара» оказался настоящим бизнесменом. Фамилию свою назвать отказался. Число посетителей — тоже. Когда я сказал, мол, охраны что-то совсем не видно, улыбнулся: «Это только, кажется». Когда посетовал, что не успел и шагу ступить, как у меня расстегнули сумку, посоветовал не щелкать клювом. На вопрос о выгоды мероприятия пожал плечами: «Раз работаем — значит, выгодно».

Не обходится без криминала. На стене — некролог погибшему в результате инцидента книголюбу. Призыв быть сдержаннее. О недавних драках ходят легенды.

А о тех временах, когда особым шиком считалось подойти к менту на Кузнецком и предложить ему по дешевке Булгакова, здесь вспоминают со смехом. Котируются следующие ностальгии: «Люберцы», «Измайловский».

На стене — запрет на торговлю чем-либо, кроме книг. Как ни странно, он соблюдается почти свято.

Уважаемые читатели «Столицы»!

7 сентября — День рождения
Страховой компании

АСКО

За четыре года своей деятельности Страховая компания АСКО завоевала твердые позиции на российском страховом рынке.

Друзья! С 1 сентября по 31 октября 1992 года мы предлагаем Вам 50 процентную скидку при страховании имущества, в том числе квартир, домов, дач, гаражей, от несчастных случаев и пр.

В любое время могут заключить льготный договор страхования от несчастного случая те, кто подписался на журнал «Столица» на полгода

В № 32 с.г. опубликованы условия льготного страхования от несчастного случая для подписчиков «Столицы», а также перечень структур АСКО по Москве и Московской области, где Вам оформят льготный страховой полис. Выплатив половину положенной по договору страхования суммы, Вы сможете надежно защитить себя от неприятных неожиданностей.

Наши страховые представители готовы встретиться с Вами в любое удобное для Вас время и в любом удобном для Вас месте.

Наши телефоны в Москве: 273-66-75, 76, 77, 78, 79; 251-81-38, 120-84-41, 129-81-33, 120-81-41, 283-18-12

В Московской области:

Воскресенский р-н: 556-07-08
Щелково-3: 8-(256)-661-20; 526-75-40
Красногорск: 562-92-13

Ногинск: 8-(251)-7-44-33

Истра: 8-(231)-492-66
8-(231)-457-26

Ступино: 8-(264)-421-73

Болшево-1: 519-84-22

Дубна: 8-(221)-326-40

*7 Сентября, в день нашего юбилея,
мы рады приветствовать Вас
и сотрудничать с Вами.*

РОБИНЗОНАДА НА ХАЛЯВУ

«Отшельник»
«Мосфильм»,
реж. Б.Токарев

Кадр из фильма «Отшельник»

Такая кругом скотобаза, что и впрямь бы податься в отшельники.

Как вот этот малый: десять лет сидит взаперти и даже оконные стекла замазал, чтобы напрочь белого света не видеть.

Непонятно, однако, что именно подвигло его на отшельничество, какое такое жизненное крушение. С Робинзоном ясно было: не по своей воле загребел в одиночество, но добывал себе пропитание, учил попугая, доил коз. Тут в роли кормящей козы странноватая приходящая особа — смиренно таскает провизию, пол протирает. А он сидит, весь из себя хороший, книжки читает.

Ясное дело, вспоминается рассказ Чехова «Пари». Тем более, что был он использован лет восемь назад в телеэкранизации — и тамошнего отшельника тоже играл Борис Плотников (прямо амплуа). В этом сходство.

Есть и разница. В чеховском «Пари» есть крупная ставка, и материальная (два миллиона), и духовная — вопрос о смысле жизни, о тщете человеческого существования. В «Отшельнике» ставок нет, а есть улыбчивый паразит,

который почему-то должен импонировать, симпатичный халявщик, который ни козу доить не научился, ни до смысла жизни не додумался (во всяком случае, ни то ни другое не обозначено).

Еще разница. В рассказе Чехова семь страниц, прочесть можно за четыре минуты и думать потом долго. Фильм «Отшельник» длится часа полтора. Вот, в общем, и все.

Алексей ЕРОХИН

ГДЕ ДАЖЕ ПЯТЫЙ ПУНКТ — ПОЭЗИЯ...

Лариса Миллер
«Стихи и проза»
Изд-во «Терра», 1992 г.

«Никто стихов уже читать не хочет, я сам их, кажется, всех раньше разлюбил», — жалобился недавно Кушнер. Ладно — читать, удивительно, что кто-то еще хочет их издавать! Впрочем, «Терра» — известная оригиналка: то Брокгауза забомбит, то Ефрона. А то — Ларису Миллер. Книга — как женщина. Суперобложка с оборочками, бумага грубостью напоминает хемингуэвский свитер, переплет черен и изыщен. А внутри — целая жизнь: детство, пятый пункт, Тарковский... И, конечно,

стихи, «где маются слова, тире и запятые в попытке удержать мгновенья золотые». И им это удается — несмотря на XX век — постмодернизм, вегетарианство и то, что автор — женщина:

...Почти задохнувшись, как Рим при Нероне,
Забить бы себя, как багаж на перроне.
Забить, потерять на огромной земле
В сплошном многолюдьи, в тумане, во мгле.
Легко, невзначай
обронить, как монету:
Вот был и не стало.
Маячил и нету.

Н.М.

ГРИМЕР НЕ ПОМОГ

«Феофания, рисующая смерть»
СНГ—США,
реж. В.Алеников

Советско-американскому фильму «Феофания, рисующая смерть» предшествовала шумная реклама. Из Голливуда был выписан его лучший гример Уэбстер Филлипс, работавший над лицами Греты Гарбо, Вивьен Ли и Ларка Гейбла. На открытом уроке мастерства для телезрителей он порхал кисточкой вокруг советской актрисы, показывая придуманный им престрашненький грим со слепакладками из самых невероятных материалов. Картина обещала стать кассовым лидером, почти американским, почти фильмом ужасов, но, увы, съемки оказались лучше фильма, и, кроме искусства гримера, от искусства в нем осталось немного и явно недостаточно, чтобы рассчитывать на кассовый успех за океаном. Не спасают ситуацию и этнографически-эротические эпизоды языческого праздника, доброй традицией которого, согласно картине, является лишение девушек их достоинства. Не пожелавших сдать добровольно по ходу сюжета находят то в банке, то в лесу мертвыми, лишенными и обезображенными. Задача зрителя остается до конца ленты притворяться, что он не догадывается, кто

сотворил все эти ужасы, а критикам — размышлять, для чего все это сделано. Уповать можно только на любителей искать социальные параллели: при особой чуткости в противостоянии язычника Григория и христианна Агафангела удается угледеть политический заговор ретроградов против президента. Впрочем, не исключено, что фильм сможет послужить пособием для тех, кто изучает иностранный язык, — все герои «Феофании» говорят по-английски.

Наталья РТИЦЕВА

ОБЛОМ

«Обрыв»
МХАТ им.Горького,
реж. А.Созонтов

В конце этого спектакля два дюжих молодца, исполнявших эпизодические роли, выносят на авансцену макетик храма с вставленной вовнутрь свечкой и строго и истово крестятся. Этот акт религиозной присяги театра, художественно абсолютно бессмысленный, никак из предшествующего действия не вытекает. Но все же некая закономерность в появлении такого финала присутствует. Ну чем еще, в самом деле, можно в наше время увенчать скучное трехчасовое действие, из которого не читавшему роман (а таких, думаю, больше, чем можно предположить) не удастся уяснить себе даже фабулу, не говоря о большем, и в котором тоска по традиционным ценностям, овладевшая театром, приобретает столь тоскливые формы, что временами хочется еретически подмигнуть спектаклю: а может, черт с ней, с этой классикой? Чем еще можно оправдаться за картонность персонажей, фальшь интонаций и банальность мизансцен? Чем дополнить раскатистое и не без зловещего удовольствия повторяемое произнесение имени «отрицательного персонажа» Волохова — Марк (вот спасибо Ивану Александровичу, вот уж подарок, зря только бабушке сделал отчество «Марковна»? Конечно,

остаётся только в конце спектакля выписать самим себе церковную индульгенцию. Но вот ведь и зрителю остаётся сделать то же самое — откреститься.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

КОЕ-ЧТО О РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУРАХ МЫСЛИ

«Плюралиссимо»
Сборник Московского
содружества
литераторов,
М., 1992

Нет, я не стану говорить о том, что само название этого литературного сборника стихов, статей и воспоминаний (не говоря о первых же строках предисловия к нему) способно вызвать к жизни диссертацию на тему «К вопросу о семантико-синтаксических расстройствах в русскоязычных текстах конца XX века», а насыщенная фразеология, характерная для этого предисловия («тиранствовал из адского мрака сотканный призрак социалистического реализма» и т.п.), соотносится с паранойальным «бредом сверхценных артикуляций». Не скажу я и о том, что прочтение мемуаров бывших советских инженеров (о беседах с К.В.Осташи-Смирновым в 1988 г., о попытках встретиться с А.Д.Сахаровым в 1980 г., о своих письмах Л.И.Брежневу в 1979 г., о дискуссии в провинциальной гостинице в 1965 г. на предмет возможности появления законного российского престолонаследника) наводит на самые невеселые мысли о катастрофических процессах в языке — чуть ли не о его аннигиляции в результате развития чудовищной языковой глухоты. Умолчу я, наконец, и о том, что непредумышленно пародийное звучание абсолютного большинства помещенных в сборнике сочинений, особенно стихотворных, вовсе не побуждает к здоровому фельетонному зубоскальству, скорее уж —

к истеричному хохоту. Нет, всего этого я касаться не буду. Скажу лишь, что если прежде эти авторы могли быть отнесены только к той категории граждан, которую не без ужаса воспевал в свое время Саша Черный («Сотни диких графоманов// Изюм всех концов России// Присылали массу дряни// Дряни в прозе и стихах»), то теперь есть возможность «реабилитировать» их (а заодно и себя самого, травмированного столь непосильным читательским трудом), включив данный сборник в иной контекст. Следует просто поставить на обложке: «Материалы к вопросу о семантико-синтаксических расстройствах...». Нет, пожалуй, и об этом я тоже — умолчу.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

СНОВА ЗЕМЛЯ! НЕЗАМЕЧЕННАЯ...

И.Вишневецкий.
Стихотворения

Игорь Вишневецкий, известный как издатель самиздатского журнала «Равноденствие» и соредатор альманаха «Незамеченная земля», состоящего наполовину из московских авторов, но вышедшего в Питере и потому в Москве не появлявшегося (и после этого еще кто-то говорит о «едином культурном пространстве стран СНГ!»), — так вот, Вишневецкий выпустил книгу стихотворений. Где — неясно (на месте издательской марки — загадочное «А А — XXI»), зато известен тираж: 500 экземпляров, «из коих 75 именных и нумерованных». Именно таким тиражом, с «именными и нумерованными», выходили почти все поэтические шедевры начала века (правда, тогда интересующиеся знали, где их заказать). Эта 40-страничная книга продолжает традицию «серебряного века» не только в отношении тиража: культура стиха, ищущего — и небезуспешно — средний путь между поэтическими течениями Мандельштама и Арсения Тарковского, оказывается далеко в

стороне от мелководных завихрений постмодерна. И хотя не приходится надеяться, что расположенная рядом с нами «незамеченная земля» этой поэзии будет замечена массовым читателем, радуется уже то, что не один только «заводной механизм-соловей» концептуализма звучит «в мертвой роше единодержавья».

Итар ТАССОВ

ЗАЧЕМ ВЫ, ДЕВОЧКИ, КРАСИВЫХ ЛЮБИТЕ?

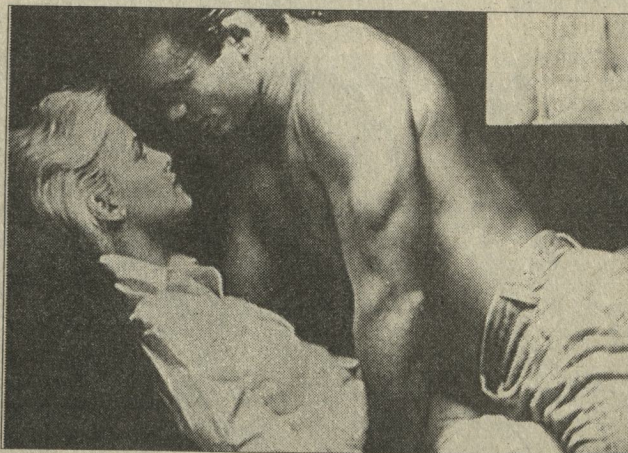
«Слияние двух лун»
США, реж. Зельман Кинг

Вопрос, в общем-то, риторический. А затем, что красивые и в свою очередь девочек любят. И очень, знаете ли, красиво и профессионально. Итак, дело было так. Одна юная, красивая и богатая аристократка как раз в канун своей свадьбы сделала очень важное для себя открытие. А именно. Заглянув в дырочку ванной комнаты, она с удивлением обнаружила, что голые мужчины (даже если они не принадлежат высшему обществу), все равно мужчины! Да еще какие! Особенно один молодой работяга (см. фото). Ну, такая мускулистая душа, что не идет ни в какое сравнение с

ее лощеным, холеным, а главное совершенно одетым женихом. Короче, нашла она его где-то на ярмарке, убедилась в мужских достоинствах, потом еще и еще разок, и так им это все понравилось, что родилась настоящая любовь, которую не смогли разрушить ни родственники с ее стороны, ни многочисленные подруги с его стороны, ни подосланные к нему убийцы, ни ее надвигающаяся свадьба. Оно и понятно: сердцу и некоторым другим жизненно важным органам, как известно, не прикажешь. Мораль: богатые, как и бедные, тоже любить умеют. Эдак медленно и плавно, под нежную музыку, в туманной дымке, с печальными вздохами. А если их снимают во время этого увлекательного занятия, то получается кино, жанр которого я бы определил как галантерейно-эротический. И режиссер Зельман Кинг (если не ошибаюсь, он был продюсером одной из самых нашумевших лент этого жанра — «9 1/2 недель») безусловно справился со своей задачей. И наши бедные девочки будут в восторге. Статьи, если после этого фильма хотя бы пара из них откажется заниматься любовью в подъезде, то воспитательный момент «Двух лун» в какой-то мере компенсирует его слащавую художественную убогость.

Петр СМЕРНОВ

Кадр из фильма «Слияние двух лун»

Валерий КИЧИН

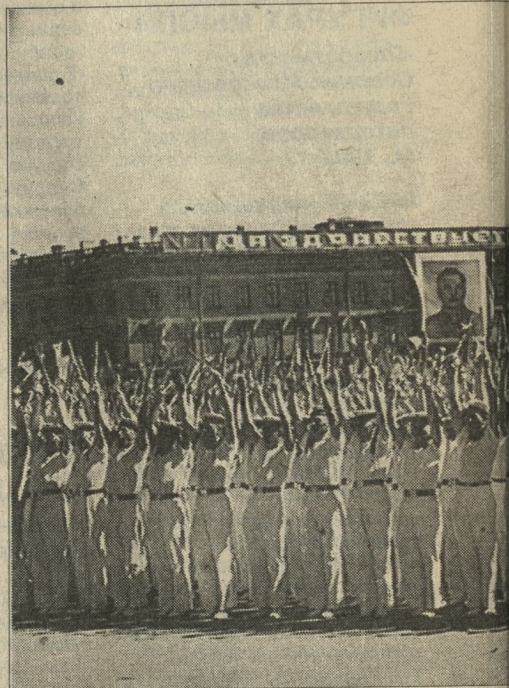
ПОКОЛЕНИЕ С ЛИЦОМ АМБАЛА

Краткий курс истории

Что-то лица на улицах стали другими. Словно попал в другую страну. Впрочем, мы все попали в другую страну. И не можем пока понять — хорошо это или плохо? То ли это шаг к «России, которую мы потеряли». То ли — потеряли еще раз и Россию, и тропинку, и заблудились окончательно. Сидим в муравейнике и злимся. Лица вообще удивительно зависят от состояния окружающей среды. И от идеологии. Достаточно побывать на коммунистических и национал-патриотических сходах. Первобытные физиономии. В глазах тоскливая злоба. Из рта только пена не идет. Слюна, впрочем, хлещет в избытке — как известно, плюются. Опасны. И не только этим. Люди, как показала история, дичают быстро и охотно. И тогда страшнее зверя нет.

Старая кинохроника сохранила лица 30-х, 40-х, 50-х. Это просто другой народ. Интеллекта эпоха не требовала, даже его отрицала — зато какая энергия, сколько оптимизма, замешенного на одной только вере! Создан по-своему совершенный по конструкции человеческий муравейник; каждый тащит свою соломинку в общую кучу, трудится тяжело и неутомимо — кормят муравьиною матку, жиреющую королеву, воплощение надежд — ВКП(б). И муравьиного бога, усатого и грозного, отечески надзирающего за гениальным созданием Идеологии — человеко-муравьем.

Единодушное вздымание рук — словно миллионы ниточек кто-то дернул разом. Осуждают троцкистов-бухаринцев, Синявского—Даниэля, мировой империализм, апартеид в ЮАР, американскую агрессию во Вьетнаме, происки врачей-вредителей, «сумбур вместо музыки»... Ликуют. Ликовать можно где? — на первомайском параде, вон какие стройные ряды соколов пишут над головой шесть заветных букв: «СТАЛИН». Встречают Новый счастливый советский год — усатый рабочий чокается шам-

Парад физкультурников.

2-й съезд передовиков сельского хозяйства. 1935 год

панским со знатной колхозницей. Лиц, по сути, нет — есть олицетворенное ликование. Вальсируют ученые и летчики.

Проходит поколение-другое. И лица наполняются новым содержанием. Возникают выражения доселе неведомые и потому потрясавшие: ирония, самоирония, игра умов тонких и глубоких. Проблески свободы в глазах. Лицо Смоктуновского в «Девяти днях одного года» — лицо исторического значения. Еще куда популярнее там лицо Баталова — лицо «простого парня», из 30-х прямоком прыгнувшего в поумневшие 60-е. Но уже озадачивает, завораживает, интригует лицо закоренелого интеллигента. Он еще не совсем понятен своей привычкой все вышучивать, еще многих настораживает — не то чужак, не то «свой». Но интеллигентность уже переставала быть ругательным словом. Шла хрущевская оттепель, романтическая эпоха «физиков и лириков». Тоже своего рода штурм.

Только если раньше страна брала штурмом индустриальные высоты,

сооружала днепрогэсы и переоборудовала дворцы под хижины, то теперь настала эра вьедливых умников, штурмующих высоты утонченной культуры.

Это нормально в развитии любого растущего общества: дети идут дальше предков. Революция выкосила интеллект нации — глядь, он опять про-
рел.

цем не стареть и не расстаться с комсомолом. Романтизм, в сущности, был тем поплавком, который держал на поверхности и даже сообщал ход огромной стальной глыбище, рассекающей воды мирового империализма и пугающей мир своей грозной загадочностью.

Проходила свой эволюционный путь и власть, и сама идеология. Хотя бы в своем отношении к культуре, что, конечно, тоже сказывается на облике поколений.

Пролетарий Максим (из трилогии Козинцева и Трауберга), от станка и революционной маевки брошенный банком управлять, уважал «науку». Дружил с Наташей, которая книжки читала и его приохотила. Это был главный стимул времени: освоить «буржуйские ценности», отнятые кровопийцами у народа, — теперь эти ценности наши, они осветят нашу забитую жизнь. Рабы — не мы! Страна тогда засела за учебники. И так мощен был этот порыв к освоению «всех богатств, выработанных человечеством» (мы знаем теперь — далеко не всех!), что даже такое типично буржуйское, самим Лениным отрицаемое искусство, как опера — и та вдруг стала процветать. И Большой театр заполнился новой публикой. И Барсовы, Лемешевы, Козловские дивно пели о любви, и голоса их доносят до нас такую искренность, свежесть и цельность чувства, о каких в нынешнем Большом давно забыли и какие бывают свойственны только «весне человечества», пусть даже и незаконно «рожденной в трудах и в бою».

Власть хотела иметь придворное искусство. И приближала к себе художников. Награждала званиями, орденами. Быть артистом стало почетно и престижно, артисту стали присущи даже черты элиты в обществе, как будто бы любую элитарность отрицавшем. Артисты становились кумирами, теноров выносили на руках, Орловой подражали, замирали, слушая по радио Глиера и Флиера. Казалось естественным, что артистам давались лучшие квартиры, наибольшие зарплаты, что вели они особую, нарядную, приближенную к святыням государства жизнь.

Власть играла в «просвещенность». Чаще всего не знала грамматики и хронически путала абстракционистов с «пидарасами», но поддерживать библиотеки, и музеи, и театры считала делом необходимым. Это само собою разумелось, что в нашей стране должны быть лучшие в мире театры, и фильмы, и хоры, и пианисты, и Дворцы культуры.

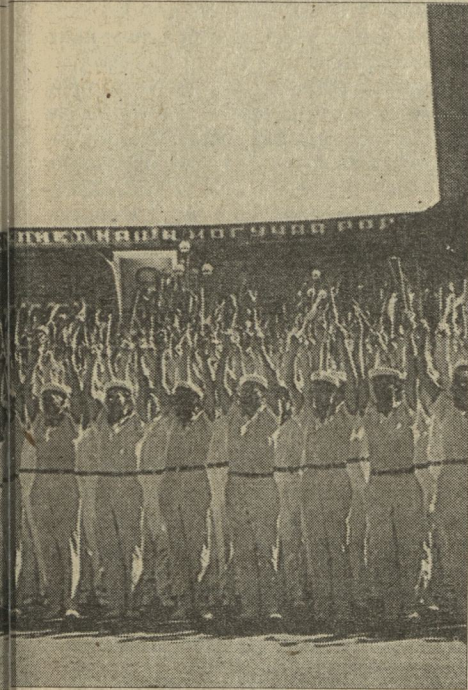
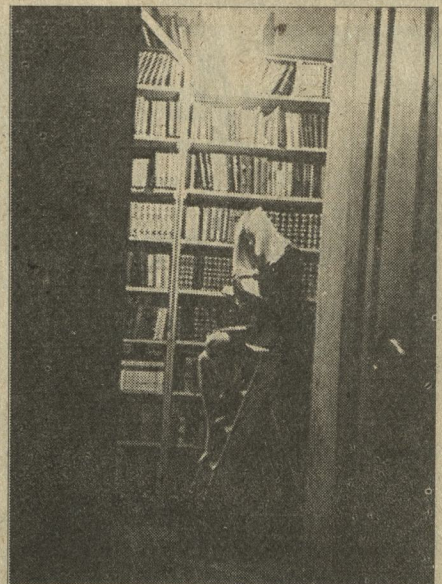
Она ни шиша не понимала в этом деле, любая оригинальность таланта ее раздражала, она ухитрилась все

Часовые мира

зарегулировать, выхолостить и приблизить к «понятному массам» примитиву. Но киностудии исправно финансировались; театры дотировались, лояльные художники поддерживались. Целая армия партийных контролеров, «брошенных на искусство» от свиноводства или, в лучшем случае, от «учительства», сначала оторопевала при виде вольных нравов «богеми». Но ротом по долгу службы начинала ходить в театры, обсуждать спектакли, слушать «симфонии» и постепенно некие профессиональные навыки все-таки приобрела. Говорили темно, но —

Наступила эпоха «просвещения»

1936 г.

Иными словами: после катастрофы, аварии, исторического катаклизма страна оказалась еще достаточно жизнестойкой, чтобы медленно, по инерции, в силу огромного потенциала, пусть на допингах, но — двинуться вперед.

Раньше стыдно было не уметь. Теперь стыдно стало — не знать. В толпе стали различимей лица «очкариков», они вгрызались в гранит науки, толпились у Политехнического, за чем-то читали стихи у памятников. Это был второй вал веры, волна надежды, пенный бурун любви. Потом все это разобьется об угрюмую скалу той же идеологии, будет печальный откат, но тип человека, порожденный новым временем, уже отложился в памяти, в искусстве, в генах — как выяснится много позже, чтобы хорошенько позлить совсем уже новые поколения эпохи развитого нравственного распада.

Объединяющим началом был — это важно — романтизм. Комиссары в пыльных шлемах сменились ребятами, для которых главное — серд-

«учено», выварился целый тип партийной дамы-патронессы, одетой строго, но элегантно, матери-покровительницы искусств, твердо правящей врученным ей кораблем. Такая могла себе позволить быть, от имени партии, гуманной и даже как бы мудрой, к ее груди припадали жалующиеся на несправедливость художники, и она казнила, она миловала, она разрешала и журила, запрещала и сулила. Шла налаженная, отшлифованная до полной ясности жизнь, и художники уже знали, как обходить опасные рифы, и как сохранять с дамой добрые отношения, и как сознательно «переступить черту», чтобы потом уступить и в компромиссе достичь желаемого. Обе стороны ненавидели, но и по-своему любили друг друга. И похоже, друг без друга уже не могли обойтись.

Самое трагическое: как выяснилось позже — и действительно не могли.

Под крылом этой порочной, часто глупой и необразованной, но по-своему уравновешенной системы буйно росли иллюзии, что наша страна — самая культурная, начитанная и богатая искусством страна в мире.

Иллюзии были столь сильны, что не могли не претворяться в реальность. Романтиков «внизу» эти игры олимпийцев нимало не касались, каждое новое поколение до поры принимало эти дежурные лозунги за чистую монету, потертость лозунгов и частые огрехи их реального воплощения — за «отдельные недостатки». Как котят, плодились тогда певческие капеллы и народные театры — казалось, землю пашут, пишут стихи и занимаются всяческим творчеством у нас — все. И в котле «социализма» вываривались все новые романтики, и лезли на

Поколение восьмидесятых

свет, и получали партийным указом по голове, и целая страна обсуждала дела то литературные, то театральные, то очередное постановление о кино, и все — во имя дальнейшего развития и совершенствования.

Сейчас рухнуло абсолютно все, от иллюзий до системы, ее «поплавок» — романтизм — лопнул и обвис печальной тряпочкой. Новое революционное нашествие смело государство, способное не только контролировать, но и подкармливать искусство, науку, культуру из амбиций, по инерции или из барской потребности быть просвещенным мещаном. Это государство исчезло с лица земли. Нет больше и дам-патронесс с их покровительственным тоном и стоящими за ними дотациями, разрешительными удостоверениями и твердо установленной «квотой» на репертуар советский и зарубежный. И обнаружилось, что — как бы — нет больше стимулов для развития. Ни естественных, реальных, ни искусственных, иллюзорных.

При дамах публика потребляла Тренева и Шекспира, прогрессивного Олдриджа и шедевры неореализма; меж торжественными премьерами Гостева и Матвеева ей позволяли посмотреть даже сомнительного Тарковского. В перерывах между партгимнами по радио передавали «музыку русских композиторов», и даже Верди — классика официально считалась «хорошим тоном». Хотя это тоже была игра, и я сомневаюсь, что Хрущев или Брежнев знали о существовании «Аиды». Но они несомненно, как и Невзоров, слышали про «Лебединое озеро».

При дамах «бунтующие поколения» носили брюки-клеш и втихую слушали Армстронга, балдели от «битлов», за-

видовали вольным хипповым нравам «цветов жизни», цыганскими таборами кочующих, в знак протеста против опостылевшей буржуазности, там, в мире капитала. Потом подолгом заструились все более мощные потоки советского рока, отвоевавшего себе право на жизнь.

Не верилось, что запреты могут рухнуть, но если рухнут, то жизнь, несомненно, станет полноценной. Завоевания нашей духовности обогатятся лучшим, что выработало человечество за время нашего вынужденного в нем отсутствия.

Запреты рухнули. И с ними дотации. И «квоты», худо-бедно защищавшие идеологию, но с ней, попутно, — и национальную культуру. Ни искусство, ни наука более не нужны государству, которое вместе с контролирующими функциями освободило себя и от обязанностей патрона.

На среднюю зарплату серьезного ученого можно 25 раз отобедать в плохой столовой.

И впервые в истории Национальная библиотека страны не может больше выписывать иностранные издания.

И театры не могут больше поехать на гастроли. Занавес покрепче железного опустился не только между страной и миром, но и между Москвой и Новосибирском, Петербургом и Екатеринбургом.

И национальная кинематография хоть и теплится еще в пустующих павильонах студий, но уже исчезла с глаз людских.

И целое государство, именуемое себя демократическим, не может противостоять ненависти, беззаконию и темным инстинктам толпы. Не может и не хочет.

Причины не только, как оправдывается власть, в экономике. Причины в дальнейшем культурном вырождении самой власти. Новые максимы, пришедшие к управлению, дают сто очков вперед Максиму допотопному, овечьему ревомантикой. На своем пути они уж точно не оставляют после себя камня на камне. Созидают (дозволяют) только то, что их душе мило. И не отягощают ни интеллект, ни душу обязанностью думать об иных «богатствах, выработанных человечеством».

Тьмы новых максимов на постах крупных и средних правят культурой. Я уже знаю газеты и журналы, формально посвященные культурным материям, где хотят клубнички и пушище смерти боятся музыки, если это не «поп», кино, если это не популярный сериал, оперы, если она не «мыльная», и вообще всяческих «размышлизмов».

Вот человек, которому я всегда симпатизировал. Отважный идеолог

Фото А.Стоммакина

Новое поколение возрастает в уверенности, что все вокруг — шелуха

подпольного отечественного рок-движения, свободолюбивый Артем Троицкий, первый, кто, рискуя карьерой, заступился за ищущее свой голос поколение. Сегодня ему доверили музыкальным российским телевидением управлять. И ведь все вырубил вмиг: не осталось в эфире ни классики, ни фольклора, ничего, кроме вчера опального рока. И новые поколения возрастают в приятной убежденности, что человечество не выработало ничего дельного, кроме дымящейся бас-гитары, а все прочее — шелуха.

Культурного «Сопrotивления» больше нет. Некому бунтарски

отстаивать право слушать Бетховена, Прокофьева или Дунаевского.

Тому, борис-чирковскому освобожденному Максиму сказали: надо овладевать культурой. И он ответил: «Есть!». И овладел — так, как понимал этот термин. И уже приспособил играть Шопена на похоронах вождей. И уже повесил Шишкина в банях и парикмахерских.

Новым освобожденным максимам сказали: надо овладевать рынком. И мы имеем то, что имеем.

Духовное потомство Максима цело и невредимо. Оно правит бал. Но в нем уже давно нет ровно никакой

личной потребности в культуре. Не случайно же тот самый Ермаш, что лютовал в отечественном кино, цензуровал, бдил и прятал феллиниевскую «порнуху» даже от специалистов, сам же и наводнил наши экраны — уже не Феллини, нет, низкопробщиной самой махровой, едва сказали: можно. То есть — едва сменились условия игры.

А новое поколение деятелей уже открыто презирает любую попытку напомнить о существовании культуры, морали и опыта предшественников. 90 процентов советского населения — ослы, пишет Денис Горелов, популярный автор детской газеты «Московский комсомолец», в большом журнале «Столица». И на это стадо нужно запастись много дешевки.

Это, между прочим, — о той духовной пище, к которой пристрастилось новое советское поколение «интеллектуалов».

Умри, Денис, лучше не скажешь.

Только с ослиной культурой в человечество соваться бесполезно. Там и своей такой достаточно.

А иной у нас теперь как бы и нет.

Что все это значит?

А значит это, что если до определенного этапа новые поколения в стране шли, несмотря ни на что, дальше предков, то нынче настала пора, когда они не хотят дальше, им туда не надо. Они хотят ближе. Они уже печатно стыдят тех, кто еще имеет привычку думать.

Это значит: общество перестало развиваться и деградирует.

Посмотрите на лица. Вам не противно, господа?

Организация
принимает
заказы на
гальванические
работы.

☎ для справок:
257-16-44

Один застенчивый юноша с мягкими выющимися волосами (мать — классический технар, отец — железнодорожник), остроумный и порядочный, не без шарма, решил прийти в литературу. А литературы-то и нет. Он, бедолага, так закип от общества приземленных людей, так мечтал утешиться не то Телешовскими средами, не то Никитинскими субботниками — и не нашел ни того, ни другого. Расстроился и провалился в полиграфический институт. Впрочем, ну его.

Владимир Саков

Фото В. Шишова

Алексей МИТРОФАНОВ

«МЕДЛЕННЫЙ БОЙ»

Стоит в конце улицы Сретенки скромная церквушка — Троицы в Листах. Построили ее в середине XVII века на деньги стрельцов Сухаревского полка. Представляется, что название «в Листах» она получила из-за каких-то деревьев шелестящих. Но это — заблуждение. Просто тут, у церковной ограды, торговали лубочными картинками — «листами», «листы» для завлечения прохожих клеили прямо к ограде, и стояла Троица — в Листах.

Была и так называемая «лубочная» литература, которую, впрочем, посетители XVII и суботников за литературу не считали. Еще бы — какие-то там анекдоты, песенники, сонники, иллюстрированные не Добужинским-Бакстом, а все теми же безымянными лубочниками. Однако крестьяне, мещане и купцы читали именно ее, пусть не всегда и грамотную, зато написанную простым привычным языком. В городе — «ходебзики», в деревне — «офени» предлагали свой нехитрый товар: «Анекдоты о Балакиреве», «Сказки о славном Бове Королевиче», «Старичок весельчак», «Дядя по носу глядя»...

— Великое божье наказание! Как брат с сестрой обвенчались, как сын у отца оторвал яйца!

— Сочинения знаменитого баснописца Баркова в стихах с точным изображением всех событий его

жизни! Полная поэма о Луке.

— Что делает жена, когда мужа дома нет...

Володя Саков рисует комиксы. Самый известный его цикл — «Приключения капитана Донки», частного детектива, ищущего истину в Раю и в Аду. Первая книга ездила по международным фестивалям и выставкам комиксов, переведена на языки: испанский, немецкий, французский, английский, словацкий и польский, внесена в английскую энциклопедию мирового комикса.

Володя рисует «Донки» еще с безразличных ему лекций текстильного института, который он зачем-то окончил. И только сейчас может «Донки» издавать. Во времена всеобщего интеллектуального равенства комиксы если и не преследовались, то и не публиковались. Разве что в «Веселых картинках». Но назывались они как-то по-другому.

Володя — один из монстров-патриархов современного русского комикса. Он — основатель студии комиксов «Тема» (не путать с одноименной газетой), всего за год своего существования подготовившей два десятка книг. И не только смешных, ведь комикс — понятие широкое.

Комикс — современный лубок.

И то и другое предназначено не для интеллектуала. И то и другое бесхитроно. И то и другое презирали сно-

бы соответствующей эпохи.

Самые ранние комиксы — наскальная живопись. Какие-то действия в картинках и символах. Затем — иконы святых с клеймами жития по периметру. Они, опять-таки, — история в иллюстрациях с подписями. Потом пришел классический лубок.

Время от времени лубок механизировали. На рыночных площадях устанавливали ящик с отверстиями — «раёк», и мужичок-раешник приглашал смотреть на Михайлу Ломоносова:

— Первый наш ученый, в русской школе испеченный, прежде был архангельский мужик, а потом стал разумен и велик.

Или подивиться железной дороге:

— Теперь вот посмотрите сюда, готова для вас новая езда. Не хотите ли повеселиться? По железной дороге в Царское прокатиться? Вот механики чудеса, пар вертит колеса — впереди бежит паровоз и тащит за собой целый обоз. Кареты, линейки и вагоны, в которых сидят разные персоны. В полчаса двадцать верст прокатили, вот и к Царскому подкатили! Стой, выходи, господа, пожалуйста в станцию сюда. Погодите немного, скоро будет готова и московская дорога. Ну, теперь поедемте назад, уже пары свистят опять. Кондуктор зазывает. Дверцы в вагоне отворяет. Садитесь скорей, господа, опоздаете — будет

беда. Сейчас паровоз идет, тронулись... вот... Полетели стрелой! Дым валит из трубы полосой. Леса и деревни мелькают! В Питер обратно вот приезжают! Что, каково прокатились! И не видали, как очутились! Вот какова механика сила. Прежде вас кляча возила.

А по современным комиксам снимают фильмы и мультфильмы. Иван Дмитриевич Сытин, человек, сделавший свое имя и состояние большей частью на лубках, говаривал:

— Безграмотный крестьянин, затерянный в дебрях сибирской тайги или муромских лесов, узнал о многих событиях только тогда, когда ему говорила об этом картина.

Сегодня все больше и больше людей становятся безграмотными жителями муромских лесов. Не так давно не было видео, почти не было веселых телепрограмм, газеты ничем друг от друга не отличались, не было возможности заняться делом, зато досуга — сколько угодно. И дома, и на работе. Поэтому советские люди — самые читающие в мире. Притом читали в основном классиков, ведь хорошей современной прозы было очень мало, да и ту попробуй разыщи... Сейчас все наоборот. Все, кроме литературы. Ее по-прежнему мало, но людям уже не до нее. Это, конечно, неприятно, но, увы, неизбежно.

Все перетрясается, вновь появятся писатели, и книги станут выгодно издавать. Но не миллионными тиражами и без принудительного прочтения по приговору Минпроса. Откроются среды, субботники...

Литературовед Лев Аннинский пишет в «Аргументах и Фактах»: «Дело в общем катастрофическом состоянии духа, всей народной жизни, а не только узко понятой культуры и литературы как цехового дела. ... Положим, издатели деморализованы, потому что им надо сводить концы, а это легче делать, тискавая западные детективы, чем издавая настоящую прозу. Но когда деморализованы читатели в массе своей, это уже не временная «ситуация». Это — состояние народа. В корень зрите!»

А Володя Саков и в «Аргументы и Факты» не пишет, и в корень не зрит. Он просто живет, рисует «Донки», работает со своей комиксной студией, создает мультипликационную, пьет пиво, пишет картины. Готовит к следующему году огромную международную выставку комиксов — с размахом, чтоб не хуже Барселонской. Когда-то Володя и его приятели занимались восточными единоборствами по «школе лентяя», или «Лань До Жень Сюе Пай». Основа школы — так называемый «Медленный бой».

Он начинается с ударов и блоков, а затем своей философией распространяется и на всю человеческую жизнь. «Школьники» понимают, что главное — жить, с удовольствием и пользой заниматься своим делом, а лучший способ победить — избежать сражения. Сейчас один из них делает авиационные салоны, другой торгует кирпичными заводами, третий излечивает алкоголиков, четвертый преподает. Они организовали множество разных, но связанных воедино структур, которые по-разному называются, но в которые входят одни и те же люди. Эти структуры поддержи-

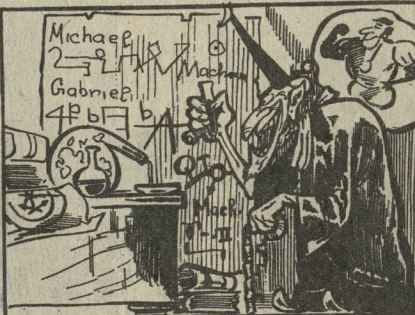
вают друг друга, в том числе и финансово, и живут без мафиозных завязок. Они сами — маленькая, неагрессивная, никому не мешающая мафия.

А в комнате Володи на диване лежит огромная зеленая книга. Она называется «Лань До Жень Сюе Пай». Там приемы, методы, рассказы, сказки, записанные разными людьми, но имеющие самое прямое отношение к «медленному бою». Вот одна из маленьких притч:

— Научи меня летать, — попросил ученик.

— Летать очень легко, — ответил учитель и улетел.

Э
Л
И
К
С
И
Р

Конец

ВОЗДУШНЫЕ ГЕРОИ
«Харлей Дэвидсон» и
«Ковбой Мальборо»,
США, реж. Саймон Винсер

...И воздушны они вовсе не потому, что бороздят бескрайние пределы пятого океана, просто очевидная эфемерность двух друзей помножена на воздушность интриги ленты. Судите сами: «Харлей Дэвидсон», которого исполняет Мики Рурк, любит мотоциклы и девушек, симпатизирует своему другу, раз в несколько лет встречаясь с ним, и ностальгирует по поводу какого-то бара, где прошла его юность; «Ковбой Мальборо» в исполнении Дона Джонса неравнодушен к бильярду, неплохо стреляет, влюблен в девушку-полицейского и столь же привязан к детству в том же баре. Злой коммерсант, продавшийся японцам, хочет бар тот снести, построив на его месте современный аэропорт. Мало того, он еще и торгует неким фантастическим, специально для фильма придуманным наркотиком, и у него, конечно же, в запасе банда профессиональных убийц. Для меня загадка, что имеет в виду «Харлей Дэвидсон», когда говорит, что бар уберет его и его друзей от дурного влияния улицы, тем более, что сам выглядит, мало того, для спасения воспоминаний детства подговаривает своих друзей ограбить ту самую корпорацию. Головорезы, однако, их вычисляют, убивают владельца бара, всех, кто участвовал в ограблении, и преследуют бесстрашную пару, куда бы те ни подались. Впрочем, в решающий момент «Х.Д.» и «К.М.» задумывают и реализуют бой в лучших традициях американских боевиков «не ради славы» и даже не ради жизни, а исключительно за воспитанные в баре принципы. Приблизительно они звучат так: Америка для американцев; наркотики плохи; за друзей надо мстить. Бой происходит на кладбище самолетов, и новизна фактуры придает и ему некоторую новизну.

Фильмы представляет Саша Киселев

Кадр из фильма «Бартон Финк»

СТРАСТИ ПО ГОЛЛИВУДУ
«Бартон Финк» США, реж.
Джозл Коен

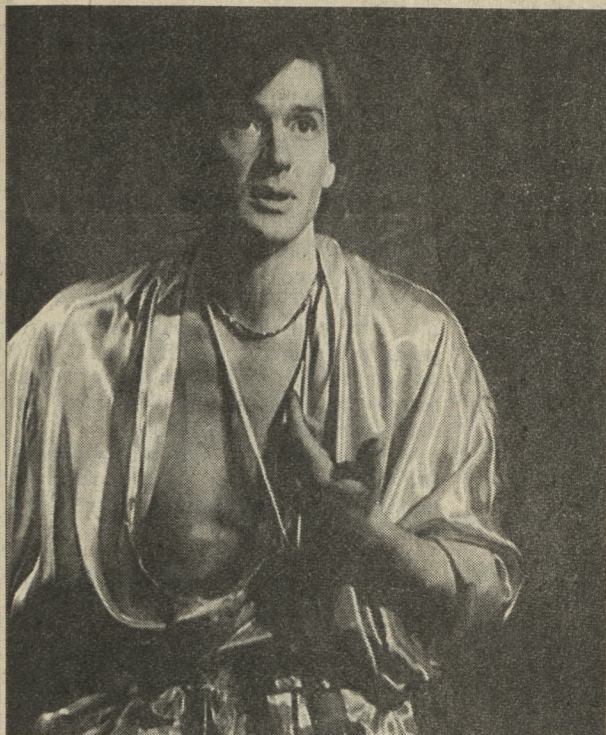
Если вам милы интеллектуальные изыски, выполненные на очень высоком профессиональном уровне, обратите на эту ленту внимание. Начинается картина аншлагом в театре. Писатель Бартон Финк в Нью-Йорке в 1941 году. Невероятный успех его пьесы, газеты в восторге, предложение поработать в Голливуде. И герой попадает в странное пространство голливудских мифов, откуда уже нет выхода: он знакомится со спившимся коллегой, за

которого книги пишет секретарша, с убийцей, что живет в соседнем номере, с полицейскими, которые пытаются его поймать, с сумасшедшим владельцем киностудии... Точно так же, через отточие, можно передать сюжет: он пишет сценарий, проводит ночь с секретаршей писателя-алкоголика, наутро находит ее убитой, сосед-маньяк помогает расчленивать труп, перестрелка в гостинице и пожар, с работы его выгоняют... И вот Бартон Финк бредет по побережью с рукописью и коробкой с отрезанной головой девушки и неожиданно входит в

картинку, ту, что висела у него в номере: волны, скала, пляж и блондинка в купальном костюме. — А что у вас в коробке? — спрашивает она. — Не знаю, — отвечает Бартон Финк...

ВСЕ ГОЛЫЕ ЛЮДИ — ЗЛЫЕ
«Обнаженная тень»
Франция, реж. Жан-Клод Сюз

Пока главный герой принимает душ, ему приносят апельсины. Совершенно голый, он выходит на лестничную площадку, а дверь захлопывается. И вот он стоит с двумя апельсинами в руках. С такого кадра могла бы начаться комедия, а началась трагедия. Он пытается тихонько пробраться к окну своей ванной комнаты и проникнуть в квартиру через него, но на балконе играет сын его соседки-стриптизерки, за которой он периодически подсматривает из окна. Мальчик пугается голого человека и падает с балкона на мощный двор. Он в коме, а героя никто не видел. Ощущение вины заставляет его переживать столь искренне, что в какой-то момент он становится наконец любовником своей соседки. Мало того, даже рассказывает ей правду. Она все понимает, но ребенку вряд ли можно что-то объяснить. Он очнулся и ничего не помнит. Он просто знает теперь, что «все голые люди — злые». И даже страшно подумать о том, что творится в его голове, когда он застаёт свою голую мать в объятиях голого мужчины. Долгий, очень долгий взгляд мальчика на них, спящих и пока еще не подозревающих о его открытии...

Александр АБДУЛОВ:

«Я — ИГРОК»

Вряд ли стоит представлять Александра Абдулова как актера — звезду и советского, и послесоветского кинематографа, а также одного из главных персонажей уникального предприятия по выработке и прокату звезд под названием Театр имени Ленинского Комсомола. Не стоит долго трудиться, чтобы представить его и как делового человека: театрално-концертное объединение «Ленком», созданное и руководимое Абдуловым, существует уже больше двух лет. Примерно такой же срок вынашивает Абдулов идею выступить в качестве режиссера. Сюжет сценария, написанного Иваном Кеасашвили, таков: через все территории Содружества едут семь фур с гуманитарной помощью, а именно — водкой. На семи фурах, претерпевая по пути соответствующие временам приключения, восседают семь звезд, и в их числе сам Абдулов. С «творческих планов», которыми принято заканчивать, мы и начинаем разговор в одном из служебных кабинетов театра. Из окна хорошо виден внутренний двор — тот самый, где пять лет подряд шумели знаменитые «Задворки», у колыбели которых стоял тот же Абдулов. В этом году двор был тихим и 6 июля, когда по традиции проводились «Задворки». Может быть, оттого, что «веселия глас» уступил место важному распеву колоколов на звоннице церкви св.Богородицы в Путинках, которая реставрировалась на средства, добытые этим «задворочным» путем.

«Творческие планы» интересовали меня еще и потому, что главная, заветная, мысль, которую я лелеял, договариваясь об интервью, была разузнать поподробнее о весьма необычном (чтобы не сказать — экстравагантном) проекте, в котором принимает участие Абдулов, а именно — о чеховском спектакле, который режиссер Кама Гинкас репетирует, по слухам, в собственной квартире. Свежая легенда гласит, что началу работы предшествовал следующий примечательный телефонный диалог: «Добрый день, это говорит режиссер Гинкас». «Я согласен», — упредил дальнейшее Абдулов. Знаменитый режиссер, двое известнейших актеров (кроме Абдулова в проекте участвует Марина Неелова), которые в прежние времена были достаточно далеки от проблем «подвально-квартирного» театра, теперь вплотную с этими проблемами сталкиваются... Ситуация, согласитесь, достаточно интригующая. Правда, по телефону Александр Гаврилович давать разъяснения на эту тему отказывался: «Это очень личное... Я суеверный человек... Лучше не надо». Но при встрече все-таки не удержался:

— Сами понимаете, на Западе, если бы такие два актера и такой режиссер делали спектакль, в него вложили бы миллиарды. А у нас... Нам просто безумно повезло с некими *инкognito*, безвозмездно давшими на спектакль деньги.

— Но, насколько мне известно, помогло не столько везение, сколько то, что за дело взялись вы, как коммерческий директор проекта.

— Нет, нет, не надо об этом, я суеверный человек.

— Жаль. Но ваша деловая энергия, по-моему, уже не меньше работает на вашу популярность, чем актерская.

— А у меня выхода другого не было. Иначе пришлось бы сидеть и ждать, когда кто-то меня куда-нибудь возьмет. «Только актеры» никому стали не нужны — искусство уходит, и никто не хочет его поднимать.

— А ваше объединение...

— А наше объединение как раз для этого было создано. Чтобы актеры, получающие гроши, могли зарабатывать. Потом дело разрослось, мы стали вывозить уже большие программы, сейчас попробуем вывезти спектакль. Плюс к тому мы исполняем заказы на декорации: оформление КВНов, конкурса «Мисс Америка», последнего эстрадного конкурса в Юрмале — наша работа. Делаем декорации для ВДНХ, там хотят устроить такой «заповедник» 40—50-х годов, целый огромный город.

— Такой «советский Диснейленд»?

А.Абдулов
в совместном
российско-
итальянском
фильме
«Золото»

— Ну да, вроде того. Там и кинотеатр «Художественный» должен быть, и памятник Маяковскому, и «Дом на набережной» — причем все огромное, почти в натуральную величину.

— Вам хотелось бы снова стать «только актером»?

— «Только актером» мне и всегда скучно было оставаться. Хотелось быть всем: и режиссером, и продюсером, и художником, и костюмером, и бутафором... всем. Что же касается бизнеса, повторю: у меня не было другого выхода.

— «Задворки», церковь — это тоже побочное и лишнее?

— Ну нет. Во-первых, «Задворки» — не бизнес. Там никто ни копейки не получал, только тратили — нервы, силы, кровь, здоровье. Да и деньги: колокола, которые звонят сейчас, собирали по всей России и покупали вскладчину. Это теперь только и слышно: там передали церковь верующим, тут... Все забыли, что мы этим занимались одни из первых и тогда,

когда сделать это было практически невозможно, — в 1986 году.

— Все-таки вам перемены в стране помогли...

— Во-первых, тогда об особых переменах говорить еще не приходилось. Какие перемены? Горбачев стал Генеральным секретарем? Свердловский райисполком вовсе не собирався отдавать церковь — помещение принадлежало цирку, там держали собак, птиц, был репетиционный зал и т.д. Потом исполком хотел сделать там библиотеку... В общем, если бы мы пошли нормальным путем, официальным, — ничего бы не удалось. А мы устроили шум, скандал, «Задворки», Захаров опубликовал статью — мы требовали, а не просили.

А потом... Понимаете, наверное, в жизни каждого человека наступает период, когда он должен думать о душе. О том, что от него останется. Я прохожу теперь мимо церкви и говорю себе: да — вот это я. Я Москве оставил церковь. И она будет стоять и

стоять — для внуков, правнуков и далее. То же и все могут сказать, кто вложил свои силы в «Задворки». Вот, звонит, слышите? Я безумно счастливый человек.

— А почему «Задворок» не было в этом году?

— Мы хотели делать, но... выяснилось, что они не нужны. То есть гостям нужны — звонков, знаете, сколько было? И несколько людям в театре. А остальным... Видите ли, это как в семье: «Будем справлять день рождения?» — «Будем». — «А может, не будем?» Понимаете, «Задворки» могут жить, только когда таких вопросов не возникает.

— Вернемся к Абдулову-актеру. Вы всегда много снимались, но всегда же утверждали, что театр вам дороже кино.

— И теперь утверждаю.

— Вы имеете в виду конкретный театр — «Ленком»?

— Да. Это мой дом.

— А как, по-вашему, не грозит ему опасность подвергнуться распаду, подобно многим старым театрам?

— Грозит. Хотя театр сохраняет популярность, сложился целый круг поклонников, которые по 15—20 раз ходят на один и тот же спектакль, но... Сейчас, как никогда, нужна новая, свежая идея.

— В планах театра — «Женитьба Фигаро» и «Чайка» в постановке Марка Захарова. Можно ли ждать новой идеи от этих спектаклей?

— От Захарова всегда можно ждать нового.

— Вы заняты в этих спектаклях?

— Нет.

— И работа у Гинкаса — результатом неудовлетворенности вашим положением в «Ленкоме»?

— Нет, нет. Просто в тот момент, когда последовало предложение, Захаров работал в Израиле и я был абсолютно свободен. Я считаю Гинкаса замечательным режиссером, а когда еще узнал, что буду партнером Нееловой... ну, тут уж оставалось только встать на колени и согласиться.

— Так же, как вы согласились попробовать для нового фильма Германа?

— Да, я даже не знаю еще, что это за фильм. Знаю только — что Герман. И очень рад.

— А еще какие режиссеры могли бы вас «сманить»?

— Если бы это помешало работе у Захарова — никакие.

— А если бы не помешало?

— Тут вот два года назад был интересный проект: приезжал Петер Штайн, отбирал по всему Союзу актеров для постановки «Орестей» Эсхила. Меня утвердил на главную роль.

Был план отдать под это дело Манеж, отремонтировать его, сделать внутри греческий театр, деньги были... Захлебнулся проект, к сожалению. А Манеж по-прежнему разваливается.

— Вы, стало быть, теперь самостоятельно опробуете западную систему проектов и контрактов?

— Нам сложно сразу перейти на западные структуры. Вот скажите: сколько ж мне должна платить труппа, которая хочет привлечь меня в спектакль, чтобы я, скажем, год играл только его, нигде не снимался и т.д. Где ж взять такие деньги?

На Западе так — нашли миллион, половину заплатили какому-нибудь Депардье, сыграли спектакль и разбежались. А куда разбежаться нашим актерам, за исключением 15—20 человек?

— На то и законы рынка...

— Законы эти хороши в стране, которая вся величиной с нашу Москву. А Россия? Так и оставить на нее 20 актеров? Нет уж, надо поддерживать театры, в том числе провинциальные, ввести, скажем, систему бенефисов с гастролерами из столицы, как было раньше. Или — систему дублей столичных спектаклей, которые повышают престиж провинциального театра и дают ему средства для собственных постановок... Сейчас, видите ли, все одиночки. Не понимают, что в одиночку ничего не добьешься. А актерское братство — разрушено.

— А раньше оно было?

— Было. Я успел его почувствовать — а оно везде ведь чувствовалось, от театра до ресторана ВТО. А теперь на похоронах Татьяны Ивановны Пельтцер, живой истории нашей, актеров присутствует раз в сто меньше, чем просто благодарных людей... Не знаю даже, что тут сказать. Пусть это на их совести останется.

— А как вы определите те перемены, которые с вами самим и с вашим имиджем произошли за те 15 лет, что вы находитесь в центре всеобщего внимания? Если, конечно, перемены были. Какого вы времени человек, так сказать: сегодняшнего? вчерашнего?

— Во-первых, я не могу сказать, что полностью соответствую своему имиджу. Во-вторых... Вот я, сколько себя помню, хожу в джинсах. Ненавижу костюм, не ношу галстук — одеваюсь так только на концерты или на что-то очень официальное. Я люблю «Битлз». И всегда любил. Современный я? не современный? Знаете, я принадлежу к тому поколению, которое застало еще, скажем, Яншина, Бориса Ливанова — они уходили на моем веку. Я видел Енгибарова, — один раз в компании, вдалеке. Видел Высоцкого. Арбузова. Я успел всех их застать, понимаете? Не успел прочувствовать, но застать успел. И оказался в таком междузвездье: вроде бы и там не был, но и сюда не пришел.

— Не боитесь, что молодые, не оказавшиеся в «междувремя», потеснят вас?

— Нет. Если ты профи, если ты чего-то стоишь — кто тебя может потеснить? Как не бывает двух людей одинаковых, так не бывает двух одинаковых актеров. Все равно я делаю так, как делаю я, Саша Абдулов, — а значит, как никто больше.

— Вы сыграли много небольших характерных ролей, и эти роли, дополняя большие, создали вам особую популярность...

— Видите ли, меня абсолютно не волнует, что я играю. Меня волнует, у кого я играю. Если Захаров, Балаян или Соловьев предлагают мне эпизод, я знаю, что они предлагают мне его не просто так, что они несут ответственность за то, чтобы это имело глубокий смысл. Как, знаете, за границей отдельной строкой указывают: «В этой роли — такой-то». В спектакле «Диктатура совести» у меня был эпизод: я читал монолог Верховенского из «Бесов». Этот эпизод стоил всего спектакля.

— Вы производите впечатление везучего человека. Большое место отводите в жизни везению?

— Я очень верю в удачу. Даже когда даю автографы, всем желаю удачи. Я играю в карты. Приезжая в любую страну, иду в казино. Я — игрок.

Самуил ГЛЮК

Закрытое акционерное общество «СП-сервис» предлагает

широкий ассортимент запасных частей, масел и сопутствующих товаров для отечественных легковых автомобилей. Продажа оптом и в розницу, за наличный и безналичный расчет.

Приглашаем к сотрудничеству
заводы-изготовители.

Наш адрес:

111112, Москва, шоссе Энтузиастов,
ул. Войтовича, 12, автомагазин.

Тел. (095) 361-30-75

Сергей ЧУПРИНИН

Теперь таких не делают. Такие и двадцать-то лет назад числились в большом дефиците, поэтому удержаться и не купить было решительно невозможно.

Тем более, что и назначение для этого альбома было уже присмотрено: статья этаким, знаете ли, «Чукоккалой» № 2, вместившем экспромтов, импровизаций и просто автографов знаменитых или пусть пока не очень знаменитых, но подающих надежды писателей.

Самонадеянная мальчишеская блажь? Безусловно. Но вообразите себе провинциального журналиста, который впервые в своей —

сенский, например, или Владимир Гусев), но ширилась. И хотя надолго меня, конечно, не хватило, какое-то количество лет заветный альбомчик еще возникал — то в дружеском застолье, то еще где, — и ложились на глянцевые страницы скоропись Павла Антокольского (я пришел к нему со стихами; мэтр, как водится, похвалил, но так, что рифмовать я впредь закаялся), главы из бессмертной поэмы Евгения Попова «Солдат и лесбиянка», акростихи Зиновия Паперного, шуточная пьеса Анатолия Курчаткина, эпиграммы Андрея Туркова, Виктора Ерофеева, Руслана Киреева, иных многих...

Листаю сейчас я эти страницы с грустью.

Вспоминаю ушедших навсегда. Например, рыжебородого, пылкого задиру-иркутянина Женю Раппопорта — его талант не столько даже литературного критика, сколько литературного деятеля не реализовался, увы, и третьей долей. Или туркменского классика Беки Сейтакова. Или минчанина Григория Березкина — и говорили-то всего, кажется, дважды, но держится уже второй десяток лет (значит, так и останется) ощущение, что и нам, грешным, выпадает иной раз счастье встречи с положительно прекрасными, нравственно безупречными людьми.

Впрочем...

Я не затем ведь взялся листать страницы старого альбома, чтобы вздыхать: «Ву, нынѣшние, — нутка!», — или погружаться в преждевременные воспоминания. Тема этих заметок — другая, и герои у нее — другие.

Вот, скажем, Станислав Куняев.

Который уже год не разговариваем — не о чем стало, — а ведь как спорили, едва за грудки друг друга не брали! След тех споров и той, значит, острой заинтересованности друг в друге — на страницах «Чуприделок». Но не только. Сюжет нашей — столь обыкновенной по русским понятиям — дружбы-вражды начался с того, что я откликнулся рецензией на какой-то куняевский сборник — сочувственно, хотя и с жесткой, полемической определенностью. Куняев явился выяснить отношения, мы схлестнулись — и он не ушел, пока не вырвал у меня согласия трансформировать криминальную рецензию в предисловие к его первому «Избранному».

Сейчас бы он так уже не поступил. Сейчас и я уже так не поступлю. Оппоненты стали врагами. А тогда, в 1979-м... Тогда мне (да и ему, надо полагать) казалось, что — при

НАС БЫЛО МНОГО НА ЧЕЛНЕ...

Рылся в старых бумагах, блокнотах, тетрадях — и он сам вывернулся мне навстречу, альбом в матерчатом, роскошном, хотя и поистрепаншемся уже переплете.

недолгой тогда еще — жизни попал на семинар молодых критиков в Переделкино — и обомлел от собственной беспардонной прикосновенности к тому, что смело можно назвать отечественной литературой XX века.

Какие тени — Пастернак, Чуковский, Фадеев, три сосны на местном погосте!..

Какие встречи — на аллее класиков, в столовой Дома творчества, в холле перед телевизором...

Сановно учтивый Мирзо Турсунзаде, всюду — даже, кажется, в душевой комнате — появлявшийся с золотой звездой Героя на груди. Аристократ Катаев, небрежно обронивший, что из всех ныне живущих русских писателей читать стоит только Набокова. Ребячливый, как и подобает трагическому поэту, Арсений Александрович Тарковский. Царственно красивая Сильва Капутикян. Старушечья любознательная Мариэтта Шагинян...

Всех не перечислить. И не ко всем, понятное дело, кидался за автографом составитель «Чуприделок» в роскошном матерчатом переплете. Коллекция ширилась в основном за счет ровесников или тех, кто старше на поколение (Возне-

всех мировоззренческих, литературных, чисто человеческих несовпадений — нас больше все-таки сближает, чем разъединяет, и есть, следовательно, простор для диалога, для совместного — и хорошо, что взаимоопонирующего, взаимокорректирующего, — труда в культуре.

Мы оба ошиблись. Не друг в друге — тут как раз иллюзий не было, — а в оценке перспективности, долгосрочности и, главное, плодотворности такого диалога. Не мы одни, впрочем. Юрий Трифонов напутствовал тогда Александра Проханова; Василь Быков и Фазиль Искандер печатались в «Нашем современнике», у Викулова; Валентин Распутин предварял своим словом публикацию «Ягодных мест» Евгения Евтушенко в «Москве», у Михаила Алексеева; Владимир Солюхин восторженно отзывался о поэзии Андрея Вознесенского, а тот, в свою очередь, отвечал собрату прочувствованными стихотворными посланиями...

Сейчас этакое и представить себе невозможно. А меж тем оно было, славное времечко мирного сосуществования в русской литературе, — аккуратно посреди мертвящего застоя, когда душа радовалась любой примете Сопротивления, все живое, неоказанное теснилось друг к другу, и витало — поверх барьеров, вопреки очевидным уже и тогда разногласиям — ощущение оппозиционного единства культуры перед лицом тирании, парадного благомыслия и парадной фальши.

Было ли это ощущение ложным? Пожалуй. И даже наверняка. Едва исчезло общее, хотя и раньше ведь неравномерно распределявшееся, давление власти на культуру, гражданский мир взорвался гражданской войной. Не мог не взорваться, поскольку идеи вышли на улицу, сменили кабинетный окрас на митинговый, и слишком многое — не в литературе уже, а в жизни — стало зависеть от того, поверят ли избиратели Дзержинского района столицы (я сам там живу) национал-патриотическим внушениям Станислава Куняева, пойдет ли толпа с дреколем на законное правительство, как того требуют Александр Проханов и Эдуард Лимонов, и переведет ли она, толпа, кликушескую заумь Юрия Бондарева, сардоническое брюзжание Владимира Гусева или бранливый гиперболизм Василия Белова на привычный ей, толпе, язык погромов и потасовок.

Люди, говорят, не меняются, а лишь проявляются, обнаруживают в

подходящих условиях весь свой — дурной ли, хороший ли — потенциал. То же и с идеями — вырвавшись на свободу из кабинетного уединения, из дискуссий на интеллигентских кухоньках, они не переменялись, но стали (или могут стать) материальной силой, поэтому и цена им теперь другая.

Одна лишь всплывшая в памяти аналогия. Согласитесь, что строка: «Стар — убивать. На пепельницы черепа!» — совсем по-разному прочитывается в стихотворном сборнике и на транспаранте прущей к Манежной площади орды. Так что практика — действительно критерий истины, и мне действительно не о чем, да и незачем больше говорить с Куняевым или, допустим, с Вадимом Кожиновым, Владимиром Бондаренко, другими пламенными — «пассионарными», сказал бы покойный Лев Гумилев, — идееносцами: разные языки, разная культура, взаимоисключающие представления о благе российском.

Умом я это понимаю, а вот над страницами старого альбома, виноват, все же нет-нет да и вздохну. Как бы ни было, но те споры, те иллюзии и самообольщения — неизъяснимая часть моей собственной биографии. И только ли моей? «Нас было много на челне...», а теперь?

Далече Сергей Есин, отдрейфовавший от «Нового мира», от «Знамени» сначала к коммунистам, а затем, когда ЦК и МГК приказали долго жить, уже и к «Нашему современнику». Совсем как-то запропал Георгий Баженов, а ведь неплохой был прозаик, но подмахнул — к изумлению всех, кто его ценил, — какое-то рептинное письмо — то ли «74-х», то ли «93-х», уже и не упомнить, — и ни рассказа с тех пор, ни повести в любом из центральных журналов — тишина. Мелькнул в недавнем номере «Дня» фотопортрет Валентина Устинова — жив, значит, и мил, значит, отечественным инсургентам, но где стихи — стихов в печати который уж год нет, а жаль — их тяжело-то-стремительного гула, их поморской ноты явно не хватает в современной поэзии...

Лет пять назад мы встретились с Валей Устиновым в том же перделкинском Доме творчества. Взгорели чайку; поговорили, старательно огибая острые углы, уворачиваясь от возможной стычки; простились.

— Разводит нас жизнь, — говорю.

— Уже развела, — ясно прозвучало в ответ.

И радоваться здесь решительно нечему.

Изделия из стекла и пластмассы

Фирма, располагающая
стеклянными и пластмассовыми
цехами, выполнит заказы.
Приглашаем к долговременному
сотрудничеству.
Тел.: 928-99-09, 928-70-17
Факс: 921-29-85 СЕМЕНИК

Частные объявления

Стрижка собак всех пород.
Звонить до 11 часов утра
по тел. 456-13-58,
Тамара Александровна

Опытный преподаватель, владеющий преподаванием русского языка как иностранного, предлагает семьям иностранцев обучение детей 6–10 лет русскому чтению и письму.

Тел. 137-16-29, Ирина Ивановна.

Возьмем в семью одинокого пожилого человека за право наследования жилплощади.

Тел. 137-16-29

Продается книга Колин Маккалоу «Поющие в терновнике».

Тел. (39) 2-22-25

Продаю мягкую мебель «Сони» (Югославия), дорого.

Тел. 392-55-47

ТЭФФИ

О РУССКОМ ЗАЙМЕ

Русским займом, выражаясь деликатно, вышла заминка. Французы сделали сконфуженное лицо, похлопали пальцами по жилетным карманам и сказали тоном доброго ма-лого:

— Ах, какая досада! Ну, что вам стоило попросить вчера! Вчера мы бы с удовольствием, а сегодня, как на грех, еще утром все расстранжирили. Но, во всяком случае, если у нас будет немножко мелочи, мы к вам сами позвоним по телефону.

Вот неприятная история!

Деньги нужны на железные дороги, а они мелочь обещают. Да и то сначала подумают. Да и то не наверное.

На что нам мелочь?

Мы люди со средствами. У нас «Новое Время» на памятник Ющинскому, говорят, больше двух тысяч собрало. Прислали Кока, Леля, их мама, их папа и граф Ламсдорф.

Так что с этой стороны мы обеспечены. Нам нужен еще только один миллиард.

Ужасно неприятно, если откажут.

А если откажут, то мы сами виноваты — не знаем, кого надо послать денег просить.

Ну, как можно было послать Коковцова?* Я прямо не представляю себе, как может Коковцов попросить денег займы. Я думаю, он за всю свою жизнь никогда не просил. А в этом деле нужен навык и нужна сноровка.

Если бы меня спросили вовремя, я бы указала, кого надо послать.

Зовут его Васенька. Фамилию его пока что не назову, но, если правительство запросит меня, сделаю это маленькое одолжение с удовольствием и совершенно бесплатно, из патриотизма.

Васеньку я знаю давно и знаю, что лучше Васеньки никто заниматься денег не умеет. Будь он иностранец, конечно, мы бы давно обратили на него внимание и, не щадя затрат, специально выпысывали бы его для заключения займов. Но качества своих сограждан мы ценить не умеем, и Васенька необычайные свои дарования эксплуатирует на личную пользу, игнорируя пользу государственную. Занимается мелочами — кустарным промыслом.

Э-эх, Россия-матушка!

А теперь расскажу, что я знаю о Васеньке.

Начал Васенька с ранней молодости, и начал с пустяков. Здесь перехватит трешницу, там — полтинник, и все это так насоро, мимоходом, всегда до какого-то четверга, который так никогда и не наступил.

С годами операции увеличились — и количеством, и качеством.

Характер у Васеньки всегда был решительный. Когда подходил срок какому-нибудь платежу, Васенька не скрывался и не прятался; он прямо шел к тигру в пасть и говорил, раздувая ноздри:

— Я серьезно говорю: подождите. Дайте человеку обернуться. Если я теперь обернусь, я встану на ноги, а если не обернусь, — все полетит к черту, и вы все равно ничего не получите. Войдите в положение.

Тигр входил в положение и видел, что обернуться Васеньке необходимо, как земле. Земля не повернется, — и все на ней полетит к черту. А у Васеньки еще то преимущество, что он может встать на ноги, тогда как земля этого даже не обещает.

Тигр вздыхал и смирялся.

Тогда Васенька брал у него «шестьдесят до четверга» и шел обращаться в том клубе, где за ним меньше было штрафа.

Он ухитрялся заниматься у таких людей и при таких обстоятельствах, что при одном воспоминании волосы дыбом становятся.

Так, когда хоронили одного из товарищей по полку (Васенька

на заре жизни был человеком военным), он ухитрился признать восемьдесят рублей у могильщика в тот самый момент, когда тот предавал прах земле. Впоследствии могильщик уверял, что дал деньги из одного чувства удивления.

Товарищи дружно поддерживали Васеньку. У каждого было глухое чувство, что если рухнет Васенька, то и их всех раздавит. Так на античных развалинах видишь порою группу великолепных кариад, напряженно согнутых, чтобы лучше поддержать могучими руками давно разрушенный и ветром, как пыль, развеянный купол.

О Васеньке хлопочут, Васеньку устраивают на места, дают ему заработки.

Пристроили его как-то на прекрасное, очень доходное место, где на обязанности его лежало сдавать какие-то подряды чиновникам одного ведомства.

— Вы должны быть непременно в хороших отношениях с этими чиновниками, — сказали ему, — от них все зависит.

Другими словами, Васенька должен был умело предлагать им взятки.

Но Васенька начал с того, что занял у каждого из них кое-что до четверга. И чиновники привязались к нему всей душой и больше всего на свете стали бояться, как бы Васеньку не изгнали со службы. А он раздувал ноздри и периодически требовал от них для себя возможности «обернуться».

— Войдите в мое положение!

И чиновники входили.

Раз Васенька захворал аппендицитом и хирург сделал ему операцию. И этот подвиг не прошел хирургу даром, потому что он, хлороформируя оперируемого, велел ему по обычаю считать. Васенька досчитал до сорока девяти благополучно, а когда произнес пятьдесят, то, уже засыпая, прибавил:

— Пожалуйста, до четверга.

Хирург с перепугу дал.

Однажды, будучи шафером и держа венец над головой невесты, он занял у нее три рубля.

— Больше было неловко, — оправдывался он потом. — Все-таки минута такая торжественная...

И у него на глазах навертывалась слеза умиления.

Психологически Васенька — загадка. Почему ему дают деньги?

Все знают, что он — игрок, бездельник, ни на что не пригодный человек.

Вид у него печальный, безнадежный, голос монотонный, весь он нудный, весь — серый.

Но когда он уставится тусклыми глазами куда-то вбок, побараны и, раздув ноздри, скажет:

— Войдите в положение, — должен же я обернуться! —

Человек устоять не может и, скрежеща зубами, отдает ему последнее.

Васеньку надо послать в Париж, послать скорее, пока не поздно. Нужны деньги на железную дорогу, — он их достанет, потому что это именно и есть его специальность — занимать деньги на шмен-де-фер.**

Это его любимая игра.

Он только раздует ноздри, и миллиард будет нашим.

Публикация Р. СОКОЛОВСКОГО

Рассказ был опубликован в журнале «Русский изобретатель» в 1915 году.

* Министр финансов и председатель Совета Министров. — Р.С.

** Азартная карточная игра. — Р.С.

Григорий БАКЛАНОВ

ПАРТИЯ ВЫМОГАЕТ З НАС*

Обедали, как обычно, на кухне. И только поставила передо мной жена тарелку, помнится, кислых щей, горячих, с плиты, — звонок телефона. Звонит Ильин, секретарь по организационным вопросам, так эта должность называлась. Со времен Горького, к которому комиссаром был приставлен Щербаков, со дня первого съезда Союза, то есть с той поры, когда вслед за коллективизацией крестьян была проведена коллективизация писателей, учредили этот пост, и занимал его по традиции либо партийный функционер, либо работник КГБ. Впрочем, почему либо — либо? Чаще это совмещалось в одном лице. Ильин в прошлом, до ареста, был генерал-лейтенант КГБ.

— Слушай, приезжай сейчас в партком.

И голос дружеский, и «ты» доверительное, в нем как бы дух партийного товарищества. Но я только что там был, с В. разговаривал, что за это время могло стрястись?

— Созывают...

Сказано уже официально, строго, как говорят магическое «есть мнение». А я терпеть не могу безличных предположений. Чье мнение? Не твоего, дескать, ума дело. Достаточно и того, что оно есть. И, уверенный, что со мной все решено, Ильин вдруг спрашивает:

— А где Слуцкий? Не знаешь, где Слуцкого найти?

Никакой беды я не ждал, ничего не подозревал и не предчувствовал, но меня вдруг как током пронзило. Созывают... Со-

звали однажды. Под конец жизни Сталина, когда готовилось выселение евреев в бараки, уже сколоченные в тайге, как до этого выселяли другие народы, рассчитав, что не меньше половины до места не доедет, по дороге в теплушках перемерут, вот тогда созывали именитых интеллигентов подписать соответствующее воззвание. Приглашали по одному, первый подписал его Каганович, а Эренбург будто бы отказался... Не могу сказать, что в тот момент мне это вспомнилось, нет, но в каждом из нас что-то отложилось, оно и остерегает: один глаз спит, другой бодрствует. Я почувствовал: затевается что-то грязное. И уже голос Ильина по-другому услышался: это был сознательно умягченный голос ловца душ. И он уверен: свистнул, и я приеду, прибегу, буду исполнять — солдат партии.

Положил я трубку телефона и с таким сожалением посмотрел на тарелку щей, к которым уже было всей душой расположился. Да что щи! На меня всем теплом обжитого нашего дома повеяло, будто пришло время и его лишиться, вот она и сюда, в самое заветное, вторглась, черная сила.

Пересказав разговор жене, я позвонил в Ленинград на киностудию «Ленфильм», где в ту пору Иосиф Ефимович Хейфиц снимал фильм по нашему с ним общему сценарию, попросил забронировать номер в гостинице и поехал на вокзал за билетом. Ильин вскоре позвонил вновь: где я? Выехал. Потом звонки стали чаще, истеричней, с угрозами.

А жили мы с ним в одном доме, он — в третьем подъезде, я — в первом. По утрам за ним прибывала черная машина Союза писателей. Пожилой, с крашенными

тоже в черный цвет волосами, шофер открывал багажник, нес в подъезд ящик боржома. Разумеется, не каждый день по ящику, бывало, связку книг несет. Из подъезда выходил с хозяйской собакой на поводке и в садике, где играют дети в песочнице, выгуливал ее по получасу и более, пока она обнюхивала деревья, выбирая по запаху свое, перед которым и задирала лапу. Машина тем временем на виду всех окон ждала, так, видимо, утверждалась неизбежность бытия.

Бытность свою действующим генерал-лейтенантом КГБ Ильин имел определенное касательство к печатному слову, к искусству, вернее — к деятелям искусства, не берусь сказать какое. Отсидев, как говорят в таких случаях, «свои» семь лет, выпущенный при Хрущеве, восстановленный в правах, но не в прежней своей службе, он был определен на должность в Союз писателей: здесь, как в отстойнике, много пребывало на должностях надежных товарищей, и тех, кто засветился за границей, и тех, кто вышел в тираж. Все они сохраняли боевую готовность и корпоративный дух: кадры, резерв всемогущей организации, объезжавшей страну, пронизавшей ее насквозь.

Как Ильин сам рассказывал, он был арестован за то, что предупредил товарища, над которым нависла угроза ареста: случайно узнал и предупредил. Но не исключены и другие варианты, может, просто пришел его черед, настала пора очередной смены караула. Сталин проделывал это регулярно, в таких вещах он знал толк. Чтобы править единолично, всевластно, требовалось периодически менять сподвижников, не давать им обрастать зависимыми от них, верными людьми. И ни-

* Глава из будущей книги Г.Бакланова «Входите узкими воротами», которая будет опубликована в журнале «Знамя». Печатается с сокращениями.

че имя не должно было осеняться беспримерной славой.

Кончилась война, и Жуков был отброшен, создана была вокруг него пустота: одного за другим пересажали его окружение — от рядового до маршала. Поразительно, но даже сам Жуков верил, что это дело рук Берии, что Сталин чуть ли не спас его, не дал арестовать. Но тогда еще безумным Сталин не был. Жестокий, лукавый, кровавый, но не безумный. Своих ближайших подручных — Молотова, Кагановича — всех он под конец жизни готовился сменить, придавить прокурорским ногтем, как с ними вместе давил других. Не успел, смерть помешала. Но что, кроме кровавых дел, за этими его подручными числилось, за каждым из них? Да ничего, в сущности, если отбросить пропагандистский грим. Исполнители высшего ранга. Калинин, умильный всесоюзный наш староста с козлиной бородкой, олицетворявший союз рабочих и крестьян, поскольку сам был вроде бы из тверских крестьян, но сколько-то и на заводе поработать успел, это усиленно подчеркивалось. А фамилия уж куда народней, прямо с куста калины снята. Вот он и подписал указ — казнить двенадцатилетних детей за колоски, которые они с голоду подбирали в поле. Молотов твердолобый, прозванный каменной задницей. Оба они отдали своих жен в залог, в лагерь. А Каганович и этих превзошел: двух братьев, старшего и младшего, отдал на расстрел в знак высшей преданности. Заложив душу дьяволу, они и свои жизни заложили.

Но за Жуковым была вся Отечественная война. И — Победа. Этого уже не отнять, не отделить от него в сознании народном, как нераздельны Отечественная война 12-го года и Кутузов. Не понимают этого Сталин не мог, другое дело — умалять значение Жукова, принизить, присвоить его славу, как присвоил он себе все победы в гражданской войне. Но жизнь маршала Жукова уже история хранила. А какой-то генерал-лейтенант КГБ... Таких и в расчет не брали. Для обычных советских граждан он — божий суд, а тут — ничто. Потребуется — другому его звезды навесят, рядового топтуна произведут в генералы. И производили.

Ильин был по-своему интересный человек, с определенным пониманием долга, порядочности, работать умел четко: совершенное, отшлифованное создание системы и времени. Выпущенный на свободу при Хрущеве, он относился к Хрущеву пренебрежительно. Сталина же боготворил, и фотография, где Сталин — в группе людей, а молодой Ильин на заднем плане проглядывает, эта фотография висела у него в кабинете на почетном месте. А как, бывало, во время собраний, пленумов входил он на сцену, осуществляя живую связь. Роста выше среднего, с хорошей выправкой; он принажился, сознательно умалял себя во имя Службы, шел только что не на цыпочках, помахивая ла-

доными, как ластами. У микрофона, в президиуме — Наровчатов, в прошлом неплохой поэт и фронтовик, но уже разевшийся. И вот к его оттопыренному толстой щечкой уху преклоняет Ильин седую голову, показывая лысину всему залу (что — зал, зал для него не существовал), докладывает сокровенное и уходит, нацеленный, помахивая ладоными.

До того, как нам поселиться в одном доме, я месяцев семь работал в Союзе писателей ответственным секретарем секции прозы, так называлась эта должность. Помещались мы в бывшей масонской ложе, в старинном особняке. Внизу, в Дубовом зале, — ресторан, над ним — служебные помещения. После работы я оставался там писать. Из ресторана подымались наверх запахи ресторанные и — писатели от столиков: позвонить по телефону. «Вы здесь работаете? Нет, я бы не смог...» И севши ягодицей на край стола, накручивая диск телефона, рассказывает, как важен для работы привычный ритм, привычный вид перед глазами... А я жду терпеливо, мне в ту пору жить было негде, я за жилье работал.

Весь мой штат — машинистка, пожилая курящая дама, Софья Михайловна, милый, интеллигентный человек «из бывших», тайная страсть ее — игра в карты. Вполне понятно, она подрабатывала. Ильин предупредил меня: я должен следить за тем, что у нее в машинке. Я сказал ему сразу: этого делать я никогда не буду. Узнала ли Софья Михайловна про наш разговор или так поняла, но отношения у нас с ней установились самые доверительные.

Позднее одна из секретарш, вышедшая замуж за польского писателя (для многих девочек, приходивших сюда работать, да и старившихся, это было и мечтой, и надеждой: выйти замуж за писателя — ей удалось), рассказывала мне в Варшаве, как Ильин вербовал ее в органы, не ее одну вербовал. Вменялось ли это ему в обязанность или повелевал инстинкт размножения таким внеполовым путем, но при всех обстоятельствах возглавлять тех, кто дал подписку, наверное, привычней и удобней.

Вот он и вызывал меня «срочно» по телефону. И можно было просчитать, как это все происходило: раздалась команда «сверху», из ЦК спущен список, и он выдерживает по списку одного за другим. Отлаженный, привычный механизм, сколько судеб завершилось телефонным звонком...

Вечером я вышел из подъезда. Метро, Ленинградский вокзал, а там, на перроне, уже стоит состав «Красная стрела». У меня был билет в международный вагон. Тогда еще ходили один или два таких старинных международных вагона с бронзовыми бра, начищенными бронзовыми ручками купе, а в купе — красное бархатное кресло, дверь в умывальную — одна умывальная на два купе — там и побрить-

ся, и умыться, а при желании можно и душ принять, и все это — за государственный счет: в таких вагонах, как правило, ездили высокопоставленные командировочные. Неслышно трогался поезд, словно это не он пошел, а перрон за окном сдвинулся со всеми провожающими на нем и отъезжает, отъезжает в глубину вокзала. А в буфете уже открыта большая жестянка черной икры, и вот идет по вагону официантка с подносом: коньяк армянский, бутерброды с икрой, холодные свиные отбивные.

Как-то за коньячком, которым я его угостил, старый-старый проводник, совершавший уже последние свои рейсы, рассказал мне, как в те самые годы — 37-й, 38-й, 39-й — входил, случалось, к нему в вагон человек с небольшим с чемоданчиком, он уже в лицо его знал и знал, что произойдет. Где-нибудь в Бологом или ранее человек этот выходил среди ночи, а в купе обнаруживали утром пассажира, умершего от разрыва сердца. Правда это или нет — утверждать не берусь, но и не такое бывало, да и врать ему вроде бы ни к чему.

Уже в Ленинграде, в гостинице, увидел я по телевизору, во что вовлекали меня, какая роль мне предназначалась. Транслировали пресс-конференцию, группа, как их потом прозвали, «дрессированных евреев» клеймила тех, кто от всех оскорблений решился уехать в Израиль; доказывали, что антисемитизма у нас не было и нет, всенародно покрывали себя позором. И это были именитые люди, до той поры вроде бы не запятанные. Дважды Герой Советского Союза, герой Отечественной войны генерал-полковник Драгунский. Как уживался в одном сердце герой и раб? Или мужество воина и мужество гражданина — два разных мужества? В дальнейшем Драгунский возглавит так называемый антисемитский комитет, и как-то начальник политуправления пограничных войск, входивших в систему КГБ, привезет туда делегацию писателей и точно по Фрейду, представляя Драгунского, скажет: «Председатель антисемитского комитета...»

Так вот — Драгунский. Еще — Дымшиц, заместитель Председателя Совета Министров. Ну, этому по должности положено, хлеб свой надо отрабатывать. Там ведь не только было выступление по телевидению, напечатано потом еще и обращение в газете. И Дымшиц организовывал это, по одному вызывал к себе: ставить подпись. Известный режиссер, ныне здравствующий, сказал: не могу подписать. Почему? Тут напечатано — Народный артист СССР, а я пока еще — Народный РСФСР. Будете, будете!.. И — подписал. Но Бог с ним. А вот Райкин, Райкин! Один из самых знаменитых актеров, ему же потом перед людьми на сцену выходить. У него было лицо трупа на экране, но он сидел там, участвовал. Что заставило его лгать принародно, чем приманило? Много их там было, не хочется всех назы-

вать. Да я уже и не помню.

А в это время дома у меня, в день той самой пресс-конференции, раздался ранний телефонный звонок:

— Это — Мелентьев.

Жена рассказывала потом: голос ласковый, прямо-таки родственный голос.

— Кто? — не поняла она.

Еще ласковее:

— Мелентьев.

— Не понимаю, кто говорит?

Мог ли человек такого ранга, заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС, поверить, что его не знают, да еще в доме писателя, да еще писательская жена? Настоящие писательские жены лучше секретарш знают, на ком какие блага растут, от кого что зависит. Ему стоит трубку снять, слово промямлить, и набор моей книги рассыпят или задержат издание на несколько лет. Но жена моя действительно не знала никого из официальных лиц, ни одной фамилии. И не хотела знать. Довольно невежливо она переспросила:

— Не понимаю, кто говорит?

— Мелентьев! — сказал он грозно. И было спрошено, где я нахожусь, и приказано: когда объявлюсь, сразу же звонить ему, в ЦК.

Мы договорились с женой заранее: домой звонить я не буду, не ровен час, прослушивается аппарат. Ей сообщает, не называя меня, номер телефона, и если что, она позвонит мне, но не из дома. И она ходила на переговорный пункт, высиживала очередь, звонила мне.

Выждав несколько дней (спешить мне было ни к чему!), я позвонил Мелентьеву. Но не из автомата гостиничного, а заказав телефонный разговор с Москвой, чтобы секретарша доложила: звонят из Ленинграда. Был ли у него «народ» в кабинете или он один сидел там в кресле, не знаю. В номере ленинградской гостиницы я лежал на кровати, и мы разговаривали.

— Что же вы в такое время уехали? Такое напряженное время, а вы...

— Да вот это и беда, что весна ранняя, натура уходящая, все зимние сцены не отсняты, — разыгрывал я дурачка.

— Вы телевизор смотрите? — спрашивает он строго: похоже, все же «народ» был в кабинете. — Газеты читаете?

— С этими съемками не то что телевизор смотреть, забудешь, как тебя зовут. С утра до ночи...

А на душе пакотно. Есть мелкое удовлетворение: он там в галстук, при всем параде, внизу — охрана, а я лежу себе... Но это ведь не трубку телефонную держу в руке, а конец поводка: другой конец у него на руку намотан. Но почему вообще я должен скрываться? Война? Враг вторгся? Так от врага я не бегал.

— Вы когда возвращаетесь? — спросил Мелентьев, заканчивая разговор.

— Мы еще в Киев поедем, там съемки, — и аппаратное словечко с языка скатилось: — Затрудняюсь сказать.

Начальство всегда затрудняется, вот и

я затруднился.

— Когда вернетесь, попрошу зайти ко мне.

И я зашел. Офицер госбезопасности за своей конторкой при входе сличил меня с фотографией, громко произнес фамилию; солдат в такой же фуражке, за такой же конторкой, но по другую сторону прохода, нашел в ячейке выписанный пропуск, все это вручили мне, и я прошел.

Такого количества ондатровых шапок, столько серых каракулевых генеральских папах, генеральских шинелей голубоватого сукна, вернее, драпа, не встречал я ни в одном гардеробе. А вот академику Сахарову Андрею Дмитриевичу подал я однажды в гардеробе, но не в этом, а в соседнем, еще более значительном подъезде, серую его курточку (приглашал нас на беседу тогдашний член политбюро Медведев, удостоил, и беседовал с нами, не снимая темных очков), так вот помог я надеть в рукава легкую эту, не пуховую, а на чем-то вроде поролона курточку, воротник ее затертый вижу до сих пор. И вижу, как потом стояли мы в темноте на улице: ожидая чью-то машину. Была поздняя осень, когда холод переносится трудней, чем зимой, а он боялся холода, единственное, чего он боялся в жизни, стоял, сгорбившийся, в продуваемых на ветру брюках, прямо чувствовалось, как в них зябнут его худые ноги. Но это было позже, много позже.

А тогда разделся я в гардеробе, повесил свое пальто в почетном обществе, и — коридоры, коридоры, ковровые дорожки, тишина особенная, можно сказать, священная тишина: коридоры власти. По ту и по другую сторону — массивные двери, фамилии на дверях, одного взгляда на них достаточно, чтобы понять, какая прополка шла по стране, какой из десятилетия в десятилетие отбор совершался.

Секретарша, заранее предупредленная, доложила, и из кабинета, заканчивая разговор: «А я и не знал, что Быстрицкая — еврейка...» — «Но как Аксинью сыграла в «Тихом Доне»!..» — вышли два работника ЦК. Белые воротнички, галстуки, походка, манера держаться, да и костюмы одинакового покроя. А может, от одинаковой кормежки они такие друг на друга похожие?

И вот сидим: Мелентьев — за массивным столом, я — перед ним за столиком. Путь его в этот кабинет мне более-менее известен. Два мощных потока парработников вливались всегда в Москву: с промышленного Урала, из Свердловска, и из Ставрополя, куда ездило на отдых высшее руководство и где его соответственно обхаживали. Сейчас никому ничего не говорит фамилия Кириленко, вспомнить нечем. Маленького роста, с бульдожьим лицом, человек: этот начал партийную карьеру в 38-м году, когда по стране шел великий отстрел кадров, дорос до должности первого секретаря Свердловского обкома, был переведен в Москву, куда и по-

тянул за собой своих людей, Мелентьев был в их числе. Пройдет время, и, отодвинутый другими карьеристами, удаленный на пенсию, впавший после инсульта в слабоумие, Кириленко еще долго будет по утрам собираться «на работу», экипироваться — костюм, вычищенные ботинки, галстук — и совершать в полном параде марш до дверей своей квартиры...

Но в то время, о котором я рассказываю, Кириленко был на вершине власти, весь государственный гранит, вся эта мощная пирамида — под ним: член политбюро, третье по значимости лицо в партии. А Мелентьев — в его фарватере, распространился даже слух, что он — зять Кириленко. Впрочем, и про Ермаша, тоже привезенного из Свердловска, говорили, что он — зять Кириленко. Ни один из них этого не опровергал. Но была ли дочка? Во всяком случае, если не зятем, если не правой рукой Кириленко, то уж указательным пальцем его руки Мелентьев был, а стоит этим пальцем погрозить, чтобы слабо-нервного ввести в трепет.

— Вы свою форму участия продумайте, — сказал он. — Свое отношение вам надо высказать.

Я молчал. Продумывал. Значительный разговор в значительном месте и вестись должен значительно. Склонить себя я все равно не дам, но хотелось, ох, хотелось уйти с наименьшими потерями. Да и силу всей этой огромной машины я уже не раз ощущал на себе.

Как-то на IV съезде писателей, когда Солженицын попросил дать ему слово, с письмом обратился в президиум, и было ясно, что слова ему не дадут, мы с Тендряковым поехали на его машине собирать подписи в поддержку. Встретили Александра Яшина. «Нет, — сказал он, — не обижайтесь, ребята. Не подпишу». Его только что громили, просто-таки изничтожали за его «Вологодскую свадьбу». «Вы не знаете силы этой системы». И рассказал к слову анекдот, как позвали слесаря чинить кран. Починил он на кухне, потек кран в ванной. Починил в ванной, опять потек на кухне. «Нет, не возьмусь, всю систему менять надо...»

Вот я сидел, слушал и услышал, что, оказывается, я в литературе — генерал, что ко мне прислушиваются, потому очень было важно... Нет, Юрий Серафимович, я — лейтенант. Генерал, генерал, настаивал он, чувствовалось, и в маршалы произведет меня охотно, лишь бы я что-то подписал. Ну, прямо толстовская сцена: он врет, я понимаю, зачем он врет, и он понимает, что я понимаю, и тем не менее... Вдруг вырвалось у него с досадой:

— Думаете, мне доставляет удовольствие всем этим заниматься? Мне в радость?

Вот это, похоже, правда. При Сталине разве уговаривали бы? Кнопку стоило нажать...

— Ильин не мог как следует организовать!

Вот тут я за Виктора Николаевича Ильина вступился, я буквально оду ему пропел:

— Зря вы его не цените, он — идеальный работник старой выучки. И действовал в лучших традициях: преступник должен быть доставлен ничего не подозревающим, должен сам, как за наградой, стремиться. Нет, таких, как он, осталось уже немного.

И еще некоторое время длился наш разговор, тягостный для обоих, но нельзя ему, не полагается отпустить отсюда человека незамаранным, да я ему помочь в этом не мог.

Однажды на Украине услышал я в официальной речи: «Партия вымогает з нас...» Как понимаю, это означало: партия требует, ждет от нас. Но странное звучание в родственных языках обретает одни и те же слова, обнажая вдруг сокровенный смысл. Вот это и происходило в кабинете: вымогает...

А Ильина на одной из фотографий я видел молодым: юноша из полунинтеллигентной семьи, принадлежность же к интеллигенции для новой власти была тем родимым пятном, тем пороком, который полагалось изживать, отмывать в чистилище заводов и шахт, соскребать с себя многими покаяниями, иначе путь в жизнь был закрыт. Кто у нас не проходил через бесконечные чистилища, через ложь, отречение от отцов-матерей, от самих себя, превращаясь из гонимого в гонителя. Какие судьбы втаптывались! Вот так, наверное, и оказался он в надежнейшем из чистилищ.

Ильину было под семьдесят, потом и за семьдесят, когда, спущенный сверху в Московское отделение Союза писателей, держал он все нити управления в своих руках, уже исхудавших, бледных. Но так же четко работал аппарат из множества секретарш, и все вертелось, и дела делались, и бумаги подшивались. А он сохранял хорошую выправку, хотя уже и губы стали дряблыми, пришепетывал, забывчив становился, это видели, он один за собой не замечал. В огромном, необъятной высоты кабинете он скромно в обеденный час включал электрический чайник, пил чай с бутербродами, принесенными

из дому. Для других в его должности держали неприкосновенным столик в ресторане: вот спустится, и будет долгое застолье, на которое никакой зарплаты не могло хватить. Но странность: парикмахер Дома литераторов, бривший когда-то командующего нашим фронтом Толбухина, жаловался мне на Ильина: «Почему я должен стричь его бесплатно? Мне не жалко, пожалуйста, но почему?» Думаю, дело тут было даже не в экономии, во всяком случае, не в ней одной: просто он считал, ему это положено по должности. И шофер утрами выгуливал его собаку во дворе.

В ондатровой шапке, сшитой в литьондовском ателье, где тоже все шилось по рангу (кому — ондатровую, кому — кроличью), в демисезонном пальто, он выходил к машине, садился, захопывал дверцу, ехал в должность. Мне он как-то сказал: «Зимнего пальто я никогда не носил, в любые морозы — в демисезонном». Но в теплой машине этого и не требовалось.

Потом он был свергнут, все, как всегда: те люди, кого он поддерживал и растил, свергли его, посадили своего человека. И вот, встречая меня во дворе, он вновь и вновь рассказывал историю про какого-то проходимца Першина или Паршина, который, как ему удалось установить, присвоил себе чужой орден, а он его разоблачал, но им этот проходимец был нужен, они встали за него горой... Если бы лишь в этом дело и только — Паршин-Першин!

Как-то включаю радио — «Писатели у микрофона». И слышу такой текст: «...на снегу в Сталинграде лежал молодой капитан. Кровь текла из его губы. Этот капитан был я». По голосу — Падерин. Был такой полковник, он же литератор, он же в непонятной должности при отшедшем от дел маршале Чуйкове: то ли ординарец, то ли приближенный. Оттуда он метал на своих литературных недругов громы и молнии за маршальской подписью. Потом между ними возник какой-то денежный конфликт, и маршал прогнал его со двора. И вдруг выясняется: в бытность свою комиссаром полка Падерин украл орден Боевого Красного Знамени, снял с убитого сержанта, присвоил и носил многие годы. Об этом двадцатимиллионным тиражом

сообщила газета «Труд». И что же? А ничего. Для жалостливости обзаведясь палочкой и прихрамывая, все так же приходил Падерин на писательские собрания, держал себя жертвою невинной, случилось, и с трибуны выступал: стыд не дым. Это прежде офицеры от позора стрелялись.

Ильин, удаленный от дел, продолжал жить той жизнью, которая теперь без него вертелась, собирал компромат на своих недругов, гордился, что писатели не забывают его, присылают книги с дарственными надписями. «Как хорошо, — говорил он, — что ты остаешься самим собой». Прежде почему-то именно это его не устраивало. Но, освобожденный от груза обязанностей, он говорил теперь это вполне искренне. И возмущался, возмущался теми, кто предал его, чей авторитет ранее был для него неколебимым. А ведь он такую школу жизни прошел, такой, многоопытный человек. Но так же, как легко понять и принять, что все люди смертны, но трудно к себе это приложить, так же, видимо, трудно свыкнуться с мыслью, что те, кого ты взрастил, тебя и предали.

Теперь он ходил зимой в рыжеватой матерчатой шубе с меховым воротником и на меховой подстежке, шапка ондатровая уже потерялась. Идет, бывало, по скользкой улице в магазин, уставясь в свои очки на кончике носа. Нередко — видел я в окно — стоит во дворе с хозяйками, они с кошелками, он с кошелкой, разговаривают. Без должности, без смысла жизни он быстро старел, перемены последних лет ошеломили его. Однажды он позвонил мне, предложил для журнала материал о прежней своей службе, еще той, до Союза писателей, до ареста: о святая святых. И говорил со мною на «вы», по имени-отчеству. Редактор журнала, я стал в его глазах как бы начальством, он явно робел. И чтобы сделать ему приятное, я заговорил о том, какой порядок был при нем и как все измельчало теперь, развалилось. Кстати, это была правда.

Погиб он, переходя дорогу, наш Ломоносовский проспект. Возможно, вот так же загляделся в очки на кончике носа, задумался, и машина сбила его. Узнал я об этом задним числом, меня не было в Москве, когда его хоронили.

Ланитур предлагает маршруты на теплоходе в Японию и Норвегию, отдых в Болгарии, шоп-туры в Грецию, Китай и Турцию.

Приглашаем к сотрудничеству организации, турфирмы и частных лиц.

Производим конвертацию валютной части путевок.

☎ 431-08-23

432-96-89

Аркадий ИППОЛИТОВ

МЕРКУРИЙ И ГЕРСА

(«Метаморфозы» Овидия)

Россо. Зависть

Меркурий, вестник богов, жил очень напряженной жизнью. Он был обременен таким количеством обязанностей, что не имел ни одной свободной минуты. В «Разговорах богов» Лукиана Гермес-Меркурий жалуется своей матери нимфе Майе: «...меня совершенно замучили, завалили всякой работой, — я разрываюсь на части от множества дел». Далее следует список его обязанностей, который напоминает знаменитую арию Фигаро. Неудивительно, что при такой занятости у античного Фигаро оставалось мало времени на личную жизнь. Романы Меркурия почти неизвестны, но все же и этот бог воров, торговцев и художников не оказался равнодушен к красоте земных дев.

Как-то пролетая над Атикой, Меркурий увидел афинянок, несших дары в храм Паллады. Сразу же влюбившись в самую прекрасную из них, Герсу, Меркурий в ту же ночь посещает свою возлюбленную.

Все было бы хорошо, но Герса оказалась одной из трех дочерей Кекропа. Ее сестра Аглавра уже навлекла на себя немилость Ми-

нервы своим чрезмерным любопытством, но на этом не успокоилась. И сейчас она первой заметила входящего в дом Меркурия, уселась на пороге и стала вымогать у бога золото. Золота покровителю воров было не жалко, а на представления наглой девицы Меркурий не обратил внимания, дав ей столько, сколько она пожелала. Но это непотребство увидела

Минерва и решила, что пора свести старые счеты.

Желая по-настоящему отомстить, Минерва отправляется к Зависти и побуждает ее отравить своим ядом Аглавру. Описание Овидием Зависти необычайно красочно: «Бледность в лице разлита, худоба истощила все тело, // Прямо не смотрят глаза, чернеются зубы гнилые; // Желчь в груди у нее, и ядом

язык ее облит. // Смеха не знает, — подчас лишь смеется, увидев страдания. // Нет ей и сна, оттого что ее возбуждают заботы. // Видит немилые ей достижения людские и, видя, // Чахнет; мучит других, сама одновременно мучась, — // Пытка сама для себя». Дикое видение, отраженное в рисунке флорентийского художника XVI века Россо Фьорентино, стало символом трагедии Рима, разграбленного в 1527 году войсками императора Карла Пятого. Именно такое чудовище отравило сердце Аглавры, возбудив зависть к удачливой сестре. В безумии она пыталась не пустить бога в покои Герсы, забыв о том, как опасно противоречить бессмертным. Меркурий превратил Аглавру в камень. Приключению Меркурия посвящен другой рисунок Россо. Он входит в серию «Любовь богов», в которой довольно откровенно изображаются любовные сцены.

В картине венецианца Веронезе, младшего современника Россо, тот же сюжет теряет свой неприкрытый эротизм. Миф Овидия разукрашен на венеци-

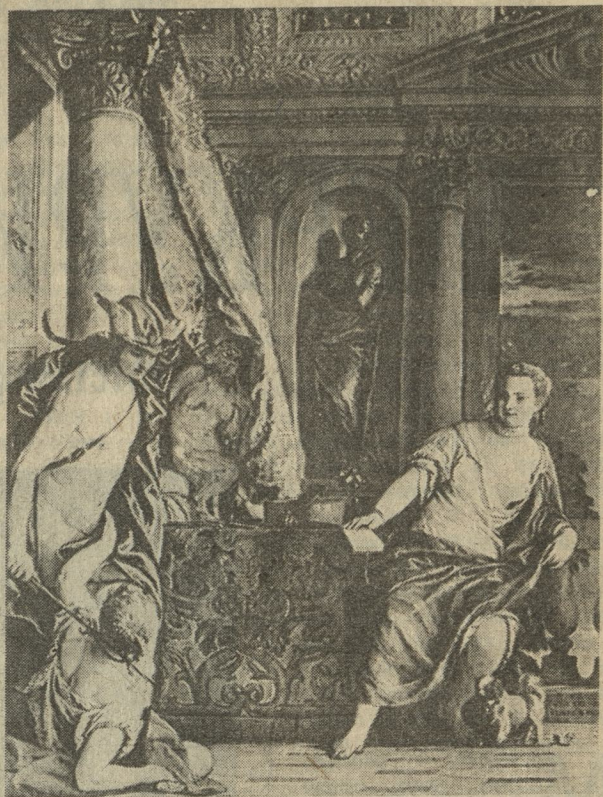
анский манер. Герса Веронезе напоминает роскошную куртизанку в своем будуаре. Ноты, музыкальные инструменты, собачка, жемчуга, восточные ткани — плод неумейной фантазии Веронезе. Для художника красочность важнее текста Овидия. Герса не спит и довольно безразлично наблюдает за гибелью сестры, сострадавая не больше, чем комнатная собачка у ее ног.

Две школы живописи — флорентийская и венецианская — представляют два варианта восприятия античности. Флорентиец более близок к Овидию, и все его внимание сосредоточено на пластической выразительности, позволяющей передать дух античного сладострастия. Для венецианца миф — лишь повод, лишь «сюжет», лишь канва его фантазии.

Минерва отомстила лю-

Россо. Меркурий и Герса

Веронезе. Меркурий и Герса

бопытной Аглавре с помощью Меркурия. Два этих божества очень часто выступали вместе, так как в XVI веке они оба стали покровителями живописи. Такими они изображены на парной картине Гольциуса. Римские боги воскресли в образе миловидных юных голландцев, далеких от античного совершенства, но расположившихся на развалинах Колизея. То, что персонажи римской мифологии окружены не ка-

кой-либо идиллической декорацией, а современными художнику руинами, подчеркивает ироническую игру Гольциуса: Меркурий и Минерва, бог торговли и богиня войны, — мираж давно прошедшей эпохи; но Меркурий и Минерва, покровители искусств, — живы благодаря живописи, и в мастерской художника они так же реальны, как те натурщики, что послужили моделью для их изображения.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Политический портрет бизнесмена и политика **Константина БОРОВОГО**.

Фоторепортаж **Елены Салиной** и **Эдуарда Кудрявицкого** о работе пожарных нынешним летом.

Новые стихи **Андрея Вознесенского**.

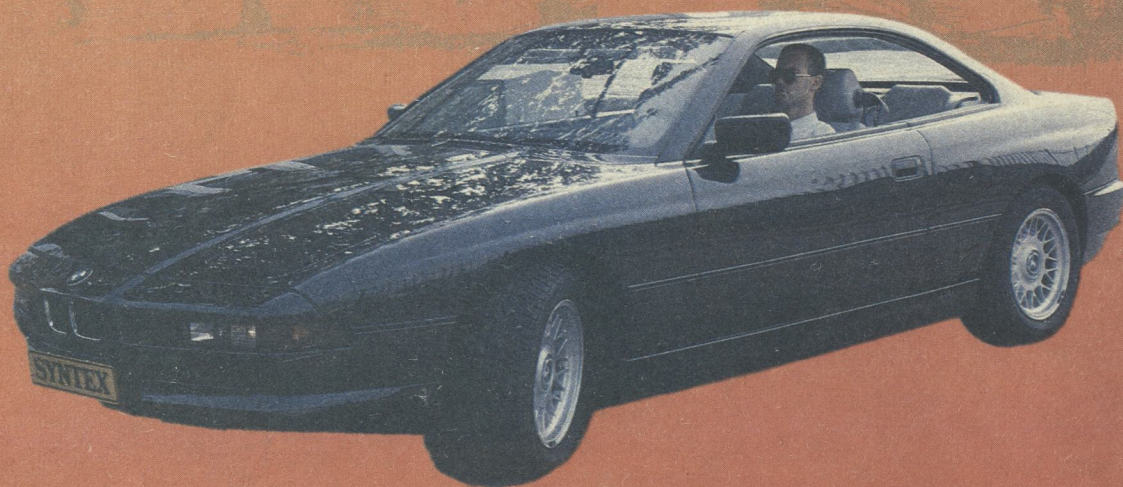
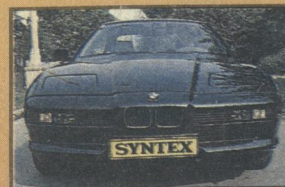
Гольциус. Меркурий

Гольциус. Минерва

SYNTEX

Кв. Б. Н.

Престижный автомобиль — это ваше лио и лицо вашей фирмы!

Новые «Мерседесы» (140-й кузов), BMW любой серии, скоростные «Порше» и «Вольво» всех цветов. Все это в автосалонах фирмы «СИНТЕКС» по адресу: ВДНХ, павильон «Транспорт» и павильон «Москва».

т. 188-63-71